

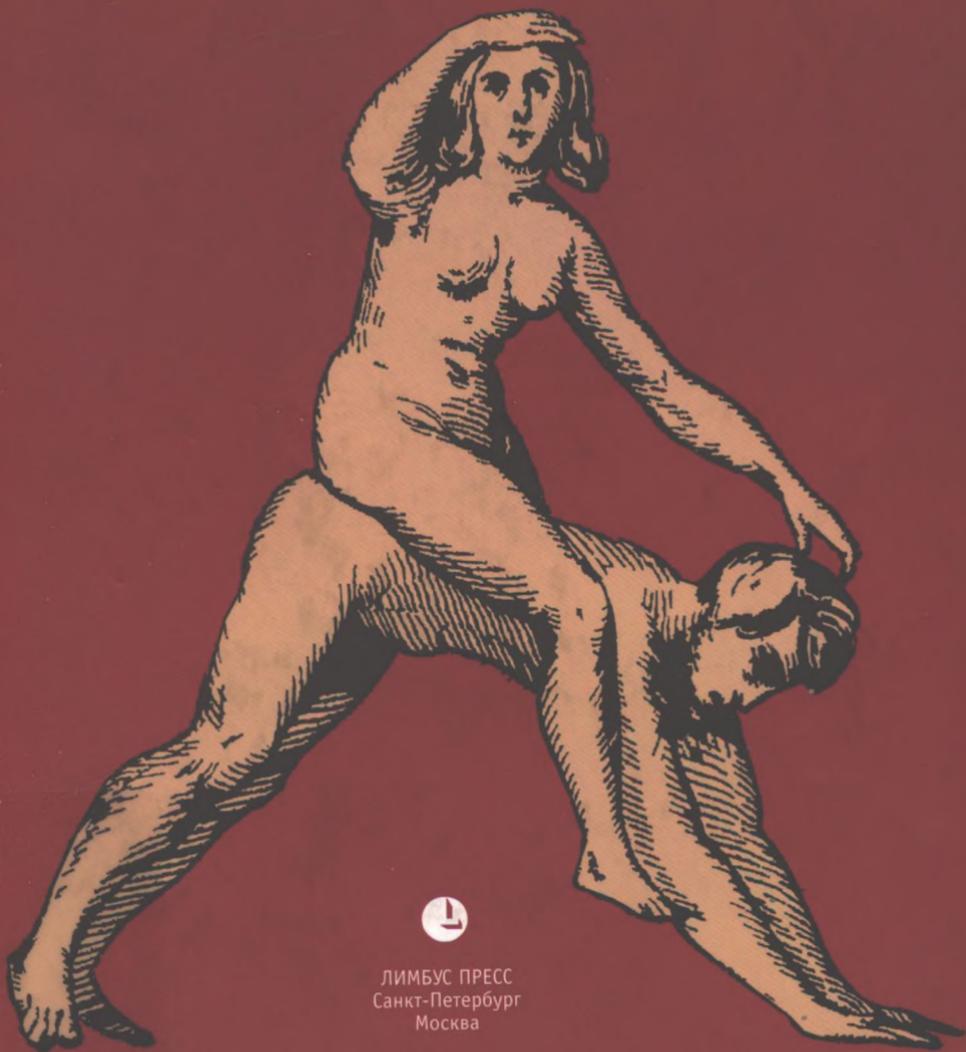
KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000045500843

Москва

ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

Татьяна Москвина

ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

КИНОПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

ЭССЕ

ЛИМБУС ПРЕСС

Санкт-Петербург · Москва

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
М 82

Татьяна Москвина

М 82 Вред любви очевиден: Эссе, киноповести, рассказы. –
СПб.: ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2006. – 288 с.

Татьяна Москвина – автор, хорошо известный российскому читателю. Писатель, публицист, драматург, блестящий эссеист – много литературных талантов счастливо сошлось в этом человеке. «Вред любви очевиден» – книга, в которой Москвина в полную силу демонстрирует все грани своей незаурядной одарённости.

ISBN 5-8370-0448-3

© ООО «Издательство «Лимбус Пресс»
© А. Веселов, оформление

www.limbus-press.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ

2005–2006

РАЗ, ДВА, ТРИ – ИГРА ЗАКОНЧЕНА

По отношению к романам Бориса Акунина и последующим экранизациям их у меня никогда не возникало сильных эмоций и очевидных мыслей – это для меня сфера досуга, что-то вроде раскладывания пасьянса. (А без эмоций откуда же взяться вдохновенным рассуждениям?) Акунин – конструктор: разложил литературу на составляющие и сделал из элементов деконструируемого принципа занимательности свою игру. Из русской прозы всех рангов Акунин черпает смелой рукой – в одном сочинении я обнаружила персонажей рассказов Всеволода Гаршина, художников Рябинина и Гельфрейха, перенесённых из мест обитания в игру без всяких намёков или ссылок на их происхождение. Интересно, что при этой операции – перехода из первоисточника художественного пространства в акунинскую конструкцию – гаршинские герои потеряли свою оригинальную прелесть, ту нервическую яркость и живость, которую им придавало перо автора, они сделались как будто вылепленными из воска, но при этом сохранили основной рельеф. Так, в общем, выглядят и все герои Акунина – восковые персоны или карточные символы, с нарисованными двумя-тремя чертами для опознания.

Но в одном герое, в Эрасте Фандорине, есть и ещё что-то сверхделовитой конструкции – вещество мечты, волнующей и самого автора. Он тоже собран из элементов, свинчен из

механических деталей, но странным образом вдруг несколько ожил, точно на него упала капля чудодейственной воды. Разочарованный красавец с седыми висками, укрепляющий тело японской гимнастикой, а душу – усердным служением Отчеству, обладает редким для героя русской литературы свойством: он умеет владеть собой. Личный порядок против общественного хаоса, японская гимнастика как средство служения России! Хорошо и оригинально.

О том, что «фандоринские» романы Акунина чрезвычайно годятся для кинематографа, говорили давно. Да, в общем, трудно возразить, тут вопрос другой – для какого кинематографа? Ведь достаточно очевидно, что этот материал не ставит художественных задач, и все виды занимательности, применённые автором, кинематографу известны, отработаны им. «Игру в Россию» Никита Михалков придумал задолго до Акунина – ведь сценарий «Сибирского цирюльника» написан ещё в 1987 году, и уже тогда не блистал оригинальностью. Романы Акунина могли пригодиться массовому кинопроизводству, конструирующему свой принцип занимательности, – и как только оно возникло, они и пригодились.

Вначале была «Азazelь» – и у автора, и у его интерпретаторов. В романе действует юный Фандорин, начинающий свой путь пока без японских вливаний и русской тоски и раскрывающий мировой заговор Ужасной леди. В телевизионном сериале режиссёра Александра Адабашьяна юного героя сыграл Илья Носков, а Ужасную леди – Марина Неёлова. Адабашьян, известный художник кино, не ведёт отчётливой жизни в области режиссуры кинематографа, но для пространства телесериалов его возможности вполне достаточны: «Азazelь» проскочила в безмерный зрительский желудок, не причинив никаких неудобств. Любовь зрителя к царской России, отформатированной в поп-культуре, – фактор устойчивый. Другое дело, что сериал по Акунину возможен только малый, поскольку ни в одном романе автора (кроме последнего по времени романа «Алмазная колесница») нет развитой любовной ин-

триги, матери всех сериалов. Десяти-, если не ошибаюсь, серийная «Азазель» казалась сильно растянутой.

Из этого сериала я не помню почти ничего, кроме улыбающегося (в предвкушении «Бригады»?) Сергея Безрукова (Бриллинг) и неопишуемого выражения лица Марины Нелёвой (Ужасная леди), когда она, будучи разоблачённой, шептала: «Вот так-то, мой мальчик», глядя на юнца Фандорина откуда-то из глубин мудрого и горького опыта. Это вообще интересная проблема – сериалы и культурная память.

Сериалы производятся в большом, промышленном количестве и употребляются миллионами. Но эти миллионы ничего не помнят, поскольку потребление основано на хроническом и обязательном повторе, а память так устроена, что хорошо воспринимает различие и уникальность опыта, но не повтор. Человек не может вспоминать вкус лимонада, который пьёт каждый день, хотя это неотъемлемая частица его повседневной жизни. Недержание сериалов в культурной памяти естественно. Актёрская сериальная слава «по гамбургскому счёту» ничего не стоит, выветривается моментально. Что была «Азазель», что её не было – можно сказать и так. Но на деле «Первый канал» продолжал осваивать пространство массовой игры, и здесь «Азазель» была одним из этих осторожно-уверенных шагов.

В «Азазели» мы сразу встретим основной акунинский приём, который им не изобретён, но использован крупно. Главными злодеями у него почти всегда оказываются «наименее подозреваемые», как и положено, но соль в том, что им по роду занятий категорически запрещено делать зло: управительница благотворительного детского приюта («Азазель»), честный скромный офицер («Турецкий гамбит»), высший полицейский чин, в титуле князя («Статский советник»). Это маски, за которыми скрываются бесы, и маски полностью противоположные лицам. Врачи-убийцы Агаты Кристи убивали по вполне ясным мотивам корысти и страха – но игра акунинских злодеев крупнее, им подавай власть над Росси-

ей, мировое господство, личная корысть неактуальна или раздута до непостижимых размеров. На карнавализацию зла, меняющего обличия, акунинский герой отвечает индивидуальным артистизмом – он отважно переодевается и притворяется для успеха действия, оставаясь самим собой, светлым и бескорыстным любителем чистой игры. Может быть, оттого он в мире автора награждён особой милостью Фортуны – страховкой, обязательным конечным выигрышем.

Этот мотив новый в мире занимательного. Фандорин – и это подчёркивается всякий раз – всегда выигрывает в любые азартные игры. Такой уж ему положен бонус от судьбы, и он соблюдается неукоснительно. Фортуна, которая, как известно, изменчива, коварна и неблагодарна, из ветреной любовницы становится верной женой. Ни при каких обстоятельствах бонуса у Фандорина не отберут. Личные заслуги тут ни при чём – *так назначено. Такое распоряжение.* В чём его смысл? Исключительно – в существовании игры, которую герой никогда бы не выиграл без страховки. Сколько ни наращивай мускулы и разум, миром правят злодеи, и без специальной защиты Фандорину не сделать и двух шажков. Страховка героя – *conditio sine qua non** самой игры, где добро имеет какие-то непонятные, не из него самого исходящие, дополнительные преимущества...

Вообще-то *это нечестно*. Старинная тяжба добра и зла долгое время велась по традиционной установке на отвязанность зла и правильность добра. Добро не должно было мухлевать, использовать грязные средства и коварные приёмы. Злу, разумеется, всё это было преспокойно разрешено. Когда добро проигрывало (примерно каждые 95 игр из 100), оно объявляло, что это и есть главный выигрыш. Постепенно игра пришла в упадок. Стало непонятно, что делать: разрешить добру тоже мухлевать? Пропадёт разница между игроками. Единственный выход из ситуации и есть тот, что придумал

---

* Условие, без которого нет (*лат.*).

Акунин – обратиться за помощью не к методам зла, а к древним богам, укрепить добро силой судьбы. Оно сможет выиграть не потому, что убедит кого-либо в своей чистоте и красоте (плевать в игре на эти нежности), а потому, что за неё встанет дракон Рока.

Просто так, как говорится, с дуба рухнувши, Рок не будет раздавать свои роковые привилегии. Эту привилегию может вымолить Автор для одинокого, отдельного, особенного, очень заветного Героя.

Стало быть, при попытках воплощения такого героя в кино, всё-таки ждёшь какой-то необычайности, яркости отпечатка, особой привлекательности. Илья Носков, обаятельный и способный артист, такого букета нам не связал. Эстафетная палочка перешла к Егору Бероеву, сыгравшему Эраста Фандорина в картине режиссёра Джаника Файзиева «Турецкий гамбит» (2004).

«Гамбит» чуть долее продержится в культурной памяти, чем «Азазель», из-за новизны ситуации: вслед за картиной «Ночной дозор» он оказался в числе лидеров отечественного проката. Массовый зритель пришёл в кино и посмотрел не американский, а свой фильм. Это запомнится.

Всё понятно с этим кино – стиль «Первого канала», клиповая эстетика, да-да-да... И всё-таки следы жизни там существуют. Какая-то весёлая молодая энергия закодирована в фильме и передаётся весёлому молодому зрителю. Нет у меня желания его ненавидеть.

«Турецкий гамбит» – второй по времени «фандоринский» роман. Эраст Петрович там по-прежнему молод, хоть виски его и посеребрила седина встречи с «Азазелью» (имя демона и тайной организации, разоблачённой Фандориным ценой потери личного счастья). Он служит вольноопределяющимся на русско-турецкой войне, но правительство уже взяло его на заметку из-за выдающихся дедуктивных способностей.

Прямо сказать, этих способностей мы в картине не увидим. Фандорин весь фильм будет что-то пытаться угадать

методом тыка, а в конце прибудет откуда-то с внезапной готовой разгадкой. Он очень симпатичен – милый паренёк, ловкий, загорелый, кареглазый, отзывчивый, никакой «замороженности». Егор Бероев славный артист, и, надеюсь, найдёт свою дорогу в искусстве. Он ничего не испортил в «Турецком гамбите» – да только это не Фандорин. Он слишком нормальный для него, такого парня можно встретить на улице, хотя он будет замечен в компании из-за своей очевидной половой привлекательности. Но для увеличения зрительского аппетита в картине собрана целая команда артистов, в этом отношении мало уступающая главному герою: тут и Балуюев, и Куценко, и Башаров, и Певцов, и Краско, и Гуськов, так что на этом фоне Бероев несколько тускнеет.

Да и не в Фандорине дело – парни играют в войну, и девчонка им помогает, война идёт на Востоке (актуальная фактура), и «чужие» с лицом Гоши Куценко (Исмаил-бей) так же крепки и хороши, как «свои» с лицом Александра Балуюева и Дмитрия Певцова. «Турецкий гамбит» показывает русскую армию в привлекательном виде – с заботливыми командирами и храбрыми солдатами, с подвигами и приключениями, с честью и отвагой, с галантностью и азартом, с попечением о дамах. Уже этого одного достаточно для успеха. Победить на Востоке, который неотвратимо побеждает в реальной современной России, – значит умело разбудить вещество мечты.

Но победителем в соревновании актёрских талантов в экстремальных условиях клиповой эстетики становится между тем Александр Лыков (Перепёлкин – он же таинственный Анвар-эфенди). Пространства игры у Лыкова так же мало, как и у остальных, в ключевой сцене разоблачения ему следует всего лишь сменить маску, и из маленького, прилежного, нелепого офицеришки превратиться в турецкого гения шпионажа. Однако Лыков делает это блистательно, с таким юмором, остротой реакций, точностью, обаянием, что самый простодушный подростковый зритель пришёл в восторг. Александр Лыков – артист с хитринкой, он бережёт свой та-

лант. Прославившись исполнением роли мента Казановы (сериал «Улицы разбитых фонарей»), он вовремя покинул сладкий мир массовых грёз и занялся оригинальными театральными экспериментами. Два я видела и удивилась огромному потенциалу артиста, нещадно тратившего себя в моноспектаклях для ста зрителей. Лыков сберёг возможности внутреннего роста – кино «Первого канала» такого роста не предполагает. Оно использует лишь устойчивые маски и наработанный где-то вне его актёрский «вес».

О, как нужно ловко и умно крутиться артисту сегодня. Заработал в одном месте, потратил в другом, и массы нельзя оставлять без впечатлений от себя, и уходить к ним навеки опасно – потеряешь личность. В отличие от занятых в «Гамбите» звёзд, уже сильно надкушенных (или и вовсе скушанных) поп-культурой, Лыков выглядит свеженьким, владеющим собой и своим талантом.

Итак, вроде бы даже намечалась последовательность – две картины с молодым Фандориным подряд, хоть и с перерывом. Долго запрягали («Азазель» вышла в 1996 году, и почти сразу начались толки об экранизации), а доехали быстро. Игра началась, но тут же и закончилась: «Статским советником» режиссёра Филиппа Янковского (2005). Здесь появляется другой Фандорин, никакой связи с предшественниками не имеющий. Никакой алхимией Бероева в Меньшикова не превратишь – это другой герой.

«Статский советник», с его пустынной зимней Россией, населённой только властями и террористами, с величаво-гротескной фигурой крупного беса, Пожарского-Михалкова, с мрачной атмосферой преступного «фарта» буйных мужчин, истребляющих друг друга, – достаточно грамотный эквивалент акунинского романа. И Фандорин-Меньшиков вполне ладит с обязательной претензией на оригинальность, необычность героя. Он в большей степени Фандорин, чем другие, – и всё-таки это скорее щегольской и мастерский *силуэт героя*, нежели сам герой.

Не быть этому Фандорину мечтой очкариков, и ни одна категория зрителей не войдёт с ним в процесс идентификации. Элегантный, как идеальная модель, ироничный и брезгливо отстранённый от политической и всякой прочей грязи, Фандорин Меньшикова напрочь лишён внутреннего пламени. Он действует, ибо так положено богами сюжета, но его, кажется, не покидает изумление от самого факта своего участия в этом действии. Меньшиков никогда и не играл обыкновенных людей, и странность его Фандорина не наигранна, не фальшива – он неподдельно странен, этот пришелец ниоткуда, ледяная марионетка рока. В то, что он может угадать три карты сряду, что его не возьмёт пуля и он не разобьётся, упав с крыши, веришь безоговорочно. В то, что он может увлечься аппетитной дамочкой, беспокоиться о судьбах Отечества и ненавидеть зло – нет. Этот черноглазый фантом не похож на друга человечества. Он здесь не по доброй воле. Его заставили...

Игровой мир «Статского советника» сумрачен и холоден. Здесь горит фальшивым бенгальским блеском великий лицемер и прохиндей Пожарский, хорошенькие женщины помогают террору чем могут, нарядная безжизненная зима выгодно оттеняет варварский азарт к истреблению, заложенный программой в основных игроков. Невозможно себе представить, чтобы в этом мире любили, варили варенье, слушали щебет птиц, гладили по шёрстке домашнего кота. Под стать миру и его герой – сумрачный, холодный, с блистательно отделанным «фасадом» – безжизненный «советник». Как полномочный представитель иного и притом явно высшего мира он знает, что «зло пожирает само себя», и этот закон неотменим – с загадочной, слабой улыбкой Фандорин напоминает это князю Пожарскому, воображающему себя победителем. Пожарский Никиты Михалкова красочен и цветаст, но элементарен, это мономаниакальный тип, существо об одной идее, одной страсти (я главный), завёрнутое в карнавальное домино. Ненависть его к Фандорину основана на соперничестве в игровом пространстве и презрении к методам проти-

вположенной команды, к «чистоплюйству», «нежности». Настоящих источников фандоринской силы он не чувствует, хоть и буквально поводит в картине чутким носом, вынюхивая опасность. А фандоринская сила в том, что он не от мира сего, – хотя князь опрометчиво полагает, что это слабость. «Я не дам вам победить, потому что вы – бес», – хладнокровно говорит Фандорин Пожарскому. Князь впадает в буйную насмешливость: и это все ваши аргументы? Да кто вам поверит, скажи вы, что обер-полицмейстер Москвы – бес? Да вас упекут в сумасшедший дом («самашедший» – ёрнически интонирует Михалков). Но герой и не собирается действовать в реальном времени – он элегантно самоустраняется и ждёт самовыполнения закона. Срабатывает, однако!

Игра, затеянная автором, в фильме воплощена без явных искажений. Русское измерение игры запутано и противоречиво, о чём и в романе, и в картине скажет Фандорин, – беда России в том, что добро здесь защищают подлецы и мерзавцы, а злу служат герои и мученики. Эта дикая рокировка парализует представителя высшего закона, находящегося в несколько сомнамбулическом состоянии от такого положения дел. Чтобы защитить добро, его ещё надо обнаружить, добыть из мутной русской взвеси, немного пообчистить и потом уже ему служить. А можно поступит иначе – отойти в сторону и подождать, когда зло пожрёт само себя, поскольку закон сбоев не даёт. Но самопожирание зла – это взрыв, и после каждого такого взрыва сильно уменьшается наличное вещество жизни вообще. В конце фильма размещены два финала: в одном Фандорин отказывается служить государству, в другом соглашается – как говорится, на любой вкус. Хочешь – играй, не хочешь – не играй, разница невелика.

Мало того, что фантомен герой, фантомно и пространство игры, та самая «Россия», о спасении/защите которой столько говорится в фильме. Здесь пусто и холодно, и никто, кроме полиции и бунтовщиков, не живёт. Даже энергичного вора (Козырь – Владимир Машков) приходится откуда-то импор-

тировать – он приезжает из другого, более разнообразного пространства, а здесь воров нет – одни убийцы с интересными лицами. Кому здесь служить и что спасти?

Итак, думаю, что наладить с помощью Акунина творческое цветение кинематографа нереально, да никто и не собирався этого делать, впрочем. А вот разжиться игровыми методами у этого автора очень даже можно, но, видимо, на короткий срок. Странно даже представить, чтобы сейчас начали одна за другой выходить экранизации акунинских романов – «Смерть Ахиллеса», «Коронация»... зачем? Как будто всё ясно. В России акунинский проект достиг апогея и отцветает, но, конечно, если в игру вступит Голливуд (слышно было, что права на экранизацию Акунина приобрела компания Пола Верховена), она наберёт новые обороты – любопытно будет взглянуть.

ПРИСУТСТВИЕ ДУХА

Знающие Александра Секацкого обычно относятся к нему с большой иронической нежностью. Нежность естественно возникает из понимания: перед тобой редкое, драгоценное, ни на кого и ни на что не похожее существо – оригинальный мыслитель. Но именно поэтому ирония ставит бесполезную эту нежность на место в качестве декоративного приятного тумана, из которого грозной скалой выступает острое лицо, высеченное мастером человеческих фасадов. А там, за фасадом, живёт прекрасный и опасный, как старинное оружие, – дух, разум, *spiritus*. В случае Секацкого дух не отягчён материей душевности, – того, что в нас плачет, поёт, болеет, влюбляется, делает глупости, – а его тощая, лёгкая, *prospiritованная* плоть – не более чем рыцарские доспехи.

Я представляю его себе так: рыцарь идёт по ледяной пустыне, вызывает на поединок дракона, одинокий рыцарь – сам себе и Росинант, и Санчо Панса, и Дульсинья Тобосская; мо-

жет стать, и сам себе дракон. На поединок никто не является, но рыцарь продолжает путь с удовольствием, по дороге пронзая копьём афоризмов всякую падаль. «Ну, и что тут у тебя такое?» – спрашивает он холодно и насмешливо у кривого, обременённого мира, потерявшего Дух воинственности. – «Как и чем ты теперь поживаешь?»

Он не живёт здесь. Он разглядывает формы испорченного бытия бесстрашно и беспощадно – шпион, разведчик, номад с Других берегов.

Он – тот, «кто глядя вслед отливу божественного Логоса, сказал: “Я остаюсь” и услышал ранее никогда не слышанное “Без меня...” – как последний отзвук вещей глаголов». Мир украден Большим Вором и тотально подменён, его вещи фальсифицированы. Но где-то ведь есть платоновская пещера, где хранятся эйдосы, идеалы, чистые идеи вещей. Там есть невидимая фотография, неизмеряемое пространством время и неслышимая музыка – возможно, если до этого мира пока не добраться, то до него можно... додуматься. Думать, думать, и чугунная морда реальности возьмёт да и просквозит чистым воз-духом настоящей Софии, возлюбленной всяким настоящим фило-софом.

На лице Секацкого читается готовность оказаться в этом мире немедленно. Чудо петербургское! Сын военного лётчика Куприяна Секацкого, исключённый с философского факультета ленинградского Университета в середине 80-х годов за антисоветскую пропаганду и ставший нынче его доцентом и гордостью, он из тех достоевских людей, которым «не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Если бы я узнала, что Секацкий где-то как-то подшустрил для личной выгоды, я бы упала в обморок. Корыстной соображаловки в нём нет не просто так, а до степени изумления. Да ему и не нужен почёт от пластмассовой цивилизации – ему подавай золотую славу, на века.

Однажды я наблюдала такую сценку: господин Ля-Ля, ничтожный писака, стал вязаться к философу с дурацкими пре-

тензиями – дескать, а что это вы так непонятно пишете? (клевета! Секацкий пишет упруго и ясно, с немецкой основательностью и галльским остроловием). Александр, спокойный, как удав, молвил: да-да, я читал вас, господин Ля-Ля, всё это понятно, техника сиюминутного реагирования... но где же ваша чаша Грааля? Писака поперхнулся, а общество покатилося со смеху – для господина этого «чашей Грааля» было корыто для свиней из интеллигенции, куда власти сливают помои (он его вскоре отыскал). Но я теперь всякий раз, когда бес мелкого толкает меня на убогое, повседневное существование в слове, вспоминаю Секацкого с его чашей. Он прав, двигаться можно и должно только вперёд и выше, гладить против шерсти, а играть по-крупному. Почему дух так унижен сегодня, а мыслители (в лучшем случае) загнаны в университетские резервации? А потому, что измельчавший и выродившийся мир не выдержит сколько-нибудь дружно духовного напора – развалится. Духовная угроза существует, целых несколько людей в России носят её в себе и кормят собой. Есть эта угроза и в Секацком. Он опасен – особенно для слабых умов.

На сегодняшний день познакомиться с уникальным мыслителем можно, читая его книги, из которых наиболее доступны: «Три шага в сторону» (Амфора, 2001), «Сила взрывной волны» (Лимбус Пресс, 2004) и «Прикладная метафизика» (Амфора, 2005). Читатель много получит за свои денежки – чего стоит хотя бы гипериздевательский «путеводитель по философии: версия Секацкого», блистательно разделяющийся с мнимыми формами мышления в их идиотическом разнообразии. А сравнительный анализ поведенческих моделей сказочных антагонистов – Колобка и Пирожка! Древние утверждали, что божество опознаётся по запаху излучаемого им божественного озона – так и настоящий мыслитель узнаётся по чувству радости, лёгкости и особого наслаждения. «Холодное, лёгкое, чистое пламя победы моей над судьбой» (Ахматова). Вот и читая Секацкого, ста-

новишься лёгким, весёлым и холодным. Таковы ободряющие свойства присутствия духа – лучшего друга человечества.

Этот долговязый, сухопарый софист, фигурирующий под собственным именем уже в добром десятке питерских повестей и романов (ярок, хорош – писатели пленяются), не одно поколение соблазнил платиновым блеском своего изощрённого ума, но принял ли кто-нибудь от него главный завет, знаменитую «честность самоотчёта»? Себе врать не смей, учит сын военного лётчика Куприяна. Вот что ты сегодня сделал, прочёл, осмыслил? Где твоя чаша Грааля? Ничего не сделал и не осмыслил?

Тогда хоть почитай Секацкого, что ли.

КАК Я РАЗВАЛИЛА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

До 1991 года я за границей не была (если не считать студенческую поездку в Венгрию с актёрами курса эстрады, которые научили меня всему, что должен уметь образованный театральный человек – а именно, пить водку, не меняя выражения лица и ругаться матом в рифму). А в роковом девяносто первом мой муж получил синекуру в Гарвардском университете – что-то вроде полугодовой аспирантуры. Он прилежно учил английский, прервавшись в дни путча на общенациональные переживания, а я беспечно пасла годовалого ребёнка, время от времени совершенствуя умения, переданные мне актёрами курса эстрады. Хотя американская мечта позволяла моему мужу взять с собой жену, мне в это как-то не верилось. Чтоб вот так сразу и в Америку? Надо же как-то постепенно... начать, например, с Данни...

Договорились, что я прилечу в декабре. Муж оставил мне приятную даже на вид сумму денег и огромное количество вспомогательных телефонов. Гуд бай, май лав! И тут обнаружили два обстоятельства.

Во-первых, сила притяжения родной земли угрожающе возросла. Я не могла получить ничего – ни визы, ни билетов. Нужные люди заболели, убывали, пропадали просто так, без предлога. Было ощущение, что я очерчена магическим кругом. Во-вторых, как известно, в Советском Союзе была материя двух видов – «продтовары» (еда) и «промтовары» (всё остальное), и если промтовары исчезли в 1990-м, продтовары стали нас покидать как раз в 1991-м. С коляской и рюкзаком за плечами, я с утра отправлялась за едой, которая могла появиться внезапно в любом месте и тут же испариться. Однажды после двухчасовой охоты мне удалось добыть феноменальный продуктовый набор: миноги и хурму. Это не была голодная смерть, но это была очень затейливая жизнь – питаться несколько дней миногами и хурмой!

Наконец виза была получена, но билетов в Америку не было никаких до конца года. Я купила карту мира и задумалась, обнаружив Берингов пролив. Возникла идея попасть в Америку со стороны этого пролива, поскольку виза-то у меня была и меня обязаны были пустить! Однако никаких путей сообщения возле пролива не пролегало. Собаки? Олени? Местное население? Водка нужна! – так размышляла я, сидя за столиком в Доме кино и обсуждая ситуацию с товарищами. Постепенно моя горестная фигура стала достопримечательностью Дома кино.

– Вот, – показывали на меня, сидящую, как всегда, за картой мира. – К мужу хочет...

В общем, однажды возникли Люди. Двое. Они приказали мне 22 декабря ехать с ними в аэропорт, хотя они ничего гарантировать не могут. Как была, в джинсах, с дамской сумочкой, в разбитых ботинках и шубе из неизвестного зверя, я с Людьми приехала в аэропорт. Мы погасили в машине свет и сидели часа два. Люди вели разговоры. Я такого больше не слышала никогда.

– Ты думаешь? – спрашивал Первый у Второго.

– А что тут думать? Тут думай не думай, дело ясное. Думать он собрался.

– Ну, это как сказать. Возможен и другой путь. Не так всё просто.

– Другой путь – он, знаешь, где? Не смей меня. Нет, вот сколько тебя знаю, ты в своём репертуаре.

Так прошло два часа. Внезапно Второй сказал Первому: «Пора выдвигаться». Они ушли, а через сорок минут я сидела в самолёте, не понимая ничего. Помню, что кто-то вдруг выкрикнул мою фамилию, помню пачку денег, которую я сунула Людям... Самолёт летел, я наливалась неизвестными дринками и дремала, оглушённая событиями...

...Чёрный таможенник, грозный и приветливый, как дух Америки, посмотрел на меня вопросительно. Я улыбнулась и показала на сумочку – единственный мой багаж. Так я прибыла в Америку – без багажа, без копейки денег, в драных джинсах. Духу Америки это явно понравилось. Добро пожаловать! – сказал он мне, посмеиваясь.

Ну, что будем делать? – спросил меня уже совсем американизированный муженёк. Он был в мексиканском свитере и с длинными волосами – не стригся из экономии. (В другое время я бы сказала ему всё, что надо, но он опоздал к залу ожидания минут на двадцать, и вы можете себе представить, что я за это время пережила и каким спасителем показался он мне, так что было не до волос.) Я вспомнила, как ведут себя американские туристы в России (Водка, Кремль, икра, балалайка) и дала симметричный ответ: «Статуя Свободы. Бродвей. Кино. Попкорн!» И мы пошли по плану. Ботинки мои попали в урну в первый же день моей американской жизни. После питания миногами в замёрзшем отечестве, мне понравилось в Америке вообще – всё.

А через неделю, в гостях у нью-йоркских друзей, мы посмотрели новости из дома... Вот оно что. Вот почему держала меня родная земля. Стоило мне уехать, как развалился Советский Союз!

Смутное чувство вины я заглушила ударным трудом. В конце концов, преступление недоказуемо. И вообще, во всём виноваты те Двое, из машины, которые меня пропихнули в самолёт.

Где-то они теперь, голубчики мои?

ИДИОТКИ

Современные цивилизованные женщины склонны к публичному самовыговариванию, это факт. Так много и охотно про себя и своё им не приходилось говорить никогда. Женское самосознание – прежний удел одиноких монстров – льётся водопадом из всех средств массовой информации, и большинство женских книг написаны от первого лица. Многое здесь по-настоящему интересно и познавательно. Но куда больше вестей мы получаем из царства пошлости. Почему-то это странным образом злит и обижает: вот точно какая-то надежда была на женщин, пока они молчали. Казалось, там живёт какая-то чудесная музыка, которую не пересказать обычными словами. Но вот Прекрасная дама открыла рот – и оказалась Бриджит Джонс.

В мире гламура книгу про Бриджит Джонс цитируют куда чаще Библии. Тихая дурочка, страдающая хроническим алкоголизмом (пьёт она 250 дней в году) и острой ненавистью к контурам своего тела (при весе в 130 фунтов, то есть 59 кг, Джонс вопит об ожирении), пришлось по вкусу дамскому миру именно из-за чистоты своего идиотизма. Даже обладательницы небольшого ума чувствовали, как далеко они ушли по лестнице эволюции, чем скорбная головой Джонс. Наверное, дневник краба или синицы был бы более содержательным, чем этот реестр вздора, летопись пустяков, хроника бессмыслицы. Мужчине, который вдруг вздумал бы заглянуть в эту книгу, анонс обещает раскрытие тайны загадочной женской души, и действительно – тайна древней загадки выясняется без труда.

Тайна заключена в молчании женщин. Это дивное оружие когда-то вручила им природа-мать, из любви к своим бедным девочкам. Молчание окутывает присущую большинству женщин естественную недостаточность рационального сознания (в которой они никак не виноваты – недостаток сознания у женщин необходим для их выживания) своим хитрым золотым покрывалом. Та, что откидывает покрывало, рискует предстать пред миром в ужасающей наготе своего маленького бедненького ума, где главными вопросами являются – есть или не есть сегодня шоколадку и почему Джон/Иван звонит после первого раза. Детка, хочется сказать ей ласково, ешь ты шоколадку или не ешь, один хрен, Джон/Иван всё равно не позвонит после первого раза, потому что вас, идиоток, много, а он один. Но это не поможет. Трагедия полу-сознания, недо-сознания в том и заключена, что на рациональный, самовывоговаривающийся лад перестроился какой-то небольшой кусочек мозга и устроил нечто вроде диктатуры – круговой клетки, по которой всё ходит, и ходит, и ходит несчастное женское «Я». И всё будет одно и то же – подсчёт калорий, диеты, подруги, алкоголь, тряпки, на смену Джон/Ивану придёт неотличимый от них Майкл/Максим... Бриджит Джонс тридцать лет, а она дитя, невыросшая девчонка. Сто лет назад она вышла бы замуж за соседского парня и к тридцати годам была матроной, матерью двух-трёх детей. А что сейчас? Ни пава, ни ворона. Выбилась из традиционного круга жизни и попала в клетку полу-сознания.

Книги в духе «Бриджит Джонс» есть теперь и у нас. Тип героини в них несколько отличается от европейско-американского: нет честности самоотчёта, протестантского трезвого самоанализа. Бриджит по крайней мере и сама знает, что она идиотка. Наши же идиотки любят возвеличивать себя и любоваться собой (скажем, героини Оксаны Робски), особенно если получилось выбиться с проспекта Большевиков аж на Рублёвское шоссе. Человек с развитым сознанием не может принять Рублёвское шоссе в качестве земного рая, это рай

для идиотов, к тому же идиотов аморальных, превративших жизнь в источник сладких ощущений. Корысть, нечистоплотность и хищные повадки всегда отличали буржуазную женщину, но как долго у неё хватало ума тихо обдѣлывать свои делишки и молчать об этом! Всё – ум у женщин закончился, тот тайный природный ум, который подсказывал им: *делай да помалкивай*. А другой, настоящий, Богоподобный разум достаётся немногим.

Тихих дурочек вроде Джонс даже как-то жалко – писательница наградила её в финале богатым мужем, но мы же знаем правду. Какие уж там мужья у тридцатилетних алкоголичек. Хищных аморальных тварей, вроде героинь Робски, не жалко совсем. Они Вселенную сожрут и не подавятся. Но в целом положение дел с женским самовыговариванием настояживает. Своей настоящей силы женщины с полу-сознанием не понимают. Пишут плохо, говорят ещё хуже. Часто видишь: идёт красавица, волосы льняные, глаза небесные, открывает рот – и плоским, глупым, резким голосом верещит что-нибудь вроде: «Ну, блин, они офигели, ваще!». Это всё читательницы Робски и Филдинг. Нет, если в числе женских приоритетных задач по-прежнему фигурирует задача склонения мужчин к половому акту, то лучшего оружия, чем мудрое молчание, вручённое природой, не найдёшь. Девочки, молчите. Не рассказывайте про свои диеты, помады, телефонные мучения, не выдавайте жалких своих секретиков. Запирайте свои космической глупости журналчики в кладовке, чтоб ваш бойфренд не дай бог не открыл и не прочёл. Включите телек, а там женское ток-шоу: сразу выключайте. Ничему хорошему вас не научат ни Лолита, ни Оксана, ни прочие демоницы. Никогда не говорите своего мнения ни о чём увиденном и просмотренном. Не пишите дневников. Книг тоже не пишите – книги пишут не женщины, а монстры в женском обличье, вроде меня. Я за вас напишу. За нас, за монстров, беспокоиться не надо – мы своё возьмём без вариантов. Не ходите за нами – наш путь угрюм и одиноч, и

нам особый закон положен. А вы, дочери природы-матери, будьте, как облака, как озёра, как цветы или грибы – прекрасны без слов. Эта заболтанная цивилизация вас погубит, всё отнимет – и ничего не даст взамен. Слушайте музыку, играйте с детьми, приобретайте хорошую профессию, любите мужчин просто так, без рассуждений.

Не превращайтесь в говорящих идиотов.

ВОЛЬНО!

Вспоминая девяностые...

Однажды мне довелось увидеть Бориса Абрамовича Березовского.

Это случилось 9 ноября 1998 года. В Москве, в помещении верхнего буфета театра имени Моссовета, после спектакля «Горе от ума». Там Олег Меньшиков праздновал свой день рождения, и вот, желающие поздравить артиста прибыли и соединились в некое общество. По тем временам – высшее. Судите сами: Никита С. Михалков, Борис А. Березовский с женой Еленой, писатель Виктор Пелевин, драматург Евгений Гришковец, артисты Нонна Мордюкова, Александр Балуев, Владимир Ильин, Евгений Миронов, литератор и жена А. Вознесенского Зоя Богуславская и многие другие. Почти что бал! У всех приближённых к принцу Грёзе было приподнятое настроение.

Автор «Чапаева и пустоты» держал Меньшикова за руки и, почему-то поминутно целуя его то в левую, то в правую щеку, пытался рассказать буддистскую притчу про ад цветных металлов, который предназначен специально для актёров. «Но это к вам не относится!» – патетически восклицал писатель, мужественно удерживавшийся на ногах, тогда как всё его измученное многолетней интоксикацией тело молило хозяина об ином. Михалков, с трудом вытерпевший часа полтора всеобщего внимания не к себе, наконец не выдер-

жал и отправился к роялю петь песни Шпаликова, властной рукой оттянув жар вечеринки от чужих чёрных глаз к своим зелёным. А Борис Абрамович сказал тост в честь артиста, забывшийся, кстати, Пелевину, потому что тот вставил кое-что из этого текста в свой роман «Поколение П.».

Березовский был таким же, как на экране телевизора – маленький, аутичный, кажущийся печальным, ничего не излучающий. Он поблагодарил Меньшикова за доставленное сегодня удовольствие. «Я даже не заснул, как обычно, – признался олигарх. – Вы, Олег, уносите нас в прекрасное, фантастическое царство, где мы забываем, насколько мерзка жизнь... – Тут Березовский саркастически и скорбно засмеялся. – Вы даже не представляете, насколько она мерзкая, эта жизнь...» И он выдержал хорошую артистическую паузу, чтобы мы представили, насколько мерзка жизнь.

Впервые за весь вечер я почувствовала раздражение. «Может, это именно ваша жизнь мерзка?» – хотелось мне спросить у Бориса Абрамовича. Я архаична и не люблю, когда стреляют в солнце, плюют в воду и обзывают жизнь. В тот день я была весела и счастлива. «Горе от ума» с Меньшиковым я, бедняжка, смотрела пятый раз...

Я вспоминаю, как в восьмидесятых, учась на театроведческом факультете, придумала фантомную писательницу по имени Аграфена Свистунова и сочиняла для местной стенгазеты разные интервью от её имени. Например, её спрашивали: «Аграфена Ивановна, а вы страдали при советской власти, в эпоху застоя?», на что моя девушка отвечала: «Да, конечно, страдала. Молодой человек, на которого я рассчитывала, на мне не женился, а женился совсем другой, на которого я, признаться, совсем не рассчитывала». Вот и про девяностые годы я могу сказать – это для меня годы личной, собственной, никому, кроме Бога, не подотчётной, свободной жизни. С множеством страданий и радостей, с потерями и обретениями. И рассуждая про эти годы, про их вкус и цвет, надо понимать – для каждого человека, для каждой семьи тут своя история.

История того, как мы распорядились дарами – например, свободой слова, которая реально была нешуточной, свободой передвижения и свободой зарабатывать, личным временем, своими талантами, у кого они были. С меня же на Божьем суде не спросят ни за Ельцина, ни за Березовского. С меня спросят за меня.

В 1990 году родила я ребёнка Николая. Это был занятный год. Зарплаты стали расти, а «промтовары» (так в СССР назывались все несъедобные вещи) исчезать. Народ бегал по магазинам и скупал всё – отрезки тканей, постельное бельё, драгметаллы, посуду. Я, помнится, тоже решила принять участие в общем процессе. Деньги были. Я купила ярко-красный кооперативный джемпер с люрексом, обтянутую бархатом брошку с розочками в дивном мещанском стиле и полотенце с множеством цветных полосочек. Все эти вещи живы до сих пор. Не то чтобы я была непрактична, как чокнутый профессор, – я вела свой корабль довольно уверенной рукой. Другое: какое-то дурацкое, необъяснимое чувство, что «а, пустяки, обойдётся». Дал Бог ротик, даст и кусочек. Проживём!

Тем более у меня была такая роскошь, как живой собственный муж, и муж шевелился, зарабатывал – в 1992 году мы меняем квартиру. Блочную распашонку на первом этаже в Купчине – на трёхкомнатную (фактически четырёхкомнатную) на Петроградской стороне, доплата – три тысячи долларов всего. Пару лет квартира стоит как игрушечка, потом начинается обвал – последние пионеры, что мы понимаем в ремонтах? Да что мы все вообще понимаем в том, как теперь жить в этой самой свободной России?

Я – мать, жена, у меня двое детей на руках, мальчики. За муж я вышла в 1988 году, в солидном уже возрасте – мне было 29 лет. Стало быть, разбойничьи девяностые – моё золотое время. Я ничем не болею вообще, только толстею потихоньку. Мне повезло, я знаю – я из меньшинства, из тех, кто живёт по своей воле, и, в силу особенностей своей личности, я остро и, может быть, чрезмерно, переживаю жизнь всем чув-

ственным аппаратом. Поэтому наиболее адекватно передала бы мои переживания какая-нибудь песенка, где в куплете – тоска зелёная, а в припеве – бешеное веселье.

Один за другим уходят «отцы», покровители, помощники, те, кто заботился, пестовал, бескорыстно тратил время. В 1996 году умирает мой драгоценный учитель, Евгений Соломонович Калмановский, оригинальный мыслитель, театровед и писатель. В этом же году – Анатолий Яковлевич Альшутлер, возглавлявший сектор источниковедения в Российском институте истории искусств, где я тогда работала. 1999 год уносит родного папу, Владимира Евгеньевича. «Серёжа, – сказала я как-то мужу в тоске. – Смотри, мы остаёмся за старших, а какие из нас на хрен старшие?!» Некому жаловаться. Некогда плакать. Надо заполнять огромную пустоту, *русскую дырку*, заполнять её собой, своим дыханием, словами, письмами, страстями, делами, мыслями, песнями – иначе она сожрёт тебя. Пока о свободе только мечтали, не могли разглядеть в цветном тумане её другого лица – вызывающего тоску и страх. В общей русской судьбе – всё злило, мучило, оттого что – не исправить, не повлиять. И надо с этим жить, с этим и с этими – с людьми с этими, бок о бок. А они такие противные, Господи! А других нету, вот как.

Всё, что выползло и раскорячилось на русской дороге в девяностых – выползло из-под черепа рождённых в тридцатых – восьмидесятых. Гигантская проекция всех скрытых комплексов советского человека, фантазмагорическая реализация грёз «начальников» и полная сбыча мечт бывшей «сферы обслуживания». *Их домики, их песенки, их киношка, их мораль, их вкусы вообще.* К сожалению, это мусор. К сожалению, потому что мещанский стиль может давать эстетически ценные плоды, но обывательский угар девяностых оказался бесплоден. Подвёл излишний размах, русский беспредел. Фигус хорош в горшке, на окошке домика. Фигус, отлитый в бронзе, двадцати метров вышиной, стоящий на главной площади городка, решительно нехорош. Обыватель, вырвав-

шись на свободу, потерял уют, меру, цель (затаиться и выжить), потерял место в иерархии. Потому что больше не было иерархии. Плевать ему было на Родину вообще. Это отдельные публицисты, верные пациенты доктора Чехова, волновались о том о сём. А люди посмеивались в усы и прибирали что где плохо лежало. А запустение России продолжалось. К руинам русской православной цивилизации стали добавляться руины русской советской. Неужели я дожидала до *обратите внимание – перед вами остатки пионерского лагеря?* – невероятно. Не может быть. Я не любила яркие, фасадные приметы советского строя – лозунги, плакаты, статуи, демонстрации. Это был кислый, неуклюжий дизайн, выполненный циничными мастерами без задора, скучно и аляповато. Но другие, не фасадные, а реальные ценности исчезающей советской цивилизации было жаль отчаянно – действительную грамотность, «книжность» населения, тип человека-правдолюбца, поучительный, чистый кинематограф, реалистический жизнеподобный театр... При этом было очень приятно познакомиться с продуктами, которые явились на Русь дружной вереницей, от авокадо до яиц перепелиных. Началось великое соитие с товарами и услугами. Материя взяла реванш. Дух потеснился – а сочетать и то и другое мы пока не умеем. Мы, в сущности, варвары, ужасно неловкие, косолапые. Или авокадо, или в библиотеку – а так, чтоб вместе?! Как это?!

Ну, Бог с нами. Я всё хотела дописаться до Бога, мудрствовала о Боге. В 1995 году совершила каторжный, монастырский труд: завершила исследование «Бог в творчестве А. Н. Островского». Четыре авторских листа и приложение. В приложении была таблица – я подсчитала, сколько раз в каждой пьесе Островского упоминается «Бог». Три месяца жизни, ни капли алкоголя. В июле этого же года довелось мне креститься – и самым чудесным образом.

Никита Михалков вывозил часть гостей Московского фестиваля на Волгу, к Макарьевскому монастырю. Весёлый са-

молёт, набитый именитыми гостями, среди которых красовался и сам Ричард Гир, тогда слывший звездой, прибыл в Нижний Новгород. Нас покормили и погрузили на корабль, который всю ночь болтался по Волге, изображая далёкое путешествие, – на самом деле до монастыря от города плыть около двух часов. Все мероприятия с Никитой Сергеевичем напоминают «День сурка», включающий обязательные элементы – казачьи песни, возлияния, соло про шмеля. Это хорошо, напоминает вечность, пиры богов. Там тоже нет ничего нового. Вот, значит, мы веселились всю ночь, а утром приплыли к Макарию на Жёлтых Водах. И пошли под шатры, где разливали уху в деревянные миски, и опять запел казачий хор. И тут муж Серёжа вдруг спросил: «Матушка, а ты креститься не хочешь?» Пошёл, пошептался что-то с Лидией Федосеевой-Шукшиной, с матушкой-настоятельницей – и взяли и окрестили меня, в монастыре, в воскресенье! Долго, подробно, как по чину следует. И в жёлтой – действительно – местной воде искупали меня. Чуть на свой пароход я не опоздала – но матушка-настоятельница замахала платком, и корабль вернулся. Грянуло солнце с неба, а по трансляции громыхал шаляпинский бас. Передо мной расстилалась Волга, за спиной был родной монастырь. Я глотала холодное сладкое шампанское и плакала. Моя Россия, ты не оставила меня, ты здесь, ты со мной.

Чудо чистой Божьей жизни невыносимым счастьем обжигало сердце.

В ЧАС РОКОВОЙ

Признание автора

«Веди рассказ от первого лица и доживёшь до самого конца» – милая шуточка Владимира Набокова.

До конца жизни, в немногочисленных унылых интервью, писатель, дерзнувший рассказать «Лолиту» от имени и по

поручению взбесившегося «Я», без всякой надежды на понимание сообщал, что он лично – «пожилой господин, ненавидящий насилие», и не только не жил никогда с малолетками, но даже и знакомств с ними не имеет. Я-то ему верю. Да только что толку? Дописав последние страницы своего первого романа «Смерть это все мужчины», я мужественно приготовилась «отвечать за базар». По надутым губкам и дрожащим от обиды подбородкам моих мужских друзей было件件но, что не отвертеться мне, что никакими ссылками на художественность и вымысел не оправдаться мне, и потому следует признать честно: да, книга моя – удар, и от неё – больно. Я сделала именно то, что хотела. То, что задумала ещё десять лет назад, когда мне впервые стала мерещиться моя бедная русская девочка с ножиком в руке и вечным непросщением в страстном сердце.

«Все мужчины» – казалось бы, такая же химера, как «все женщины», это в быту – название психоза, с которым мы живём «всю жизнь», подкармливая наше чудище кто чем может. В обыденном течении жизни можно отогнать чудищ варевом ежедневной пошлости: даже громко рассказанный сальный анекдот как-то разрежает атмосферу. Все мужчины подлецы, все женщины бляди. Всё так забавно, в общем-то, ну, у одних палочка, у других дырочка. Придумано занятно, и ничего страшного. Но вот наступает «час роковой» – и серый мир становится чёрно-красным, и в молниях, освещающих мгновенно сотворённый хаос, мелькают те, первоначальные, Божественные лики – Мужчины и Женщины. Разгневанные и тоскующие лики влюблённых и поссорившихся богов. «Все мужчины» – Его плоть, «все женщины» – Её. Нами они любят, нами ссорятся, нами же и мирятся.

Но с нас им нынче... как с той паршивой овцы – разве шерсти клоч.

Нынешние, тутошние женщины читают пакостные советы в журналах о том, как обольстить мужчину, – сами уже не умеют, разучились. Красота пошла на панель и ходит там с

видом полного благополучия. А тот М, которого хотят заполнить Ж, – победоносная, самовлюблённая свинья, пожирающая землю, агрессор и самодур. Да, ненавижу. Убийцы. Предатели.

И вокруг – море слабых, тоскующих, заблудших, в которых пол-то едва шевелится. На жизнь бы сил наскрести, на бедную жизнёночку, а вы говорите – страсть, гроза, мир в свете молний! Ужас какой-то.

Да Господи ты Боже мой, разве я не люблю покой, чистоту, достаток, изящество быта, уют отлаженных отношений? Люблю. Никогда, в самой сильной любовной обиде, в самой несносной любовной тоске не прибегала я к средствам чёрной магии, а, отплакавшись, махала рукой – ай, ладно, в другой раз, может, что получится. Из моего большого круглого живота, похожего на пшеничный хлеб, вышли двое сыновей – стало быть, эти проклятые «все мужчины» – просто-напросто моя частица, фрагмент меня. И не выглядывает ли изпод страстной, трагической маски моей героини весёлый и любопытный глаз неунывающего Автора, которого явно забавляет всё то, что так ранит её?

Но – «если что знаешь, скажи». И я сказала, что знала: разгневана Богиня-Мать. Земля, над которой мы издеваемся, природа, которую мы оскверняем, любовь, которой мы боимся. Всю нашу игрушечную жизнь, весь наш жалкий кукольный театр может смести этим гневом – да откройте глаза-то! – уже сметает...

Примирение? Да чего же лучше, кабы мы, «все мужчины» и «все женщины», зажили в любви и мире. Только я не из тех, кто согласен на мир любой ценой. Я не отдам своё – любовь к высоте человеческого духа, мечту о России, поэзию, поиск истины, обожание природы, гордое личное время, выстраданную свободу – за снисходительное разрешение и мне «быть умной» и участвовать в мужских играх на правах «товарища специального устройства» (выражение Андрея Платонова). Я не хочу выпрашивать любовь, а хочу

стать лучше, совершенней, выше, и всем то же советую. Я получила одиночество не как награду или наказание, а как естественную среду обитания, как благословенную келью. Я, ребята, взвесила ваш мир и нашла его довольно лёгким. И очень противным.

А потому – прочь, прочь отсюда, мой острый и насмешливый дух! Какое нам с тобой дело до этих мужчин и этих женщин? Мы ещё повоюем, мы увидим другое небо и другую землю, мы найдём людей моего племени, умеющих любить и ненавидеть, мечтать и петь, и умело хвалить сердитых богов, и выдумывать жизнь цвета солнца, и строить прекрасные города для благородной жизни... Моя бедная девочка Саша сошла с ума – вот дурочка. Ей просто надо было написать роман.

ЗДРАВСТВУЙ, ГРУСТЬ

Хорошие люди и в изрядном количестве попадают мне на глаза в общественном транспорте. Они прилично, без пестроты и претензий одеты, ведут себя сообразно нормам достойного поведения, но на их милых бледных лицах разлита тонкая и неизбывная печаль. Такое впечатление, что передо мной не бодрый электорат Валентины Ивановны, а верные почитатели Алисы Фрейндлих, ведь только этой актрисе было суждено сполна воплотить эту особенную, замешанную на стоицизме и благородстве, утончённую петербургскую печаль, особое страдание, возвышающее и омывающее душу до чистого звука.

Не всякое страдание ведь очищает. Страдание предателя, растолкавшего в остервенении запоздалого аппетита своих товарищей, дабы единолично занять выгодное местечко на помойке новой идеологии, не поможет его больной и грязной душе. Чистота достижима лишь от труда возвышения. Более двадцати лет назад в судьбе Алисы Фрейндлих про-

изошёл драматический перелом – из её жизни ушёл и любимый театр, и любимый человек. Но за все эти годы никто не услышал от актрисы ни одного резкого, досадующего, негодующего слова о них. В бурном потоке лихих мемуарных откровений нынешних лет мы не найдём голоса Фрейндлих.

Когда-то подобные каноны – каноны благородного господского поведения – были естественны для оранжереи дворянской культуры России. Однако Алиса Бруновна – не графиня, не княгиня. Она родилась в Ленинграде, в почтенной интеллигентной семье. И вот, как ни ругай интеллигенцию (и есть за что), придётся признать: только здесь во втором, в третьем поколении, а иногда и в первом, возможно воспроизведение канонов благородства. Больше надеяться не на что – дети «элиты», правящего класса, в благородном поведении пока не замечены. А замечены частенько в развязности, корысти, вульгарности и маниакальном стремлении к почётным должностям в новообразованных банках.

На юбилейном вечере Фрейндлих в БДТ на сцену вышел милый квартет: губернатор Валентина Матвиенко, полпред президента по Северо-западу Илья Клебанов, председатель Законодательного собрания Вадим Тюльпанов и руководитель федерального агентства по культуре Михаил Швыдкой. Люди несли себя гордо, без рефлексии. Откуда и взяться рефлексии. Вот на днях Валентине Ивановне была присуждена премия «Национальная гордость России», за «выдающееся укрепление региона». Интересно, как бы вы ходили в качестве национальной гордости великороссов, выдающимся образом и всего за один год укрепив регион? Начальники что-то отрапортовали, а потом Михаил Швыдкой, заранее радуясь удачной шутке, подарил Фрейндлих корзиночку с набором вещей, нужных для дома – молоток, лампочки, гвозди. «Гвозди я стырил со строительства Мариинского театра», – весело объяснил он. «О, теперь понятно, куда всё пропадает», – очаровательно отшутилась Алиса Бруновна. Экспроприированные гвозди преподносил актрисе

руководитель культуры. А перед ним и была – культура. Неужто он серьёзно думает, что ею руководит?

Пока что в городе торжествует «затхлая атмосфера провинциального чванства» (выражение Томаса Манна по другому поводу). Настоящую печальную красу Петербурга и его жителей покрывает пёстрая, бойкая пошлость, и здесь дизайн городского телевидения находится в полной гармонии с общими установками. Вглядитесь в зимнее освещение, в гирлянды лампочек и могучие чупа-чупсы на набережных, изрыгающие фонтаны огней, в новые пешеходные зоны, и вы поймёте общий корень происходящего. Этот корень – в отсутствии корней. Вид и судьбу города определяют люди, о которых далеко не понятно, понимают ли они, ценят ли, чувствуют ли город? Мещанские пристрастия к наряденькому, новенькому, обязательно блестящему становятся жалким стилем современного Петербурга. Дешёвыми блёстками, грошовыми претензиями, серпантинном пустых слов осыпана его страдальческая красота, его честная бедность, его продолжающееся, несмотря ни на что, духовное напряжение.

Жизнь человека в крупном городе устроена так, что большинство людей он может повстречать лишь единожды. Я смотрю на бледные лица петербуржцев, мы обмениваемся сдержанными, но любезными взглядами... Должно быть, мы больше никогда не увидимся. Но всё-таки я могу мысленно обратиться к вам. Давайте не выступать в этом фарсе – ни в каком качестве, даже в качестве зрителей. Ведь можно сочинить некий кодекс чести петербургского бойца. Например, не участвовать в наиболее позорных средствах массовой информации, не читать их и не смотреть (мой личный список возглавляют «Пятый канал» и газета «Петербургский час пик»). По возможности не участвовать ни в каких мероприятиях городской администрации. Ни словом ни делом не поддерживать известные партии и их фракции и комитеты. При любом случае выражать общественное презрение к фальшивым почестям, лживым обещаниям, недостойному поведению

официальных лиц. Искать единомышленников, постепенно объединяться – для грядущей битвы. Спокойной и честной битвы настоящего Петербурга – с тупым и злым мещанским чванством, хвастливой пошлостью, агрессивным стяжательством. Если город решится на такую битву, он имеет шансы стать настоящей духовной столицей России и дать отпор подлому и мерзкому обожеествлению денег – настоящей официальной идеологии и практике правителей страны. В такой войне и пасть не зазорно.

ТРАГЕДИЯ КОЛПАКА

Как много в жизни простой, обыкновенной печали! Трагедии и драмы вершатся буквально под нашими равнодушными ногами. Об одной такой трагедии я вам сегодня расскажу, и вы поймёте, что всегда знали об этом. Знали – но не осознавали, проходили мимо, не задумывались. А задуматься есть над чем.

В таинственном грибном царстве существует такой гриб – колпак кольчатый, он же лесной шампиньон. Он широко распространён у нас на севере, и по очертаниям своим действительно похож на классический шампиньон, только шляпка у него желтовато-мучнистая с сизым налётом. Колпак кольчатый принадлежит к съедобным грибам высшей категории и по вкусовым качествам не уступает ни белому, ни тем более моховикам-маслятам. Особенно хорош свежеподжаренный. В обработке прост: не надо ни вымачивать, ни снимать кожицу, проверил на червивость – и в дело. Колпак растёт, как правило, многочисленными семействами, и в сезон можно нарезать в бору целую корзину колпачного молодняка за каких-нибудь полчаса.

Итак, всё отлично! За короткий срок, почти что в любом лесном уголке, всякий может собрать изрядное количество превосходных съедобных грибов высшей категории. Колпак

кольчатый есть во всех определителях. Его трудно спутать с чем-либо. В отличие от прочих народов мира, русские используют грибы без сакральных целей, просто так, в обыденную пищу, и приспособились переваривать их без проблем. Ну, так о нас вроде как позаботились – вот тебе, Ваня, колпак, кушай от пуза и веселись.

Но нет на свете русского счастья. Нет – и всё тут. Неизвестно от каких причин невинный, вкусный, честный колпак давным-давно стал жертвой дружной народной ненависти. Берут его только единицы, отщепенцы, которых не страшит презрение и смех народа, обнаружившего в вашей корзине «какие-то поганки». Колпак гибнет под ногами лесной толпы, его пинают и давят с особым каким-то наслаждением. Толпа не может спокойно пройти мимо непонятого гриба – нет, его сшибают, уничтожают, расплющивают, расшвыривают по лесу с неутомимой и неутолимой злобой.

Но расправа над колпаком тщетна – его много, очень много. Если он всерьёз пошёл – то весь лес устлан, сколько ни сшибай, как ни глумись, его не истребить. Нет, люди продолжают топтать бедные колпаковы головки каждый год, каждый раз, ведь не надоест, и в ум не войдёт – а хорошо ли я делаю? Нет и тени сомнения в своей правоте! Колпак ощущается массаами как враг, мерзкая тварь, которую надо давить и плющить. Но почему?

Колпак объективно всем хорош. (Скажем, в Латвии его издавна собирают, называя почему-то «курочкой».) Но прекрасным и замечательным качествам колпака никогда не пробиться через главное русское убеждение: ХОРОШЕГО МНОГО НЕ БЫВАЕТ. То, что растёт в изобилии и как бы напрашивается на съедение – наверняка подстава и провокация. За путным грибом надо гоняться и охотиться, выискивать его. Не может он стелиться под ноги, как дешёвка. Даже те знатоки, что понимают ценность колпака, собирают его как-то нехотя, без вдохновения, чаще всего, когда других грибов нет или их выбрали. Множественность отбивает вкус

охоты и соревнования. Странный факт, что съедобный гриб высшей категории позволяет себе плодиться в таком огромном количестве – или генеральная ошибка его стратегии, или, наоборот, гениальная хитрость. Как посмотреть. Если всё дело в простом сохранении и размножении вида – тогда избыточное существование колпака можно счесть лукавством, отпугивающим потребителя. Но если высшей ценностью жизни гриба является слияние с людьми (что весьма вероятно, а иначе зачем поганые грибы так хитро маскируются и мимикрируют под хорошие?) – тогда перед нами трагедия, господа. И очень русская притом.

Это трагедия всего честно-хорошего, простодушно-искреннего, которое в наивности своей думает, что чем его больше, тем лучше. Я знаю таких людей – журналистов, которые пишут много и хорошо, депутатов, помогающих избирателям, режиссёров, делающих отличные спектакли, добрых женщин, воспитателей, медиков... да и вы их знаете. Они довольно густо устилают жизнь, при том что думать и говорить о них не принято и замечают их редко. Это, так сказать, колпаки кольчатые. Кому они интересны, спрашивается? Вот сгрудиться вокруг мухомора, повозмущаться ложным белым или прочесать километры в поисках заветного боровика – это да. Хорошее трудно, редко, недоступно. Хорошее не может мозолить глаза в наивной надежде хоть кому-то пригодиться. Хорошее не может рассыпаться в дурном изобилии и доставаться почти даром, без траты времени и сил. Каждый, кто думает иначе и собирается радостно и откровенно излить в русский мир свои прекрасные вкусовые качества, направляется ПУТЁМ КОЛПАКА. В его трагедию.

«Но ведь я такой вкусный, такой хороший. Я буду работать ещё больше, ещё лучше, и меня примут и полюбят», – думает колпак в человеческом образе. И чем больше и лучше он, человекоколпак, работает, тем сильнее раздражает людей. Тем меньше его ценят и замечают. А опасность гибели от удара, от ненависти и презрения толпы всё растёт..

Милые люди, воображающие, что на этом свете достаточно быть хорошим и поступать правильно, при случае отправляйтесь в лес и полюбуйте на героя русской трагедии, на лесного шампиньона, съедобного гриба высшей категории, никому на фиг не нужного.

Не пинайте его, не топчите.

Это брат ваш.

ЗИНА, ДЕРЖИСЬ!

Впервые я узнала о ней год назад из солидной газеты. Даже в названии этой газеты закреплено обещание правдивой и достоверной информации. Как сказал бы Михаил Булгаков – натурально, я взволновалась.

Вообще-то я давно умею читать сквозь строки и отлично понимаю, к чему в каждом номере любой популярной газеты печатают сообщения о том, что мясо вредно, ужинать вредно, сладкое вредно и т. п. Но здесь мастера коммуникации забрали круче.

В заметке речь шла о пожилой жительнице города Энска Зинаиде Р. Однажды с ней случилось происшествие, в общем, нередкое среди впечатлительных русских людей – ей было видение не видение, голос не голос, короче, Нечто. Это Нечто было неопределённо-светлым и очень речистым. Оно сказала Зинаиде, что именно она, Зина Р., избрана передать людям знание о новом и окончательном пути богоподобной жизни. Для этого Зинаида должна перестать есть. Не существует никакого правильного и неправильного питания на Земле. На Земле существует единственное питание – органическое, – и вот оно-то и губительно в принципе. От него земляне и мрут все без исключения. А следует перейти на новые источники питания: свет и воздух. Тело, построенное из света и воздуха, не будет знать ни болезней, ни старости, ни смерти.

Выслушав речь духа, избранница немедленно покорилась его велениям, и вот уже несколько лет обходится без жалкой земной пищи. Глаза её постоянно сияют, а новое солнечно-воздушное тело не ведаёт боли и усталости. Сон её короток и бестревожен, день велик и беспечален. Учёные что-то полагают, врачи разводят руками, а Зина, в полной красе, являет собой дорогу к счастью, которое доступно всем.

Поскольку сообщение появилось год назад, в разгар споров о монетизации льгот, я сначала подумала было, что это отличный пропагандистский ход. Есть такой закон в пропаганде: давать тоном выше ожидаемого уровня. Пока пенсионеры гадают, хватит ли денег на хлеб и молоко, им надо подсунуть идею питания солнцем. Они, бывшие пионеры и комсомольцы, имеют застарелую слабость к утопиям и не смогут не поверить хоть на полпальца в светопереваривающую Зину. Правда, следовало бы хоть немного конкретизировать облик явившегося Зине духа. Не напоминал ли он кого чёткостью формулировок и деловитой категоричностью? Не смахивал ли, к примеру, на президента России?

Ладно. Проходит год. Закон о монетизации внедрён чугунной рукой, видимо, не знающей креста. Заслуг перед отечеством более не существует. В июне 2005-го герои России и Советского Союза объявляют голодовку в знак протеста. У всех людей с минимальным окладом совести при этом известии начинается неприятное жжение в груди. Им опрометчиво кажется, что это конец, предел позора – голодающие герои. И тут в солидной газете вновь появляется наша Зина!

Прошедший год ничем не омрачил её небесное чело. Протестовать ей нет нужды и возмущаться ни к чему. Зина выиграла борьбу за существование, сделав самый сильный ход из возможных. Она по-прежнему бодра и весела. Солнце и воздух, чудесное бесплатное питание, поступает в её ангелоподобный организм без перебоев. Более того: к Зине в гости, поделиться опытом, приехала товарищ из Германии – руководитель движения «солнцедов» Эльза Г.

Эльза Г. покончила, оказывается, с окислением органики уже много лет назад. В свои семьдесят лет она выглядит на тридцать. Движение германских «солнцедедов» тем временем насчитывает в своих рядах около десяти тысяч человек. Все эти люди синтезируют белок из воздуха.

То есть мы видим, что отечественную Зину решили сильно укрепить с помощью заграничного авторитета. Если у нас Зина рассветает в одиночестве, там, на родине орднунга, люди будущего уже построены в колонны. Нетрудно догадаться, из какой части Германии прибыла к нам солнцеедка Эльза. Мы эту часть Германии когда-то сами строили...

Что бы это всё значило? Год назад воздухожорка Зина указывала пенсионерам, основным читателям самой правдивой газеты, как решить проблему питания после закона о монетизации. Но о чём предупреждает нынешнее явление Эльзы, с целой сектой германских призраков? Опять, что ли, наверху заворачивается поганка? Снова они что-то изобрели по части сокращения населения? Что они явно что-то изобрели – так это к гадалке не ходи, и осенью мы, конечно, узнаем подробности. Да только ничего у нынешних чертенят не выйдет. Население готовит ответный ход.

И будет вам облом, господа, с такой хитроумной пропагандой. Дело в том, что вы, люди прожорливые, корыстные, живущие замкнуто, среди себе подобных, не знаете своего народа. Русский дух распутен, он хочет счастья немедленно и обожает утопии, которые считает руководством к действию. Все доморощенные целители, все самодельные системы оздоровления и осмысления жизни имеют у населения огромный успех. Одни посмеются, другие разозлятся (делать им нечего – чушь такую писать!), а третьи... Это самая страшная и самая непобедимая порода русских. Они начнут питаться воздухом и светом.

Так держать, Зина! Мы идём к тебе! Мы будем пить дожди и кушать ветер. И что вы тогда с нами сделаете, за какой бочок ухватите? Да ни за какой. Над вашей вонючей и крова-

вой цивилизацией встанем мы, дети солнца. Зачем нам унижать себя работой? Для чего хлопотать о зарплатах и пенсиях? К чему содержать чиновных паразитов? Газпром нам зачем? Мы ничего готовить на газу не собираемся. Прощайте, пивные и мясные короли! Власти всех уровней и мастей, прощайте навсегда! Забыв о проклятых кухнях, с лёгкой котомкой за плечами мы пойдём по белому свету, и новый, чистый мир отразится в наших сияющих глазах.

Зина, мы с тобой!

ЛЕТАТЬ НЕ НАДО

Такое у меня сейчас развлечение: смотрю диски с нашим послевоенным кино, выстраивая некую собственную картину «эволюции привидений» и отслеживая в личном восприятии сложную работу Времени. Многие выдающиеся фильмы ничего не потеряли с годами, а даже и приобрели – так, «Война и мир» Бондарчука, «Долгие проводы» Муратовой, «Илья Муромец» Птушко или «Андрей Рублёв» Тарковского в полном порядке. Но многое смотрится не просто «иначе», а вообще – противоположным образом. Я, конечно, знала, что контекст меняет текст, но – чтоб до такой степени! Особенно это касается фильмов, где преобладает сказочный, фантастический элемент вненационального происхождения.

Дело в том, что в наши дни именно фантастическому элементу положена зелёная улица в массовом искусстве. Поэтому, объёввшись этим видом условности, и в прошлое глядишь настроённо: видишь истоки беды, первых ласточек грядущей фэнтези-катастрофы.

Например, «Мэри Поппинс, до свидания», популярная лента с Натальей Андрейченко в главной роли. Поскольку основной массив кинопродукта был тогда в обязательном порядке реалистическим, зритель жадно кидался на всё сказочное, тем более – сказочное с музыкой, которую тоже от-

пускали малыми дозами, строго по рецепту. Но если сейчас вот вдуматься в эту картину, то весёлого мало.

Автор историй про эту Поппинс, писательница Памела Трэверс, явная предшественница Джоанны Роулинг с её Поттером. Суть приёма в том, что течению обыкновенной жизни, где есть Бог, родина и родители, школа, труд, времена года и дня, противопоставлен ненормальный, необыкновенный, неестественный мир, где о Боге даже не упоминается, родина – пустыки, не стоящие внимания, родители презираются, трудиться не надо, времена года и дня, пространство и время можно крутить туда-сюда, но главное – возникает Некто особый, кто тебя в этот мир введёт и станет для тебя дороже всех на свете. Если разобраться, Мэри Поппинс – редкая тварь. Обожающая сама себя и сама себя величающая Леди Совершенство, эта мрачная ведьма презирает людей и таскает вверенных ей детишек по сомнительным притонам, где отплясывают какие-то коты в человеческий рост и странные Мадам без возраста. К чёрту родителей, к чёрту школу – скорей на метлу, на зонтик, на ракету – и прочь отсюда. Учить надо не грамматику (какая скука!), а магию. Быть человеком – какая тоска!

В этой точке зрения на мир чувствуется своя логика и своя правда. Только это нечеловеческая логика и нечеловеческая правда. Эти и тому подобные книги и фильмы представляют из себя точку зрения – нечистой силы. Для людей они или нейтральны (если психика крепкая), или сугубо вредны и прокладывают прямую дорожку к наркомании. Поскольку для экспериментальных существ, какими являются люди, жизнь как была, так и остаётся трудной работой. И презрение к норме, к обыденности принижает, а часто и разрушает человека. Он заболевает страстью к приправе, остроте, обыкновенное ему пресно. Он начинает ненавидеть будни – основу человеческой жизни и жаждет праздника, стремясь ежедневно выкачивать наслаждения из времени. Развращённый яркими, пустопорожними мечтами, он томится «просто жизнью», выламывается из порядка вещей и теряет главное свой-

ство человека: способность к систематическому труду. Ему всё летать охота, а это в наши дни проще простого, такие успехи сделала химия.

Конечно, демоны и ведьмы хотят летать. Им так положено. А нам, людям, это не положено. Нам положено работать. А эти летуны только с пути сбивают.

Когда на русском советском свете царил суровый идеологически выдержанный реализм, права сказки приходилось защищать. С чугунной серьёзностью тогда долбили чуть не в каждой книге, чуть не во всех фильмах о необходимости труда, о долге перед Родиной, о честности, товариществе, недопустимости пьянства и разврата. Неудивительно, что людям хотелось маленько отдохнуть и полетать. Но сегодня всё перевернулось с точностью до наоборот! Нынче все летают – работать некому. Ни в одном популярном фильме не найдёте вы ни слова о труде, о долге, о чести. Более того – реализм вообще в немилости, а в почёте всё неестественное и необыкновенное. Сейчас надо защищать права нормального честного рассказа, пропагандировать тех, кто идёт великим путём доктора Чехова! Да, нечистая сила, видимо, одержала временную победу и стала заказчиком соответствующего искусства. Но, мне кажется, люди всё-таки скоро переболеют всеми этими противными Поппинсами и Поттерами. Если, конечно, на земле ещё остались люди и не вся она заселена нечистой силой.

Ведь для нас, простых работников земли, лучшее чтение – словари, энциклопедии и справочники, а лучшее кино – рассказы Национального географического общества.

РУССКАЯ ДЫРКА

Говорят и пишут, что Америка – символ меркантильности и корысти, заповедник голого чистогана.

Не может этого быть. В Америке люди играют в денюжки, по крайней мере, четыре века. Они уже успокоились, попри-

выкли и даже стали иногда вращать глазами кругом: интересно, а нет ли ещё чего-нибудь на беленьком свете, кроме денег?

С ума сходят от денег только там, где нажива в новинку, корысть в диковинку. В странах, пошедших когда-то на большой эксперимент по вытравлению из общества всего обыкновенно-человеческого. Так, любые жизненные ценности, попадая в Россию, становятся в нашем страстном энергетическом поле сверхценностями. У нас не деньги, а ДЕНЬГИ. Не прибыль, а ПРИБЫЛЬ. Как-то огромно всё, ненормально. Вот – судите сами.

Например, одна женщина любит морковный сок. Килограмм моркови стоит 10–15 рублей. Если женщина имеет дома соковыжималку, то стакан сока обойдётся ей в 5–7 рублей. За пределами же дома начнутся дела нешуточные. Тот же стакан сока, выжатый на рынке, обойдётся лакомке в 40 рублей. Конечно, в стоимость уже входит износ оборудования, амортизация сокодавящей девушки, а также пожарная команда, санитарная инспекция и охранное предприятие «Илья Муромец интернешнл» данного района. Но всё равно – многонько. Всё-таки в восемь раз выше себестоимости! Соки пьются ходко, соковыжималка, девушка и прочее окупаются дня за три, дальше идёт чистая прибыль. Она нереально и ни с чем несообразно высока, измеряется в сотнях процентов. А это только первая ступень накрутки.

Дальше – больше. В вегетарианской столовой кафе «Троицкий мост» стакан морковного сока утянет из кармана нашей героини 54 рубля. В кафе средней руки – 60 рублей. В ресторане же цифры потеряют всякие здравые очертания: так, ресторан «Русский китч» за стакан морковного сока спросит с несчастной 180 рубликов, то есть более шести долларов. Себестоимость будет накручена где-то в двадцать пять раз.

Разве это нормально? Нет, это ненормально.

Пачка чая «Гринфилд» на рынке обходится в 45 рублей. В пачке заключено, к примеру, двадцать пять пакетиков, ста-

ло быть, около 2 рублей пакетик. Какова разумная цена маленького чайника чая, заваренного из одного пакетика и поданного в кафе, учитывая кипяток, услугу и уборку? Наверное, рублей десять, не правда ли? Ну ладно, пейте мою кровь, 20 рублей. По-моему, это предел возможного, заповедная черта, за которую бесстыдство наживы не должно переходить, ведь труда-то нет почти никакого – только накрутка.

Ага, сейчас. Чайничек «Гринфилда» менее 40 рублей не стоит нигде. В ресторане – 70–80 рубликов. На берегу залива летом – 90–100.

Поверьте, такой торговли ни в какой Америке быть не может. На Лазурном берегу или на пляжах Испании, в Лондоне и Праге вы получите простецкий чай, из пакетика, за один, максимум за два доллара-евро. А обчищать ваш карман будут как родному только в глубоко родственных местах – в Сербии, в Польше, Болгарии и т. д. Везде, где люди ни в чём не уверены, всего боятся, всех ненавидят и о ценообразовании знают одно: ободрать и убежать.

Почему я вызываю такси для поездки с Университетской набережной до Ботанического сада и плачу 220 рублей – стоимость 12 литров бензина (120 километров дороги), когда я проехала в десять раз меньше? Прибыль уже не сто, не двести – тысяча процентов! Да мы с мужем заплатили в Нью-Йорке за дорогу от Бруклина до аэропорта всего 15 долларов, а ехали час и проехали более 40 км. В Санкт-Петербурге такой фокус бы не прошёл никак. На что же они, торговцы воздухом, в результате жалуются? Чем недовольны? Что свою трёхэтажную дачу строили не год, а полтора?

С такими накрутками, сколько ни зарабатывай – толку не будет. В прошлом году в скоростном поезде добиралась до столицы за 1200 – всё, нынче отдавай 1500. Маршрутки стоили 10–12 – стали 15–17. И везде чья-то прибыль не просто велика, но огромна, ни с чем несообразна. Получается круговорот зла: тебя обирают – обирай сам. А если некого обирать – вот мне, к примеру, что делать, а?

Так что это Россия – позорный рассадник пошлой корысти, голого чистогана и меркантильного безумия. Это в России рубль небо затмил и совесть заменил.

И когда придут наши зачищать мир от грязи – начинать придётся с этой помойки, с «русской дырки». Америка пождёт.

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ МОЖНО

Если бытие Бога вызывает сомнения у иных грамотеев и нуждается, на их взгляд, в доказательствах, то душа ощущается в повседневной практике множеством человеческих существ. Так было в старину, когда жаловались, что «душа болит», «на душе тяжело», или веселились «от души», так есть и сейчас. А вот как именно ощущается душа?

Итак, *она есть*. Она есть сильно, непосредственно и демократично – обладание душой никак не зависит от национальности, пола, возраста, имущества, образования. Она есть в той или иной степени во всей органической жизни, есть у растений, у зверей. Это нечто врождённое, но – для людей как для экспериментальных существ – меняющееся с ходом жизни. *Это – она*. Незримое существо женского рода. Весь человеческий опыт говорит о душе как о существе женского рода. *Её возраст не совпадает с биологическим*. Душа растёт по каким-то своим законам, и разницу душевного и физиологического времени люди иногда ощущают сами в себе как поразительный контраст. «Молод душой», «душа ребёнка». Солидная дама с ужасом понимает, что у неё душа юной девушки, и это не фигура речи, а реальность: такая уж душевная субстанция досталась, растущая с трудом, медленно. Бывает иначе, душа растёт и умудряется быстро. *Её удел – переживать*. Не жить – живёт сам человек, весь человек, – а переживать. Как-то особенно соединяться с жизнью, измерять её собой и себя ею, включать в свой состав, присваи-

вать, исторгать. Этот процесс порождает *чувства*. Лёгкое и безболезненное соединение индивидуальной души с жизнью вызывает радость, невозможность соединения – печаль (о несовершенстве жизни или о своей неумелости), если жизнь оказывается на данном участке прекрасной, душа впадает в восторг, если безобразной – в скорбь. Реакции души на жизнь непосредственны и неподдельны. (Их можно скрыть.) Одни души закаляются в переживаниях, другие так и остаются ранимыми, поэтому устают и болеют. Никакого отношения к инстанции разума или вкуса душа не имеет. Владея полноправно сферой *чувствительного, трогательного*, душа не защищена от вторжения лжи, фальши, разврата. Она не знает *меры и может быть безмерна*, а это в быту очень неприятно на вид. Но в целом жизнь, лишённая души, – это гниющий труп, где шевелятся проворные опарыши.

Из всех искусств важнейшим для души является музыка. Люди с чувствительной душой, переживая произведение, созданное при участии такой же родственной души, обычно заливаются *слезами*.

В последний раз мне довелось залиться слезами на представлении оперы Леонида Десятникова «Бедная Лиза» в Капелле, во время юбилейных концертов в честь пятидесятилетия композитора. Не знаю, совпадает ли нынешний возраст души Десятникова с его теперешним биологическим возрастом, но тогда, когда он сочинил «Бедную Лизу» – студентом Консерватории в 1979 году, – возраст души явно опережал реальный. Великолепный, безжалостный, иронический ум композитора блистательно воспользовался сентиментальной повестью Н. М. Карамзина для игры своими незаурядными возможностями. Но потому этот ум и незауряден, что оставляет территорию души неприкосновенной и её прав не оспаривает. В сочинениях Десятникова всегда есть особое и возвышенное над остальными участками музыкального текста место для *чистого плача*. Это место для бедной Лизы, то есть для бедной души человеческой, восклицательной

от невыносимой, казалось бы, боли – «Нельзя жить! Нельзя жить!» (в опере Лиза именно так и поёт).

Действительно, если постоянно соединяться с жизнью чувствительной тканью души, то боль от этого процесса заглушит все инстинкты самосохранения. Именно душевная боль – самая невыносимая для человека – приводит к самоубийству. Соблюдение интересов души не предусмотрено ни в государственных устройствах, ни в культурных сообществах. Даже в дружеском кругу принято посмеиваться над чувствительными людьми. Один-единёшенек, ночной порой, плачет себе человек. Перспектив никаких. Нельзя жить.

Но именно потому, что плачущий человек ещё пищит «нельзя жить!» – жить всё-таки можно. Плач души обеспечивает ещё некий прожиточный минимум коллективному человеческому телу. Пока сентиментальные дурачки льют слёзы, круговорот жизни длится. И потому вся геополитика мира не стоит слезинки девушки, брошенной возлюбленным...

Жить станет нельзя, когда умолкнут крики и стоны о том, что жить нельзя.

ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

Какая-нибудь очередная Катя начинает петь-мяукать, и я думаю: как они надоели со своей любовью! А главное, надоели лживые и пошлые мифы, сопровождающие эту стихию. Например, что Бог – это любовь. Чушь! Бог – крепкий, красивый мужчина в зрелом возрасте, с тёмно-голубыми глазами, немного похожий на актёра Юрия Беляева. Я видела. А любовь – это то, что стоит в глазах женщин, которые торчат у «Крестов» и смотрят в ту сторону, где, по их предположениям, сидит муж-отец-брат-сын. Это сильное чувство, приносящее очень много вреда.

Слава Богу, мужчины, как правило, женщин не любят. Возможно, так было не всегда, поскольку в дальней гене-

тической памяти женщин сохранилось некое воспоминание о том, что когда-то их любили. Просто так, ни за что. Это положение вещей сильно испортило женщин. Они перестали развиваться умственно и вообразили, что и без этого хороши. Некоторые женщины до сих пор остаются при этом малопочтенном убеждении и ведут себя как при старинном положении вещей. Это выглядит трагикомически. Но большинство, конечно, давно смекнуло что к чему.

Возле женских тюрем никто не стоит, и с жёнами-алкоголичками разводятся десять мужей из десяти. (Когда современные мужчины говорят о любви, я просто не понимаю, о чём они говорят, мне не удалось установить, что они имеют в виду, скорее всего, какую-то разновидность собственнического чувства, наложенную на основной инстинкт.) Поэтому женщины изо всех сил стараются быть лучше или хотя бы красивей. (Отсутствие любви очень способствует развитию человеческой личности.) Любовь – женское чувство: хлебом их не корми, дай кого-нибудь полюбить. Просто так, ни за что. Мужчины, которых любят просто так, ни за что, не стараются быть лучше и красивей (зачем?), а наоборот, распускаются и портятся.

Это грустный факт: женщины губят мужчин любовью. Искренние, сильно чувствующие русские женщины губят русских мужчин своей любовью. Любовь развращает мужчин. Они перестают совершенствоваться. Все красавчики, к примеру, – пьяницы и развратники, за редким исключением. А почему? Потому что любящие женщины растлевают их огромным количеством даровой, незаслуженной любви, которой они недостойны. Обливают золотом дерьмо.

Мамочки начинают, жёнушки продолжают, а доченьки приканчивают: и вот, по Земле бодро двигается очередная мужская тварь, очередной опарыш природы, обслонявленный ополоумевшими бабами, которые при этом воображают, что они заняты богоугодным делом.

А от этой их любви никакого добра нет. Большинство людей недостойны любви. Недостойных любить не надо. Не любить недостойных – это очень хорошо и правильно. Таким нехитрым путём создаётся ценность любви и ценность женщины. Сейчас такой ценности нет. Опять-таки взглянем правде в глаза: из-за перепроизводства любви и вручения её недостойным женщины потеряли цену. Это дешёвый, бросовый товар, который всегда на прилавке. Они охотно продают своё тело, а душу готовы отдать даром, только бери и владей. (Кстати, женщины совершенно готовы к приходу антихриста, и спасти мир может только чудо, притом особого рода: если антихрист окажется... женщиной. Если он будет, как и предсказано в старых книжках, красавцем-мужчиной – бабы купятся все.)

Женщины потеряли цену, которая и была-то невелика. Пять рублей за мальчика и три рубля за девочку, которые платили в советское время санитарке, выносящей младенца из роддома, тому свидетельство (теперь другие числа, менее выразительные). Планирование пола будущего ребёнка приведёт к сильному сокращению поголовья девочек – все отцы хотят быть отцами сыновей. Только однажды я столкнулась с повышенной ценностью женского пола – на рынке продавались цыплята, пять копеек петушок, пятьдесят копеек курочка.

Ценность может возникнуть только – когда? Правильно, девочка, садись, пятёрка. Ценность возникает при наличии *дефицита*.

Из горького опыта личной жизни многие женщины установили, что прочное, непрерывное излучение любви может быть не только благотельным, но и ненужным, и хуже – вредоносным. Хорошо, когда яркая люстра освещает нарядную залу. А если её сдуру включили в захламлённом чулане?

Надо перестать любить. Не насовсем, а временно и не абсолютно искренне, а как бы. Сделать вид. Попритворяться.

Отвернуться с гордым видом. Не давать. Ни в коем случае. Это важно. Это есть созидание ценностей искусственным путём.

Ничего не поделаешь, ледиз энд джентльмен! Естественным путём мы уже шли и на этом пути всё про(...)ли.

...А ЧЁРТА НЕ ДРАЗНИ

Народные поверья о бытовании нечистой силы, если судить о них по «Русскому демонологическому словарю», так пластичны, забавны и полны живых подробностей, что почти не остаётся сомнений – в этих рассказах реальный элемент сплавлен с фантастическим. То есть – конечно, сочиняли. Но и – что-то видели, слышали, а то и в стговор вступали.

«Один мужик пошёл вечером в баню, а уж про баню эту знали, что она – с анчутками...» Анчутка – злой банный дух, если разъярится, может и кожу содрать, но чаще бьёт или пугает, оттого православные люди не ходят в баню с крестом и на ночь глядя. А иные самоуверенные мужские тела, воображающие, что они правят сегодня миром, как раз любят закатиться в баню на ночь. И я уже десятки историй слышала о несчастных случаях при таких помывках. Так не лучше ли придерживаться старинных рекомендаций, особенно если про баню ходит слава, что она «с анчутками»?

Мало нынче веры на Руси, это правда. Но и суеверия обмельчали. «Бога люби, а чёрта не дразни» – советовали предки. Поэтично и умно! Но современные люди, чаще всего – ни Богу свечка, ни чёрту кочерга. Бога не любят, а притом черта – дразнят.

Вот, например, известно про лешего, что он – кудрявый, лохматый, с маленькими рожками – большой любитель женского пола и очень смешлив, но царство своё охраняет люто. Так если ты строишь трёхэтажную дачную хрень на природе и рубишь вековые деревья, что тебе стоит задобрить, улес-

тить хозяина, чтоб не было ни беды, ни злого случая? Домовому трудно горшок каши налить? А водяному дань? А что проклятых детей тут же утаскивает нечистая сила, знаете?

В общем, демонологический словарь надо изучить крепко – и кстати, дополнить. Несомненно, что в наше время к старым баламутам добавились новые. Кроме домового, водяного и лешего, очевидно существование *автомобильного, мобильного, компьютерного и телевизионного* чёрта. Рассказы о проделках этих шутников – менее телесно-воплощённых, но куда более грамотных и хитрых, чем старички-«нечистики», – ещё ждут своих исследователей и собирателей. Несомненно, на свете есть машины-оборотни, проклятые мобильники и заколдованные телевизоры. Проклятый мобильник сам рассылает сообщения с двенадцатью лихорадками, автооборотень заводит владельца прямо к чертям в пекло, а по заколдованному телевизору, если его в полночь поставить в красный угол вместо иконы и три раза сказать «Явьсь!», могут показать самого дьявола и его последнюю пресс-конференцию для воздушных демонов...

Занимательно предание о неразменном рубле. Народ советует положить в мешок чёрного kota, завязать мешок на семь узлов и ровно в полночь выйти на перекрёсток. Тут к тебе подойдёт Сам и станет торговать kota – проси рубль. Получишь рубль – беги домой, пока Сам развязывает узлы. Это и будет неразменный рубль, который всегда возвращается в карман владельца.

Ясно, что советы относятся к эпохе, когда денежная единица любой страны приятно тяжелила руку. Нынешний плюгавый рубль и так неразменен, на него ничего не купишь. Может быть, кто-нибудь пойдёт на эксперимент и попросит неразменную тыщу? Вдруг сработает? Попробуйте! Вообще делайте что-нибудь. А то тут от скуки помрёшь, на вас глядя.

Каким пёстрым и душистым предстаёт мир в народных байках про нечистую силу! Чего стоит хотя бы такая деталь: Сатана, оказывается, часто рукоприкладствует, бьёт своих

подчинённых, оттого-то так много бесов с увечьями – хромых, с оторванными хвостами. В аду не принято учить, объяснять приказы, так что бесы доходят до всего своим умом, в крайнем случае собираются на болоте и гуторят промеж своих, как выполнить очередной невыполнимый приказ хозяина. Нравы в аду суровые, расслабухи никакой, но это иного губит, а иному силу даёт, недаром некоторые из тех, кто выжил в ГУЛАГе – в земном советском аналоге ада, – потом стали титанами. Видимо, от повышенной самостоятельности нечистая сила и выигрывает на земле у силы чистой, изнеженной в райских кущах, расслабленной от вечной любви и ласки Отца...

Тот, кто ставит домовому горшок каши, кланяется лесу, бережётся Коровьей смерти и ходит в церковь не потому, что «надо бы в церковь сходить», а по жизненно важной необходимости – набраться обороны от нечисти; кто знает, что чёрт ликом чёрен и страшен (сам видал), а Божьи ангелы собой пригожи и пахнут приятно, – тот без шуток счастливый человек. Простодушная народная вера обеспечивает наиболее сильное и пластичное переживание жизни. Если у вас её нет, я не виновата.

ОСТРОВ ПЕТЕРБУРГ

Два года тому назад в Петербурге пробили волшебные часы, как в сказке про Золушку: карета превратилась в тыкву, кучер в крысу, Владимир Анатольевич в Валентину Ивановну, лопаты и мастерки выпали из рук строителей – и всё, что было недостроено и недокрашено, так и осталось недостроенным и недокрашенным. Фасад филологического факультета университета так и прикрывает трогательная занавесочка с нарисованными окошечками – дивное изобретение юбилейного Петербурга. Столица империи, затем «великий город с областной судьбой», свою четвёртую сот-

ню Петербург распечатал в новом качестве – в качестве «неведомо чего».

Русские женщины средних лет часто носят особенные кофты, на вопрос о расцветке и рисунке которых можно ответить: «неизъяснимо». Вот таков и современный Петербург. Он неизъясним.

Ну, допустим, вы – путешественник, приехали в Москву. Поглазели на сгоревший и отстроенный Манеж, полюбопытствовали, как именно в Московском художественном театре оскверняют классику, постояли в космических пробках, съели в «Пушкине» котлеты из лося и затомились – страшно захотелось вам увидеть неведомую страну Россию. Там празднуют День Огурца в Суздале и День Козы в Урюпинске, а в чудесном городе Сольвычегодск, где посредине плещется солёное озеро и жители никогда не болеют, каждый год шумит фестиваль моды и юмора «Вычегодская приплывуха»... Да! Туда! Но по дороге из Московии в Россию вы попали на зачарованный остров Петербург. Если вы не были тут лет двадцать, то вас ждёт первое удивление: многие вещи так и остались без изменений. Алиса Фрейндлих? В театре Ленсовета играет, пожалуйста, только не попасть – аншлаг. Магазин «Букинист» помните? Так он на месте. Пирожковую на углу Белинского? Так она там же и пирожки те же. Стоите на Невском, взыскуете общественного туалета? Как всегда, ближайшее место – Эрмитаж...

(О, как ужасно ошибся автор! Нет, нету больше ни «Букиниста», ни пирожковой... Об этом читайте в следующем эссе плачущего автора – «Исчезающий остров» – примечание 2006 года.)

Постепенно истина о русском пути, скрытая хищной Москвой и смиренной провинцией, явится вам здесь во всей наготе: вы увидите остатки двух погибших цивилизаций (русской православной и русской советской), с отвращением слившихся в принудительном объятии с поселениями варваров.

Если русская православная цивилизация строила дворцы, соборы и театры, русская советская – спортзалы, школы и киноцентры, то варвары ничего, кроме жилых домов и магазинов, строить не собираются. Стержневая идея их новой цивилизации – тотальное пожирание наличности: ни религия, ни наука, ни образование тут не нужны. Но остатки обеих цивилизаций, заряженные остаточной энергией, работают, да ещё как: каждый год вузы, к примеру, выбрасывают в жизнь несколько тысяч людей с чисто гуманитарным образованием. Делать им нечего: в городе пять жутких газет, три странных журнала, два телеканала, из которых один за гранью вменяемости, одна киностудия, которую вот-вот «акционируют» – то есть съедят, и несколько полудохлых театров.

Тем не менее, этого оказывается достаточно для поддержки жеста культурной претензии и упорного не-слияния осколков цивилизаций с деяниями варваров – нет им в Питере ни покоя, ни простора, ни счастья настоящего. Всё как-то подпорчено и отравлено. Отовсюду раздаётся глухое шипение. Не все ещё умерли. Осталось достаточное количество людей, способных отличить архитектурную ценность Инженерного замка от стоящего напротив бесстыжего и уродливого новодела, на фасаде которого, кстати, красуется бодрая надпись – дескать, дом построен к юбилею такими-то, с позволения такого-то. С подобной наивностью дитя, первый раз покакавшее в горшочек, показывает свой подвиг восхищённым родителям...

У рассеянной петербургской маниакальности есть определённые «точки сборки» – например, Зураб Церетели. Уже весь мир пал, а Петербург держится! Тут словно черта какая-то пролегает, которую самые отъявленные циники переступить не в состоянии: вот всё можно, а этого нельзя. На какие только хитрости не пускался титан Зураб, рискнувший широким жестом щедрого дарителя оставить кучку своего мастерства на входе в Манеж. Надеялся, что на царя-то Петра да на чистую бронзу наши маньяки всё-таки клонут. Обломился! Не учёл фактор психики. А это у нас главное.

Следующая точка сборки – деревья. Возле каждого срубленного ствола, точно дух погибшего дерева, вырастает бледный человечек, вздымающий руки к небесам. Сколько ни объясняй ему, что дерево плохое, старое и само бы упало, человечек упрямо вопит: «Вот бы само бы и упало!». Иногда он даже потрясает топором и невежливо намекает...

Непримиримые интересы и несовместимые воли сшибаются на острове так часто, что психика островитян усложняется, цепенеет и местами выходит из строя. Периодически на Питер готовится наехать армия столичного Гламура – но, ворвавшись в якобы незащищённый город и пометавшись в пустоте, гламур начинает уползать обратно, тихо ругаясь на идиотский город, к его прелестям абсолютно бесчувственный. Главная идея гламура – преуспевание в потреблении как идеал красоты – обламывает волчьи зубы об психику острова. Ведь, оказавшись здесь, варвары оказываются отрезанными от материка, и вслушиваясь в издевательский плеск злых серых волн, начинают терять и кураж, и аппетит. Им хватает сил, чтобы немного расчистить центр от культурных лавочек, но, и будучи переселёнными подальше, лавочки будут распространять утончённое зловоние, присущее остаткам их родимых цивилизаций.

А стало быть, Питер как был столицей графоманов и отравленных культурой придурков, так ею и останется.

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ОСТРОВ

Когда Санкт-Петербургу вернули его имя, город Ленинград стал медленно и неотвратимо таять. Русские не умеют ценить и беречь своё прошлое, им ведь обязательно надо «до основания, а затем...» Вот и Ленинград срывают «до основания». А между тем в обыденной материальной культуре Пе-

тербурга советского периода было много своеобразного, печального очарования.

Эти пышные, пирожковые, пельменные, рюмочные... пивные ларьки... магазины старой книги, дешёвые антикварные лавочки... комиссионные... дворцы и дома культуры, под завязку забитые всякими кружками, и – обязательно – с активной театральной самодеятельностью... всё это уходит в никуда.

Дворец культуры Первой пятилетки – я в восьмом классе поступала там в театральный кружок под руководством товарища Подберёзовикова, читала стихотворение Лермонтова «Я не унижусь пред тобою», позже смотрела гениальный спектакль Васильева «Взрослая дочь молодого человека», потом в «Пятилеточке» долго выступала чудесная труппа «Комик-трест»... – снесён. Здесь будет вторая сцена Мариинского театра, поскольку хреновой туче пошляков-режиссёров негде самовыражаться, им места не хватает. Значит – надо уничтожить человеческую память, ясное дело.

Пирожковая на углу Литейного и Белинского, где я студенткой Театрального ела вкусные и дешёвые пирожки, – закрыта. Закрыт и славный «Букинист» – форпост старой книги, приют добродушных маньяков-читателей. Опустели витрины «Художественных промыслов» на Невском, где я однажды купила дивной красоты платок с ручной вышивкой... Нет половины скверов, где я гуляла, и оставшаяся половина трепещет и ждёт неминуемой участи: из каждого сантиметра исторического центра будет выжата прибыль. На глазах пропадает моя родина, моя память, моя жизнь – и она же родина, память и жизнь миллионов людей.

О чём грустить? Всё так прекрасно! Сияют витрины дорогих бутиков, куда никогда никто не заходит, а если кто-нибудь зайдёт, то, по уморительному описанию сочинителя Дмитрия Горчева, «от стены бесшумно отделится девушка, похожая на самку паука, если вы не купите трусы за двести долларов, она вам откусит голову и съест». Персонал таких

магазинов действительно отчаянно скучает, и на любого посетителя, ежели он забежит, например, пересидеть дождь, уставляются три-четыре пары глаз. Вы пробовали смотреть товар под наблюдением озверевших от скуки поклонниц сериала «Не родись красивой», и под аккомпанемент их идиотских вопросов типа «Вам помочь?» и «Вы что хотели?»? Я пробовала. Это кислый экстрим. Вместо моего любимого магазина «Рыба» на площади Льва Толстого, где в отделе свежей рыбы работал ужасно симпатичный продавец, теперь открыли такой вот бутик, где продаётся мерзкая претенциозная одежда для тощих дьяволиц. Я туда не зайду никогда. Бурно размножаются сетевые магазины-монстры. Сети, сети, и мы – бедные рыбки. Я поклялась, что ничего у сетей покупать не буду. Пришлось нарушить – они, гады, везде, и заманивают дешёвкой. Всё как у всех, всё как у больших. По мнению администрации – очень мило и европно. Это главная идея сегодняшней администрации Петербурга – чтоб было европно.

Я не знаю, эти люди вообще были в Европе, нет? Видели маленькие лавочки, магазинчики, которым по двести–триста лет? Трогали вековые деревья в центре столиц? Ступали по камням, чей покой никто не смеет нарушить? Городская среда Петербурга изменяется только в одном направлении – к худшему, и изменяется не каждый день, а каждую минуту. Вот я сейчас пишу эти строки, а где-то срубают дерево, закрывают магазин, застраивают какой-нибудь милый уголок непарадного, трогательного пейзажа. Ужасное чудо: потерять родину, не покидая родины...

В городе появилось новое чудачество, своеобразные «дайверы», отыскивающие в новодельном дорогом матвиенковском Петербурге родимые пятна Ленинграда – рюмочные, магазинчики «Галантереи», где можно купить такой редкий товар, как нитки или ножницы, старые «Канцтовары» с человеческими ценами. Писатель Павел Крусанов нарыл на Пушкинской улице одно такое местечко и, ликуя, повёл туда

друзей. Мы перешагнули порог и ахнули от изумления: мы оказались внутри 1989 года. Водка в гранёном мухинском стакане за сорок рублей сто грамм, огурец солёный – четыре рубля, яйцо варёное – пять рублей. Деревянные столы, крашенные морилкой. На стенах акварели неизвестного. В углу два игровых автомата образца 1988 года. Белая грязная собачка-дворняжка с умной мордочкой... Сели, выпили и заплакали, как эмигранты, которые в чужой земле отыскивали кусочек родины.

Один художник (по совместительству муж дизайнера Татьяны Парфёновой) упорно, каждый день рисует исчезающий город – скверы, которые завтра вырубят, пейзажи, которые послезавтра испоганят. Пакует родину про запас. Но это должно стать программой сотен и тысяч людей. Ленинград следует срочно рисовать, фотографировать, записывать. В нём было плохое, ненужное, вредное, пошлое – но было и хорошее, ценное, поэтическое. По русскому обычаю, уничтожают именно хорошее и поэтическое, так что приезжайте, срочно приезжайте в Петербург, особенно если вы когда-то были молоды, влюблены и при каждой возможности бежали в Ленинград проветриться.

Город вашей памяти исчезает.

МУЗЕЙ ПЕЧАЛИ

Посвящается 303-летию Санкт-Петербурга

Вот бывает: прочтёшь что-нибудь несусветное на уличной вывеске, и только через пару минут догадаешься, что это мираж, ошибка зрения, смешная путанка... Так Антон Павлович Чехов читал – «Большой выбор сигов» и всё удивлялся: неужели есть такой магазин особенный, где рыба сиг водится в исключительном разнообразии, пока однажды не присмотрелся и не прочёл прозаическое – «Большой выбор сигар». А я шла как-то вдоль Мойки и боковым зрением схва-

тила – «Музей печали». Даже остановилась. Как хорошо! Музей печали. А уже бойкий информатор внутри головы подсказывал, что – ошибка, что – «Музей печати», конечно.

Но мне жаль, что нет на свете Музея печали. Печаль так разнообразна! А. С. Пушкин, например, в стихотворении «На холмах Грузии...» открыл светлую печаль. Значит, есть и тёмная. Существует, конечно, печаль о несбывшемся и печаль о сущем, печаль любви и печаль в отсутствии любви, печаль об ушедших из жизни и печаль о живых. И уж, без сомнения, в наш воображаемый Музей печали стоило бы сдать Санкт-Петербург советского периода, город Ленинград – пожалуй что, весь целиком.

Я помню его, начиная с шестидесятых годов, это был печальный город, как будто с трудом приходящий в себя после смертельной болезни. Бедный, чистый. С дурацкими красными тряпочками и агитационными буквами на фасадах – но всего этого было в десять раз меньше, чем современной рекламы. Долгое время, до последних лет, – зелёный, с множеством садиков и сквериков. С милым нелепым животным-трамваем. С плохими магазинами. С невероятным количеством дворцов и домов культуры. С очень серьёзными милиционерами. С детьми, спокойно играющими во дворах без присмотра... Исчезновение Ленинграда можно было бы как-то извинить при одном условии: если бы подавляющему большинству людей стало жить лучше, но этого не произошло, да и не могло произойти. Мы наши исторические грехи не замаливаем и не искупаем, даже не каемся в них, и они каменеют и отправляются вместе с нами в наш общий Музей печали.

Хожу по городу, ищу неизуродованные новоделом места. Их ещё много, но чаще натыкаешься на порчу. Вот опять впендюрили огромный домище, без меры, без вкуса, – в Советский переулок, на пересечении с 5-й Красноармейской. Я там рядом училась восемь лет. Ничего, ничего не найти – ни кафе, ни магазинчика родного... Теряешь родину, не покидая родины, вот это да. Человек, который три года играл на гуслях и

ложках в Доме культуры имени Карла Маркса, не может сегодня глядеть на Питер и чирикать: «Ура-ура, зло ушло – добро пришло!». (Это я о себе, я играла на гусях – бесплатный кружок, выдавали инструменты, возили на выступления!) Улица Правды – где она? Кудрявая, нечеловечески самоуверенная дама-архитектор, недрогнувшей рукой изменяет трёхсотлетний ландшафт Петербурга и страшно удивляется, когда её скопище мелких пластических уродств – «пешеходную зону» – люди с улицы Правды (то есть не привыкшие врать) так и называют – «скопием уродств»...

Дело не в обычных временных изменениях, которые неизбежны. Дело в резком, катастрофическом и уродливом сломе всего стиля и даже сути жизни.

«Распалась связь времён» – сетовал принц Гамлет. Почему то все издевающиеся над этой пьесой режиссёры даже не пробуют вдуматься в слова умного принца. Что такое – распад связи времён? А это то, что мы видели и видим своими глазами. Жизнь не развивается естественным образом, сохраняя старое, приращивая новое, а как будто вдруг обрывается, как сон. И один сон сменяет другой без всякой связи. Один мираж заменяется другим миражом. Как будто из времени выдернули стержень смысла. Ленинград исчезает на наших глазах, заменяясь Новопитером, который сейчас вроде как на коне, он пыжится и тужится, он сияет всеми своими мраморами, надстраивает, обустройствает и перестраивает, и врёт, врёт без конца и краю и уверен, что конца и краю этого не будет.

Будет.

Когда я однажды поплакала печатно над исчезающим Ленинградом, над закрытыми пирожковыми, вырубленными сквериками, опустевшими или снесёнными домами культуры, один самодовольный житель Новопитера, обсуждая мою статью на каком-то форуме, презрительно написал: «Ну, тоже мне, развела словесный понос (так и написал, они же там, в своей канализации, в чатах и блогах, выражения не выбирают), нашла о чём плакать». И он, скорбный головою, в этот

момент воображал, наверное, что его власть, власть нефтяных паразитов, пришла навеки, что он вечно будет ходить да из офиса в фитнес да из бутика в бутик.

Нет, мои милые. Если вы так легко и беспечально отправляете на свалку жизнь ваших отцов и дедов, точно так же, с той же лёгкостью, отправят на свалку вас самих и всю вашу жизнь. И офисы ваши прорастут лопухами, и обрушатся ваши надстроенные мансарды, и на руинах ваших фитнесов напрасно будут вращаться беговые дорожки... И небоскрёбы бизнес-центров пойдут трещинами, и все ваши памятники пойдут в переплавку, и ветер на помойке станет лениво шелестеть листьями ваших глянцевых журналов...

Ф. М. Достоевский писал, что, видимо, есть «химическое соединение духа с родной землёй». Химическое соединение человеческих душ с Ленинградом сейчас распадается. От этого больно. Дайте нам поплакать! Слушай, Ленинград, наш реквием! Мы поставим тебе коллективный памятник в Музее печали, мы восстановим в слове, в звуках, на холсте лучшее, что было в тебе (то была наша душа).

А кто заплачет об этой пластмассовой, офисно-фитнесовой жизни, где человек превращён в машину переработки денег на дерьмо? В каких блогах встрепенутся какие боги, когда она пойдёт на помойку?

Никто не заплачет, потому что у этой жизни нет души. Эта жизнь, со всеми своими зонами и небоскрёбами, мертва уже при рождении.

^

ЛЮДИ БУДУЩЕГО

Отдельные нервные петербуржцы, узнав, что «Пятый канал» телевидения выиграл некий «конкурс» на федеральное вещание для регионов, заметались в тоске, представляя себе, как на бедную Россию обрушится этот дивный муляж, набитый чучелами «журналистов», «историков» и «писателей».

Как нам, видите ли, будет стыдно за Петербург, когда развеются наконец мифы о его повышенном интеллекте и в полной красе предстанет перед страной тупой провинциальный менеджмент, без всяких рассуждений выполняющий команды нефтяных-газовых паразитов.

Говорят, что на конкурсе победила невероятной красоты «концепция» «Пятого канала», по которой вся Россия вскоре покроется телевизионными «будками гласности». Я, как настоящий Космический Оптимизатор, предлагаю зря денег не тратить и совместить «будки гласности» с остродефицитными общественными туалетами. Так сказать, сделал дело – говори смело. Тем более заказ на имитацию гласности закончится скоро, а естественные потребности – они и при тирании естественные потребности. Кстати, что такое гласность под руководством нового питерского менеджмента, я поняла ещё год назад, когда в день наводнения, 9 января, узнала об этом из новостей «Первого канала». «Пятый» молчал, ожидая разъяснений – вписывается ли наводнение в концепцию телевидения социального оптимизма или нет.

А на самом деле всё обстоит наилучшим образом. Новая команда управленцев петербургского телевидения сделала огромное благое дело. Вещание «Пятёрочки» невыносимо – даже смотрящие его четыре с половиной процента жителей выдерживают это лишь небольшими фрагментами. «Пятый канал» удачно формирует болезненное отвращение к телевидению вообще. Так пусть к этому подсоединится вся Россия!

Там, далеко-далеко есть земля... Для бюрократов – «регионы». Для политиков – «субъекты федерации». А для меня – чудесная страна, Святая Русь, столица которой – град Китеж. Он медленно всплывает из своего глубокого погружения, и на его деревянных ладьях стоят зачарованные странники. В этой стране всё особенное – люди, пища, природа, книги и журналы, человеческие взаимоотношения... Время от времени оттуда приходят вести. Они прекрасны.

Недавно Китеж прислал мне литературный альманах «Озарение», издающийся в городе Н., – стихи и рассказы простодушных авторов, адреса, по которым можно направить помощь. «Из-за короткого замыкания в ночь с 30 на 31 января 2005 года сгорела ферма – подсобное хозяйство Обители Милосердия. Ферма была большим подспорьем в многодетной семье протоиерея Николая Стремского, где на сегодня воспитываются 60 усыновлённых и опекаемых детей...»; «Исключительно остро стоит вопрос волонтеров в группу милосердия при московской больнице (м. «Сходненская»), сейчас там лежат 40 детей от 2 мес. до 12 лет, брошенные родителями, многих из них нашли на вокзалах и в мусорных ящиках. С детьми надо гулять, играть, просто разговаривать, младенцам надо менять пелёнки, плачущих утешать...» Это вот жизнь. А творчество людей из Китежа, вдохновенное, наивное и душераздирающее, посвящено одной теме: неприятию существующего в России порядка вещей и стремление к чистой милосердной жизни среди таких же товарищей. Одно стихотворение вообще меня убило своей титанической силой. В нём автор (кстати, из Петербурга), видимо, насмотревшись местного телевидения, рисует такую сатирическую картину современных нравов (сохраняю авторскую пунктуацию):

...Гонят стадо тупорылых
Заигравшихся козлов
Гонят их козлов на мыло
И сжигают вместо дров

Ездят лихо Мерседесы
Лавки полны колбасой
В телевизоре принцессы
Дружно хвалятся собой

Лепят строят хитроделы
Свой бумажный хитроград
Прям в глаза ныряя смело
На ходу врут наугад...

Потрясающий образ! Я теперь как взгляну в телевизор или на газету, так и начинаю бормотать – «Лепят, строят хитроделы свой бумажный хитроград...»

Итак, с одной стороны, у нас «хитроделы», набитые златом, огнедышащие всеми каналами телевещания, с ордой роботов-начальников, и их вавилоноподобный «хитроград», а с другой – град Китеж, бедный, чистый, в разбитых ботинках, с гречневой кашей в желудке и альманахом «Озарение» в руках. Кто победит?

Да Китеж, без вариантов. Почему? А потому, что в мире «хитроделов» своих детей выбрасывают в мусорные ящики, а в мире «Китежа» меняют пелёнки чужим. И всё. Этого было достаточно когда-то, чтоб скovyрнулся великий Рим, этого будет вполне достаточно, чтобы гикнулось чучело «единой России». Престол света – грозный престол, и он, в отличие от лукавых измышлений писателя Лукьяненко, никогда и ни о чём с тьмой не договаривается. Большевики победили только потому, что украли у света идею правды и справедливости, буквально вот – увели как коровёнку из стойла, только ведь краденое добро впрок не идёт.

Разум, чистота, вера, труд, взаимопомощь, бескорыстие могут победить и побеждают без оружия. Пусть лепят, строят хитроделы – напрасны их труды и дни. Какой там, к лешему, «Пятый канал», «Первый канал». Их манипуляторов уже при жизни забудут. Ведь люди будущего давно родились и весёлыми ногами идут мимо трёхметровых заборов, за которыми спиваются «хитроделы» и распадаются от наркотиков их дети (если они у них вообще есть), идут на свои спевки и маёвки, в катакомбы, на заседания общества «Милосердие», к издателям альманахов «Озарение», «Песнь добра», «Светлый путь»... Китежане, я вас обожаю.

КОНЕЧНО, ДОСТОЕВСКИЙ!

Киноповесть

Петербург, июнь. Жарко. Молодой человек, очень худой, небритый, в чёрной кожаной куртке, застёгнутой наглухо, идёт по городу и что-то бормочет про себя. Иногда он останавливается, жестикулирует, смеётся своим интересным мыслишкам.

Тоненькая девушка на высоких каблуках, с длинными тёмными волосами, облокотилась на решётку канала. Смотрит на воду. В воде жизнерадостно плавают отходы цивилизации.

Ветхий старик в длинном старом пальто, с такой же ветхой собачкой, входит в кондитерскую. Там есть несколько столиков, продают кофе и пирожные. Старик, ни на кого не глядя, садится за столик, вынимает из кармана свёрток с печеньем, неряшливо ест. Собака беззвучно лежит у него в ногах.

Звонят колокола Владимирской церкви. Подъезжает такси, из него выходит красивая, дорого одетая женщина с печальным лицом. Перекрестившись, отправляется в церковь.

Чумазая девчонка схватила у торговки с лотка грушу и убежала. Торговка ругается вслед.

Пьяная мамаша ведёт за руку ребёнка лет десяти, мальчика. То есть скорее он её ведёт, тянет домой. Хорошо, что пе-

шеходная зона, и мамаша может выписывать ногами кренделя, не опасаясь машин.

– Федька, чёрт! Здорово, пропащий! – на худого молодого человека в кожанке налетел гладкий, весёлый, увесистый. – В прошлом году всем классом собирались, тебя не было, в позапрошлом не было, звонили – ни фиги. Ну, что, как дела-делишки? Ты же вроде в университете? На каком курсе? Что, давай пошли, тут за углом, отметим встречу, а? Года четыре не видались, да? Ты чего тормозишь – не узнал меня, что ли? Я Максим, Максим Травкин. Помнишь, как ты меня ненавидел в десятом классе? Руку мне прокусил – во, гляди. На всю жизнь отметины остались. Пошли, пивка дёрнем, а?

Несмотря на то, что Федя ничего не отвечает ни на одну реплику Максима, тот его тянет в подвальчик, и Федя идёт.

Старик задремал в кондитерской.

– Эй, дед! – тормозит его уборщица. – Давай домой иди. Хватит тут сидеть. Тут люди сидят, а ты тут... – Заснул, – объясняет она посетителям. – Ну что ты будешь делать. Давай, давай, собирайся.

Две девушки, жующие пирожные, одна вертлявая, модная, стройная и другая – полноватая, но привлекательная, румяная, с длинной косой, вступились за деда.

– Да что он вам, мешает? – сказала та, что с косой. – Пусть посидит.

– Может, он голодный, – добавила модная. – С голоду спит. Вон какой старый. Ещё неизвестно вообще, что с нами будет в таком возрасте.

– Ничего он не голодный, – говорит продавщица. – Мы ему и хлеб даём неликвидный, и печенье, и кофе сколько наливали. Это наш дед, известный.

– Он давно к нам ходит, – подтверждает уборщица. – А мы тоже не без креста, правда, Лариса?

Старик очнулся, смотрит перед собой без выражения.

Красивая женщина с печальным лицом ставит самые дорогие свечи перед образом Божьей матери, что-то шепчет, плачет.

Пьяная мамаша уморилась, села на скамейку. Мальчик сел рядом.

– Ладно, мама, ты посиди, отдохни, и пойдём. Что хорошего? – кот с утра некормленный. Вот он мяучит дома.

– Мяучит, – говорит мамаша. – Кто мяучит?

– Кот наш, мама, дома один, кот голодный.

– Съели кота? – поражается мамаша. – Бабка мне говорила... двух котов съела... в блокаду.

– Мам, пойдём домой.

– Да, Юрочка, сейчас пойдём. Один маленький секунд!

Чумазая девочка, сперевшая грушу, ест её и насмешливо, но и не без сочувствия, смотрит на мальчика и маму.

Тоненькая девушка всё глядит на воду. Рядом останавливается бравый мальёк, в расхристанном виде и сильном подпитии. Мочится в канал. Девушка оборачивается в удивлении. Её лицо кривит мучительная судорога, почти рвотный спазм.

– О! Пардон, мадам. Культурная столица... кругом памятные места... ни одного туалета, пардон! Не заметил! Пьян, свински пьян и счастлив. О, как давно, как давно не был я в Санкт-Петербурге. Принимай меня, священное чудовище! Не уходите, мадам... мадемуазель... барышня... сударыня! Неужели, неужели вас зовут Настенька?

– Нет, – сердито отвечает девушка. – Никакая я вам не Настенька. Совсем уже. Делает прямо в канал и ещё пристаёт.

– Выродок, – согласился мужчина. – Я выродок. Что делать – вот она, дегенерация! Ещё лет на пятьдесят хватит! Да здравствует великая и могучая русская дегенерация! Боже, как хорошо. Нам уже никуда не надо, понимаете? Не надо нести миру новое слово. Не надо жилы рвать. Книг

писать не надо – их никто читать не будет. Новый небывалый социальный строй выдумывать – не надо. Христа русского изобретать – тоже не надо. Мы наконец можем от души пожить. Как кому при... при... как бы это цензурно сказать – прикольнётся.

Девушка решительно поворачивается и уходит.

– Не уходи, прекрасное привидение! – кричит бравый мальчик. – Возьми меня в свой классический текст!

Старик вдруг понял, что им недовольны, стал поспешно собираться, запихнул остатки печенья в карман, толкает собаку. Девушка с косой (Варя) говорит подруге:

– Ксана, давай купим ему что-нибудь.

– Давай, – соглашается Ксана. – У меня тридцать рублей осталось.

– Дора, Дора, – кричит старик свою псину. – Дора...

– Дедушка, возьмите, – Варя протягивает старику коржик. Тот не замечает, наклонился к собаке. – Дора, Дора...

– Ой, – говорит Варя. – Ой, собачка...

Уборщица наклонилась, пошевелила собаку – та мертва.

– Дед, всё, померла твоя собака. Не дышит.

– Дора, Дора, – продолжает звать старик.

– Маша, что там такое? – спрашивает продавщица.

– Собачка не дышит, – говорит расстроенная Варя с коржиком в руке.

Из разных углов кондитерской стекаются люди, осматривают происшествие.

– Да всё, всё, – машет рукой уборщица. – Кранты. Ну, жалко не жалко, давай, дед, уноси собаку. У нас люди кушают. Чего там. Старая такая. Я бы сама так померла с удовольствием – лёг и не встал.

– Дедушка, мы вам поможем, – говорит Варя. – Отнесём вашу Дору куда скажете.

Старик потрясённо смотрит на окружающих. Потом встаёт и выходит из кондитерской.

– Больной деД, не соображает ничего, – подводит итоги уборщица.

Федя и Максим в пивной.

– Да, здесь простенько, – говорит Максим, – но пиво дают правильное. Сухарики будешь? Ну, значит, откосил от армии, официальный диагноз имею – МДП. Во как! У тебя, наверное, реальный МДП, а у меня зато справка есть. МДП нет, а справка есть. А у тебя МДП есть, а справки нет. Ха-ха-ха! Работаю в папашинoм бизнесе. Помнишь папашу? Он тебя убивать приходил, когда ты мне руку прокусил. Он ещё толще стал, ха-ха-ха! Сволочь вообще. Но фишку рубит. Да, ты сейчас упадёшь! Женюсь! Невесту зовут – ты сейчас рухнешь – Наташа! Всё равно что никак не зовут, да? Учится на модельера. У её предков дом в Озерках. Не даёт, слушай, травит, что девушка и что после венца только, ничего себе. Я посмотрел на дом в Озерках, думаю – может, врёт, может, нет, надо на всякий случай жениться. Стало интересно.

Фёдор по-прежнему ничего не говорит.

Красивая женщина выходит из церкви, глядит на пожилую попрошайку с жестяной кружкой. Вынимает сто рублей, кладёт в кружку.

– Здравствуй, Клара, – говорит попрошайка. – Что, грехи замаливаешь?

Женщина отшатывается, бежит прочь.

– Что, знакомая? – любопытствует калечный.

– Клара, подружка моя бывшая. Та ещё сука, – объясняет попрошайка. – Она как шуганулась. Я про неё много чего знаю...

Мамаша закемарила, мальчик толкает её в бок – без успеха. Чумазая подошла.

– Русский, дай рубль, скажу чего делать.

Мальчик вынул рубль, дал.

– Ты руками её за уши, вот так, – чумазая показывает на себе. – Три, три, посильнее. Она очухается.

Мальчик трёт мамаше уши, та и в самом деле открывает глаза.

– Юрочка, тебе что?

– Мама, нам пора домой.

– Пошли домой, маленький.

Встают, идут. Чумазая рядом пошла.

– Спасибо, – говорит мальчик. – Она сегодня плохо себя чувствует. Жарко.

– Да мы знаем, – смеётся чумазая, – как они плохо чувствуют. Я, когда дядьки пьяные, всегда им уши делаю. Дай рубль за лечение.

Мальчик даёт рубль.

– Русский беленький сердитый, весь рублями набитый, – смеётся чумазая.

– Ты цыганка? – спрашивает мальчик.

– А почему сразу цыганка? Может, я испанка!

– Ты по вагонам ходишь?

– Чего! – рассердилась чумазая. – Сам по вагонам ходишь! Мы в Горелове живём, у нас дом есть, три комнаты, лошадь, две собаки! У меня мать не пьёт!

– Тебе повезло, – говорит мальчик.

Чумазая сменила гнев на милость.

– Так дядьки пьют, черти, – смеётся она. – Нас пятнадцать человек живёт в одном доме. Я от них в город на целый день! Меня Эльвира зовут.

– Юра, – отвечает мальчик. – А мы тут рядом живём.

Девушка стучит каблучками, идёт вдоль канала. Поодаль следует бравый господин.

– Я достоин презрения! Дайте мне по морде!

Девушка идёт, не отвечает.

– С утра мечтаю, чтоб мне дали по морде. Появился шанс! Вы можете, я верю! Наконец в мою жизнь вошла

женщина, которая может дать мне по морде, и вот она уходит от меня!

Девушка не отвечает, не оборачивается.

– Я капитан Немо! Я поэт и музыкант! Я вчера из Швейцарии! Я сын князя Мышкина от генеральши Епанчиной! Мне сорок пять лет... будет через два года!

Девушка не отвечает, но на самом деле ей уже смешно.

Федя и Максим в пивной.

– Главное, как-то надо подгадать с этой свадьбой, чтоб Лерка не пришла, – рассказывает Максим. – Иначе Наташке крышка. Ты же помнишь Лерку! Я с ней ещё год где-то после школы трепался... нет, вру, больше... а потом она меня достала. И тут пошла другая тема, с Озерками. А Лерка на меня губу давно раскатала... А ты Лерку не видел? Ты же с ума сойдил... письма писал... ты на неё прямо чуть не молился! Да, брат, вот правильно говорят – не сотвори себе кумира.

Фёдор молчит.

– Слушай, ты что такой сегодня... какой-то непонятный? – наконец догадался Максим. – Молчишь чего-то. Какие проблемы? Колись, мы же друзья.

– Хочешь, я тебе нос откушу? – спрашивает Фёдор.

Ксана и Варя идут по улице с большой рваной сумкой.

– Варька, мы его не найдём! И будем таскаться сдохлой собакой!

– Найдём. Дед заметный, – отвечает Варя. – У него парадоксальная реакция на стресс. Он не смог овладеть ситуацией и включил механизм вытеснения. Потом будет вторичное переживание, он восстановит картину события, и если катализатор стресса отсутствует, возможен болевой шок...

Девочки спрашивают прохожих, не видели ли они – показывают, кого. Кто не знает, а кто и знает, указывает направление, в котором удалился дед.

Красивая женщина входит в парикмахерскую.

– Нет окошечка на маникюр? – спрашивает она.

Фарида! – зовёт администраторша. Тут все молодые, в парикмахерской.

– Женщину на маникюр возьмёшь?

– А пожалуйста, – соглашается Фарида.

Женщина протягивает руки. Её ногти поломаны, обкусаны.

– Ай, такие красивые ручки мы запустили! – притворно сокрушается Фарида. – Давно не делали, да?

Женщина кивает.

– Я устал, о моя беспощадная дама! – воззвал бравый малый. – Меня зовут Иван Космонавтов! Я засекреченный, меня ищут разведки всего мира... Аглая! Аделаида! Александра! Аграфена! Авдотья! Анна!

Девушка останавливается.

– Хорош орать. Что надо?

– Любви и дружбы, – с готовностью отвечает Иван Космонавтов. – Имя, прошу – имя розы!

– Ну, Лера.

– Нулера? Впервые слышу такое имя – Нулера. Даже красиво...

– Валерия. Ва-ле-ри-я.

– Иван Космонавтов. Это псевдоним. На самом деле... неважно. Не суть! Короче, как мне смыть позор?

Девушка показывает на канал.

– Видишь, какой срach? Всякие свиньи вроде тебя весь город изгадили. Хочешь смыть позор – полезай в воду и поработай. Собери банки, бутылки...

– Гениально, – соглашается Космонавтов. – Где спуск на воду?

– А там, подальше.

– Вперёд! – командует сам себе Космонавтов.

Максим хохочет.

– Нос откушу! Тоже мне терминатор! Слушай, мне кто-то капал на тебя, что ты с этими связался, с эсерами. Ты что, правда стал этот... социалист-революционер? Фёдка, бросай эту похабень к чёртовой матери. На кой нам революция? Мало тебе этой заварушки в семнадцатом? И правильно вас, придурков, сажают. Люди жить хотят, а вы как нечистая сила колбаситесь. Ты думаешь, мне всё нравится в этой стране? Да мне всё не нравится. Тут, знаешь, везде один сплошной мой папаша! Куда ни ткни – папаша сидит! Во сцепились отцы-молодцы – жопа к жопе, не пробьёшься! Но я папашу сам не буду резать и тебе не дам. Если что, я лягу в Озерках с пулемётом! Ты меня понял? – вдруг довольно угрожающе спросил Максим.

Фёдор молчит.

– Пиво давай пей! – крикнул Максим. – Друга встретил – пиво пей, революционер!

Тихая сомлевшая мамаша, Юра и чумазая вошли во двор, остановились у двери.

– Юрочка, Юрочка, – лепечет мамаша.

– Мы – на втором этаже. Квартира девять...

– Слушай, русский, а ты мамку уложи, кота покорми, и айда на рынок погуляем?

– А ты подождёшь, честно?

– Обижает, беленький! Эльвира сказала!

– Я быстро! – обрадовался Юра.

Варя и Ксана поднимаются по лестнице.

– Видишь, его тут все знают, нашего дедулю, – говорит Варя. – Квартира двадцать один. О, гляди, табличка...

Возле обшарпанной двери привинчена пластинка с надписью «Иеремия Браун».

– Имечко! – веселится Ксана. – Иеремия! Ты думаешь, это наш старикан? Интересно, а сокращённо как – Иера? Ерёма?

– Нормальное имя, из Библии. В Англии он был бы Дже-реми. Мы скажем: господин Браун.

На звонок открыла неказистая девица лет тридцати, с хитрым прищуром.

– Господин Браун? – тоном светской дамы спросила Варя.

– У себя. Третья дверь, – лаконично ответила девица.

Перед дверью в комнату Брауна Варя и Ксана что-то оробели.

– Давай, Варька, ты всю кашу заварила, давай рубись.

Варя стучится.

– Господин Браун!

Молчание.

Фарида обрабатывает руки женщины, рассматривает её кольцо.

– Красивое какое у вас кольцо.

– Да, – отвечает женщина, – от дедушки. Чёрный опал, редкий камень. Приносит несчастье.

– Вы знаете, я вам верю. Хотя трудно. Такой маленький красивый камушек – и вдруг несчастье! Женщины любят всякое такое. Загадки там, тайны. А вообще поговоришь с человеком – и всё понятно. Жизнь! То есть я хочу сказать, что несчастья и без всяких камешков бывают, да? Правильно?

Женщина страдальчески закрывает глаза, вот-вот заплачет.

– А кофейку не хотите? – ласково спрашивает Фарида.

Женщина кивает.

– Простите, – говорит она. – Такой день... Ниточку я сегодня нашла, ниточку...

– Ниточку? – переспрашивает Фарида.

– Потому что надо мне один клубочек размотать. Такой клубочек – двадцать лет наматывала, а теперь мне его размотать надо...

Иван Космонавтов плавает в канале, собирает банки, бутылки, обёртки от мороженого и забрасывает Лере на при-

стань. Та аккуратно складывает мусор в пластиковый мешок. Граждане начинают интересоваться происходящим.

– Гринпис? – спрашивает компания молодых людей. – Акция протеста?

– Местный актив молодых уборщиков России, – отвечает Лера. – Сокращённо «МУР». Наш девиз – «Убери дерьмо».

– Новеньких берёте? – заинтересовался один юноша.

– А кто главный у вас?

– Всех берём, – отвечает Лера. – Главный – вот он. Зовут Иван Космонавтов.

– Сам чистит! Во молоток! – компании понравилось.

– Сила личного примера, – объясняет Лера.

Ребята переглянулись.

– Ну что, мужики, девиз подходящий. Дерьма всем хватит.

Стали раздеваться.

Варя толкает дверь в комнату господина Брауна.

Это старый мир. В нём нет новых вещей. Мебель и картины начала двадцатого века. Как ни странно, довольно чисто.

Браун лежит за ширмой на кровати.

Варя и Ксана подходят.

– Он вообще живой? – тревожится Ксана.

Старик открывает глаза.

– Добрый вечер, господин Браун, – громко произносит Варя.

Эти слова оживляют Иеремию Брауна. Он садится на постели, смотрит на девочек.

– Варвара Панкратова, Оксана Никитенко, – представляет себя и подругу Варя.

– Очень приятно. Чем обязан? – старик выглядит совсем вменяемым.

– Мы вашу собачку принесли, – говорит Ксана. – Вашу Дору. Мы были в кондитерской, а собачка заснула... совсем. А вы ушли. А уборщица ругалась, что собак дохлых на неё вешают.

– Мы взяли Дору, попросили сумку какую-нибудь и стали спрашивать на улице, кто вас видел. А вас тут все почти знают...

– Короче, вот ваша собачка, а мы пошли, – заключила Ксана.

Старик встал, прошёл к круглому столу, жестом пригласил девочек присесть.

– Вы пионеры? – спросил он. – Или нет – комсомолки? Позвольте записать ваши имена и адрес вашей школы. Я сегодня же направлю благодарность.

Ксана фыркнула. Варя посмотрела на неё строго.

– Нет, господин Браун, мы уже учимся в высших учебных заведениях. Я могу оставить вам свою визитку. Пожалуйста.

– Благодарю. Ещё одна просьба: пожалуйста, эту сумку... возьмите и...

– Закопать где-нибудь? – спросила Ксана. – Мы сами хотели, но надо было хозяина спросить.

– Вы совершенно правы. Всегда следует спрашивать хозяина. С юридической точки зрения вы поступили грамотно.

– А вы юрист? – полюбопытствовала Варя.

– Закончил университет в двадцать третьем году. Адвокат Браун, к вашим услугам.

Ксана что-то считает в уме и смотрит ошарашенно.

– Я девятьсот первого года рождения, – говорит Браун.

– Я запутался, – с тоской объясняет Максим невозмутимому Феде. – Надо взять себя в руки, и всё. Да, я люблю Лерку, ну и что? Любить одно, а жить другое. Не могу я с ней жить! Душит она меня! А ты с ней не встречаешься? Нет? Она тебя не любит. Смеётся над тобой. Этот, говорит, припадочный, в светлых мечтах и в грязных носках! А ты чего в куртке? – сними, жарко.

Тянется к Фёдору, собирается, что ли, куртку ему расстегнуть. Фёдор коротко и сильно бьёт его по лицу.

– О, ребята уже поговорили, – комментируют за соседним столиком.

Юра выбегает во двор, Эльвиры нет. Он туда-сюда посмотрел – нет. Собрался уходить.

– Русский! – пропел голосок. – За помойкой не смотрел?

Юра бежит к мусорному баку, из-за которого вылезает чумаза.

– Ну чего, беленький, свободен?

– Свободен! – смеётся Юра. – Мамка сразу отрубилась.

Идут по городу к рынку.

– Тырить со мной будешь?

– Нет, не могу. Ты давай сама, а я на стрёме.

– А нужна мне стрёма твоя! Я чисто работаю, два раза только замели. Я такую косметику вчера взяла!

– А тебя ничего... отпускают?

– Да кто с нами будет возиться... с испанцами. Я же не беженка, я в Горелове прописана. В школу хожу... ходила. Тут год пропустила. Тебе сколько лет?

– Полных десять.

– А я старше тебя! Мне в марте одиннадцать было. Ну чего, русский, кушать хочешь? Посиди тут.

Иван и ещё двое парней плавают по каналу. Лера машет им.

– Ребята! Хватит! Акция закончена! Нельзя в этой воде долго, шкура облезет!

– Петербург – столица небесной России! – отвечает Иван.

– Да здравствует чистота! – кричит другой парень. – Мы молодые уборщики страны!

– Господин Браун, – говорит Варя, – вам сто четыре года? Это... так нельзя оставлять. Вы, может, старейший житель Петербурга. Я напишу. Я с одной газетой сотрудничаю.

Старик посмотрел на визитку.

– Госпожа... Варвара Панкратова? Благодарю. Простите, что не могу сегодня принять вас как следует. Я... нездоров.

По лицу его вдруг быстро побежали слёзы.

– Простите, извините, – забормотали девочки. – Мы пойдём, спасибо. Мы всё сделаем. Мы место пометим, вам потом можем показать. До свидания.

Вылетели из комнаты. Старик остался один.

– Дора, Дора, – зовёт он. – Дора... Наказание, а не собака. Дора! Ко мне!

Федя на улице, злой. Бормочет: «Гадина... тварь». Заходит в компьютерный центр. Довольно приличный – там даже есть маленькое кафе для общения усталых путешественников. Платит, садится.

Женщина пьёт кофе, держа чашку растопыренными пальцами, – сушит лак.

– Везде была, – говорит она Фариде. В Германии, в Италии, в Америке. На юге Франции прожила четыре года.

– Хорошо там? – спрашивает Фарида.

– Хорошо. Только странно: как будто ты уже умер.

– Умер и в рай попал, да?

– Не то чтобы в рай. Куда-то попал. И это уже не ты. Очень хорошо, а на жизнь не похоже.

– В гости приехали? Я говорю – вы в Питер как, погостить?

– Найти одного человечка, – говорит Клара и темнеет лицом. – Мне человечка найти надо.

Эльвира шустро движется по рынку. Тырит она действительно ловко. Иногда вступает в разговор с продавцами, те сами кидают ей помидор или гранат.

Лера и Космонавтов сидят в сквере. Космонавтов разделся до пояса, поливает себя водой из бутылки.

– Это было в тему, – говорит он. – Вы не сходя с места придумали для людей смысл жизни!

– Себе только не могу придумать. Смысл жизни. Я вот целый день по городу ходила...

– И встретили меня!

– Он женится, – говорит Лера каменным голосом. – В августе. Двадцать первого.

– Чёрт с ним, пусть он женится.

– Нет. Он не имеет права. Он мою жизнь поломал и девочке этой ломает. Девочка хорошая. Я её ненавижу, но она хорошая.

– Какие варианты? – спрашивает Космонавтов. – Кого надо убить?

– Оставьте эту театральщину. Кривляется как шут. Как не надоест.

– Надоело, – соглашается Космонавтов. – Но что делать! Не могу серьёзно с людьми разговаривать!

– Почему?

– Потому что ничего серьёзного больше на свете нет.

– Почему?

– Потому, что всё серьёзное – закончилось. Человек – человек вообще – вырос, сдал экзамены, помните, были всякие экзамены – по религии, по истории, по литературе, ну, всякие, помните, как человечество мучилось. Воевало за веру, создавало империи, строило башни, потрясало сердца глаголом. Ну вот. Человек сдавал экзамены и провалился. И всё закончилось. И человек пошёл вон. Теперь человек свободен. Никто его больше не тронет.

– Первый раз слышу такую чушь.

– Это не чушь. Это откровение Иоанна Космонавтова! Я последний пророк.

– Но я люблю – значит, любовь осталась? А это что, несерьёзно?

– Любви немножко осталось, – соглашается Иван. – Понимаете, человеческий проект постепенно закрывается. (Иван делает соответствующий знак скрещёнными руками). Идёт эвакуация остатков света. Но женщины задержали эвакуацию любви с лица Земли. Они не соглашались без любви дорабатывать историю. Такие упрямые! Так что ваши страдания, Лера, – на вашей совести.

– Нормально. Хорошее мужское рассуждение. Типа «сама виновата».

Варя и Ксана нашли пустынное место с мягкой землёй, зарыли останки. Действовали они руками и столовой ложкой, так что пришлось отмывать руки – тем же способом, что и Космонавтов.

– Спи спокойно, Дора Браун, – подводит итог Варя.

– Сумку вернуть, как думаешь? – спрашивает Ксана.

– Обойдутся, – решает Варя. – Ну вот. Семь часов. В семь часов он туда и приходит. Почти каждый день.

– Пойдём. Я должна наконец посмотреть на него. А ты видела, он в чате сидит или что?

– Не знаю. Боюсь, всего боюсь. Такое лицо! Ну, я так представляю себе Раскольников. Романтический тип красоты. С демоническим оттенком. Худой, чёрный. Видно, что безумно умный и ужасно несчастный. У него есть в прошлом какая-то тайна...

– Главное – не было б там наркоты, вот что, – говорит Ксана. – Худой, несчастный... Это всё. Это даже не думай.

Девочки идут по городу.

– Варя, я не понимаю, чего ты тормозишь? Подойди, улыбнись, спроси что-нибудь. Или лучше – попроси помочь. Пригласи на чашечку кофе. Он тебя спросит, например, а кто ваш любимый писатель? А ты ответишь: конечно, Достоевский!

– Тоже много ума не надо ответить – «конечно, Достоевский». Как я его боюсь, ты бы знала! Классический невроз. Сама создала сверхценную идею из недостатка информации и сама же теперь дрожу. Я веду дневник наблюдений над своей женской природой. Уже есть сто тысяч знаков с копейками. Может быть сенсацией, если опубликовать.

Девочки подходят к компьютерному центру, где сидит побивший Максима Фёдор.

– Господи, помоги, – шепчет Варя.

Женщина расплатилась в парикмахерской, собралась уходить.

– А вы как работаете? – спрашивает она администраторшу.

– С девяти до девяти, – отвечает та. Пожалуйста, приходите. Лучше записаться, вот телефончик наш. У нас и косметолог есть. Солярий по реальным ценам. Приходите на целый день. Когда женщина занимается собой, у неё всегда улучшается настроение.

– Я всю жизнь только и делаю, что занимаюсь собой, – невесело улыбается Клара. – Не помогло мне это, девочки. Спасибо.

Клара уходит.

– Красивая была в молодости женщина, правда? – спрашивает администраторша Фариду. – На эту похожа... ну, в старой «Клеопатре», помнишь?

– Элизабет Тейлор.

– Ну вот. Ох ты, неизвестно, что с нами будет через двадцать лет... И сейчас-то мужика хорошего не найти...

– Непонятно, что она к нам пришла. Такие, с такими кольцами, в другие места ходят. У неё что-то случилось, – говорит Фаридка. – Я же по рукам чувствую. Руки взяла – меня как прямо ударило. Надо было её задержать, поспрашивать. Вот куда она такая пошла?

– Да ладно. Богатая, не пропадёт. Ты про неё не волнуйся, ты про себя волнуйся.

Фаридка задумчиво качает головой.

Юра уже заскучал возле пустых ящиков, когда появилась Эльвира.

– Э, беленький, не спи – замёрзнешь. Ну, чего хочешь?

– А где? – спрашивает Юра. У Эльвиры в руках ничего нет.

– Где-где! У меня секретик в юбке есть.

Показывает большие карманы – пришиты изнутри к поясу пёстрой двойной юбки.

Выгружает Юре на колени дары природы.

– Сама придумала, пришила. Мамка ничего шить не умеет. А мне так нравится! Я когда журналы смотрю модельные, думаю – ну и что, я бы лучше сделала. Просила чертей: купите машинку. Семь тысяч всего.

– Всего! – смеётся Юра. – У нас с мамой на месяц четыре тысячи на двоих.

– Плохо. А огород есть?

– Нет. У бабки есть, но она нам редко что даёт. Огурцы с плесенью, варенье, знаешь, старое, с позапрошлого года. Жадная, не любит нас.

– А вы, русские, все не любите друг друга. Связки у вас нет.

– А цыгане любят?

– Я не цыганка, – сказала Эльвира, кусая гранат. – Честно.

– Чеченка? – с некоторым страхом спросил мальчик.

– А что, в ментовку побежишь, да? Террористку нашёл? Да сиди на попе ровно – не чеченка я.

– А кто?

– Ты не знаешь. У нас маленький народ, его никто не знает.

– А где вы живёте?

– Везде! – смеётся Эльвира.

Лера и Космонавтов в летнем кафе. Лера с отвращением смотрит на лежащий перед ней пирожок – сосиску в тесте, – преодолевая тошноту. – Нет, не могу... Ничего не могу... – говорит Лера.

– Напрасно, – отвечает Космонавтов. – Сосиска в тесте – это так эротично! Мня... – он с аппетитом пожирает изделие.

– Меня один странный мальчик любил, – рассказывает Лера. – Интересный, но с такими тараканами! Он сейчас в партии, у этих – социалистов-революционеров.

– Это которые тухлыми яйцами в политиков бросаются? Лера махнула рукой.

– Они вообще без тормозов. В прошлом году пятерых мальчиков арестовали, вы слышали? Там Федин друг был. У них

два плаката есть, на любой случай – «Долой!» и «Позор!». Говорят, больше и не надо – все всегда знают, кого долой и кому позор. Федя у них там как голова. Он молчун, слова не выпросишь, они его там уважают. Он мне письма писал, от руки, представляете?

– С трудом. Письма сохранились?

– Конечно.

– Сдать в музей первобытной культуры, срочно.

– Не сдам. Мне больше никто таких не напишет. Никогда.

– Но вы его не любили...

– Нет. Мне его было жалко.

– Вы полюбили мерзавца...

– Максим не мерзавец. Максим... танк. И я легла под этот танк. Но я его взорву! Не будет он надо мной торжествовать. У меня такой характер: я не выношу унижения.

– Унижение – это великая сила, – говорит Космонавтов. – Не презирайте унижение! Справедливость хороша только тогда, когда она поправа... Красота сияет из-под грязи... Истина должна быть скрыта...

Космонавтов поплыл, размяк. У него подвижное, изменчивое, странное лицо.

Варя и Ксана заходят в компьютерный центр, Варя замирает, глядя на Федю. Ксана толкает её в бок, переспрашивает и начинает дёргаться от сдерживаемого смеха. Вытаскивает Варю на улицу.

– Это вот твой Раскольников? Красота демонического типа? Варька, я сейчас описаюсь, точно. Этот леший к моему брату ходит второй год. Они в партию записались – социалисты-революционеры. Придурки оба. Чуть что – протесты пишут. Федя его зовут, ещё у них такая девица есть страшенькая. Они у нас толкуются, мама ругается.

– Ну и что? – говорит Варя. – Ксана, ты прекрасно разбираешься в практической жизни, но даже на минимальный уровень абстракции тебе не подняться. Я так и думала, что

его сознание тяготеет к экстремальным модусам бытия. Революционный тип личности, склонность к избранному товариществу – всё это свидетельствует о необычном личностном потенциале.

– Пошли, познакомлю тебя с этим потенциалом. Он у нас одного чаю выпил цистерну.

Ксана сажает замершую Варю за столик и подходит к Феде.

– Федя, привет! Ты что тут делаешь?

Ксана хотела подглядеть, что там у него на экране, но Федя тут же ловко закрыл окно.

– Привет, Оксана.

– Как дела революционные?

– Всё идёт по плану.

– А мы тут зашли с подругой кое-что посмотреть, я тебя увидела и говорю – о, это друг моего брата из партии эсеров. Она вообще поплыла! Говорит – вот это да, это же герои, наши дети будут их биографии в школе учить, я ими горжусь, я целиком и полностью одобряю их действия! Варя Панкратова, наша звезда, в газетах печатается, в телевизоре была сто раз. Пошли, покажись, кофе выпьем. Это твоей партии пиар будет.

Федя нехотя, но поднимается. Ксана подводит его к Варе.

Ксана (*Торжественно*):

– Вот Федя. Это Варя. (*Шёпотом, Варе*) Дай на кофе, я пустая.

Варя суёт Ксане деньги. Она пытается что-то сказать и не может. Наконец решается.

– Скажите пожалуйста, а сколько членов в вашей партии?

– В местном отделении человек тридцать-сорок.

– Ваша ближайшая акция?

– Приходите в пятницу на Литейный, к Китайскому скверу. В три часа. Будет акция поддержки политзаключённых.

Ксана приносит три чашки кофе.

– Скажите, Фёдор, но ведь в нашем обществе нет революционных настроений, я это говорю как специалист по соци-

альной психологии. А жажда социальной справедливости тает, исчезает даже в низах общества. Никто даже не представляет, как она может выглядеть – социальная справедливость. Где же ваша база?

– Когда академический композитор пишет музыку, а балерина крутит свои тридцать два фуэте, где их база? Их аудитория – десять тысяч человек на всю страну. Но этого достаточно. Наша база – русские революционные традиции. Классические революционные традиции: личная чистота и протест против действительности. Вот наши тридцать два фуэте.

– Личная чистота – это здорово, – восхищённо говорит Варя.

– Они там в партии не пьют, наркотиками не балуются, – вмешивается Ксана. – Мама говорит: если б они властям нервы не трепали, то и Бог с ними.

– Бог с нами, – убеждённо говорит Фёдор. – Мы ни одной капли крови не пролили. Спасибо, девочки, за кофе, мне пора. До встречи.

Фёдор уходит.

– Ну чего? – спрашивает Ксана. – Есть зацепки? Вообще его ничем не прошибёшь. Мне Митя рассказывал – он кого-то любил без взаимности и с тех пор всё, отморозило его. Я один раз по квартире голая ходила – он и не посмотрел.

– Это великий человек, – говорит Варя. – Я не ошиблась. Он позвал меня в пятницу на акцию поддержки политзаключённых.

– Ну, куда ещё революционер может позвать даму... – заключает Ксана.

Клара поднимается по лестнице. Подходит к дверям 21-й квартиры. Смотрит на табличку «Иеремия Браун». Нажимает на звонок.

Удивительно, сколько могут съесть сравнительно небольшие дети. Юра и Эльвира сгрызли кучу яблок, помидоров,

редиски, гранатов, винограда. На последний помидор Юра уже не взошёл.

– Я думал, лопну. А всё влезло.

– А у меня ещё много осталось – домой отвезу, там за минуту сожрут. Там, знаешь, сколько народу. У меня два брата, сестра маленькая. Они меня ждут, пасти открыли: чего нашла? Мы так говорим у себя: нашла это, поди найди...

– И твоя мама, и дядьки тоже... что-то находят?

– Находят будь здоров! – смеётся Эльвира.

– А если... посадят?

– Посадят – будем сидеть. А чего делать? Ни фига работы нет, чтоб нормально платили. Я сейчас на рынке рублей на пятьсот нашла. Где бы я столько заработала?

– Учиться надо... – философски заметил Юра.

– Чего учиться? Я читать-писать умею, считаю в уме лучше дядек. Мамка твоя училась?

– Она химический институт закончила.

– Ага, и теперь только на водку хватает.

– Непонятно, – говорит Юра.

– Чего непонятно?

– Такие тачки в городе дорогушие. Откуда люди деньги берут?

– Откуда берут, – отвечает Эльвира, – они тебе хрен скажут.

Кларе открыла та же девица с прищуром.

– Браун... – произносит Клара. – Мне нужен Браун.

Девица смотрит на Клару.

– А вы по какому вопросу?

– Он мой... родственник.

– Его нет дома.

– Когда можно зайти?

– Попробуйте через час.

Девица закрыла дверь. Клара прислушивается.

«Дедушка! – слышно из-за двери. – Кажется, та женщина приходила, про которую вы предупреждали! С глазами!» – и всё, больше ничего не слышно.

Лера толкает поплывшего Космонавтова.

– Ты что – напился? Я тогда ухожу. Ненавижу алкашей.

Космонавтов проясняется.

– Фемина! Фемина сапиена – женщина разумная! Предлагаю выработать план уничтожения твоего танка. Для этого нам следует заручиться поддержкой твоего мечтателя, этого, что ты говорила – рывылюционера, – и вместе мы будем непобедимы.

Лера малость подумала.

– Я сама хотела к нему пойти. Федька? Так. Где он может быть. Зайдём наудачу домой. У него жутко смешная квартира, тут недалеко...

Клара снова позвонила, и снова возникла та же девица.

– Я вам сказала, – начала девица, но Клара с силой отпихнула её и ворвалась в квартиру.

Она, видно, здесь была когда-то, потому что сразу обнаружила дверь в комнату Брауна. Клара распахнула дверь.

Браун сидит в кресле.

– Дедушка, – говорит из-за спины Клары девица, – она меня толкнула...

– Ступайте, Анжела, – отвечает Браун. – Клара, закройте дверь.

– Мне ничего не надо от тебя, – говорит Клара. – Скажи, где он, и я уйду.

– Присаживайтесь, Клара. Давно ли вы в Санкт-Петербурге? Какими судьбами? Вот видите, я оказался прав, а не вы. Я родился в Петербурге и умру в Петербурге. Я пережил Ленинград! А вы сбежали – чужого киселя хлебать.

– Презирайте меня сколько вам угодно, только скажите, где мой мальчик.

– Ваш мальчик! Вы его бросили двадцать лет назад.

– Иеремия, – говорит Клара. – Ты старый человек. Не бери греха на душу.

– Душа, грех... – пожимает плечами Иеремия Браун. – Не понимаю. Человек делает поступки – я понимаю. Ты распутна. Это самое плохое, что может случиться с женщиной.

– Христос простил... – шепчет женщина.

– Христос тебя простил? – удивляется старик. – Ты с ним встречалась?

Клара молчит.

Лера и Космонавтов поднимаются по крутой узкой лестнице на самый верх старого дома. Наверху, на крошечной площадке, только одна дверь.

Лера стучит.

– Федя! Федя, ты дома? Это я.

Федя открывает.

– Так и знал, что ты придёшь.

– Это со мной, – показывает Лера на Космонавтова. – Прикольный мужик. Хотел с тобой познакомиться.

Космонавтов церемонно раскланивается.

– Брат Иван.

Федя удивлённо поднял брови, но ничего не сказал.

Квартира замечательная: комната десять метров, кухня десять метров, но их разделение условно. Развал, конечно, – книги, бумаги – но без антисанитарии. Есть даже цветы в горшках.

– У меня еды нет никакой, – говорит Федя. – Чай только, хочешь? Можно сбегать вообще на угол.

– Не надо, Федя, – отвечает Лера. – Я сегодня ничего не ела и не хочу.

– Я его видел, – говорит Федя, – в морду дал.

Иван тихо шелестит книжками, внимания на себя не обращает.

– Ты видел Максима?

– Да. Он меня в пивную затащил. Такую блевотину гнал. Я рассердился...

– Сильно побил?
– Один раз.
– Ты всё знаешь?
– Знаю, что он женится.
– Я этого не допущу, – говорит Лера.
– Скажите, – вмешался Космонавтов, – о прекрасная и жестокая госпожа, я стремлюсь понять вас – хотя это совершенно немыслимо, – вы не хотите, чтобы он женился конкретно сейчас, или вы желаете запретить ему жениться вообще, так сказать, ин дженерал? А также я хотел бы узнать, собираетесь ли вы сами замуж за упомянутое побитое сегодня лицо? Это в видах планирования наших действий... Информация – мать стратегии...

– Я хочу проснуться – и чтобы его не было. В голове у меня не было, понимаешь? А это не получается.

Лера бьёт себя по голове.

– Вот тут он сидит! Не выходит!

Федя ласково берёт её руки.

– Не надо, Лера. Хорошая голова...

Иван усаживается на стул с важным видом.

– Скажите, молодой человек, а что пишут наши друзья из Испании? Есть ли настоящая работа?

– Вы о чём?

– Но вы же имеете отношения к заказам, или я ошибся?

– Вы ошиблись, – спокойно отвечает Фёдор.

– Вы не работаете по заказам? У вас что, – смеётся Иван, – самодеятельность?

– Да вроде того, – говорит Федя.

– Это исключено, – Иван делается строг. – Русский филиал вашей организации образован девять лет назад. Или вы будете утверждать, что вы сами придумали движение социалистов-революционеров?

– Вы кто? – спрашивает Федор. – Лера, ты где его взяла?

– На улице, – отвечает Лера. – Он писал в канал пьяный.

– Давай отведём его обратно.

– Прекрасный, добрый юноша! – восклицает Иван. – Обождите минутку! Я так долго мечтал встретить вас! Когда я собрался в Россию, мои друзья отговаривали меня от этого – как они говорили – бесполезного путешествия. Они утверждали, что я больше не найду в наша Раша, в нотр святая Рус ничего из того, что я любил здесь когда-то. Там больше нет – лгали они мне – бледных юношей, мечтающих изменить мир, и никто больше не спорит с Богом о чёрте и не пишет Прекрасной Даме... Клевета, подумал я. Клевета. Хорошая работа никогда не пропадает бесследно, а здесь, в наша Раша, трудились настоящие мастера. Мастер Гоголь! Мастер Достоевский! Мастер Блок! Я не внял наставлениям, и вот я здесь и вижу вас. О счастье, о радость!

– Эмигрант? – коротко спрашивает Федя.

– Пытливый путешественник, – отвечает Иван.

– Слушай, – говорит Варя подруге. – Надо зайти к нашему старику, рассказать, где мы собачку похоронили. Мы обещали.

– Всё, это без меня, – злится Ксана. – Иди сама. Он вообще ничего не соображает, ты что, не поняла?

– Нет, он соображает, но волнами. Волна ясная, волна тёмная. Напоминаю, что мы обещали.

– Я не пойду.

– Очень печально, что нация, к которой я принадлежу, – говорит Варя, – отличается чертами и свойствами, которые я ненавижу. Например: лживость, вороватость и невыполнение обещаний.

– Я, кстати, наполовину украинка. Я наполовину отделилась вообще!

– Да, отвечает Варя, – украинцы меньше врут. От лени. Им лень что-то скрывать, оправдываться. Им не нужно создавать привлекательный образ себя, потому что они уверены, что и так прекрасны. Это заблуждение. Что касается выполнения обещаний...

– Всё, я иду. Достала!

– Домой пора, – говорит Эльвира Юре. – Животных моих кормить. Пошли на вокзал. Я сегодня с утра бегаю.

– Ты на поезде?

– С Балтийского. Пошли, я там тебе кое-что... найду. Место знаю.

Дети идут к вокзалу.

– А ты всё-таки кто по национальности? Мне без разницы, честно.

– А ты приезжай к нам, я тебе расскажу. На лошади прокачу. У меня тарзанка есть, покрутимся. Ты водку пьёшь?

– Нет, никогда, и не буду.

– У меня две бутылки закопаны. На свадьбе нашла, у нас свадьба была у соседей.

– Ты и у соседей... находишь? Это нельзя – у соседей...

– Да у них столько было! Весь посёлок три дня пил, ещё осталось!

– Нельзя у соседей, – упорствует Юра.

– А на рынке можно? Какая разница? Мы все соседи!

– На рынке им ничего не будет от одного помидора. А у соседей воровать – это вообще...

– Что вообще? Говори, договаривай, – сердится Эльвира.

– Ты на себя переложи. Пришли бы к вам соседи и ваши вещи... нашли. Тебе бы как, понравилось?

– Я с ним как с человеком, – поразила Эльвира. – Хожу, гуляю... Кормила его... Вот связывайся, с вами, с русскими.

– Русские тебе не нравятся – живи со своими.

– Вы предатели! – крикнула Эльвира. – Знаю я вас! Всё загребут, всех используют, а потом кинут – и ты же сам виноват у них.

– Я пошёл, – отвечает Юра.

– Поверьте, я сам – старый революционер, – говорит Космонавтов. – Диссидент, можно сказать, – прирождённый отщепенец. Я всегда был против. Как что случится – я тут, и я против. Одинокий и гордый, как Люцифер! Но вот что я вам

скажу, молодые люди. Есть хорошая эфиопская поговорка: не хватай леопарда за хвост, а если схватил, то не отпускай. А вы дергаете леопарда за хвост, потом отпускаете, и неудивительно, что он вас – хам! – и сжирает. Смелее надо! Проще, грубее и твёрже! Слушайте реальных людей, берите у них реальные бабки и валите власть...

На этом месте речь Космонавтова пресеклась – Фёдор зашёл к нему за спину, нажал пальцами за ушами, и тот вырубился.

– Достали провокаторы, – объяснил Федя Лере. – Пусть отдохнёт. Зачем ты его мне притащила?

– Никакой он не провокатор, – сказала Лера, – просто болтун.

– Ты опускаешься, – говорит Федя, – опускаешься ниже и ниже. Глазам больно смотреть на тебя. Как только связалась с Максимом, стала опускаться. Благородным людям нельзя связываться с низшими организмами. Пойми, Максим из другого мира! Он оттуда, где есть какие-то уик-энды, где кривоногие уроды ездят на джипах не с женщинами, а с тёлками, где говорят на собачьем языке... Там нет, не может быть ничего, что оправдывает жизнь человека, – ни настоящего труда, ни творческого гения, ни поиска веры, ни чистоты, ни благородства! Никто из этих кабанов никогда не мечтал стать хоть на крошечку лучше! Они лопаются от самодовольства! И ты – звезда, божество, сама красота, – ты идёшь к ним учить собачий язык, тратишь их поганые бабки на поганые тряпки...

– Ты мне письма писал, а он подошёл и взял, как хозяин. Почему ты меня отдал?

– Я дрался, – отвечает Федя, – руку ему прокусил... Ты мне истерику закатила. Кричала, что любишь его, а я придурок. Лера, брось его. Пусть он женится и сидит с пулемётом в Озерках.

– Федя, я не могу, – отвечает Лера. – Ты не знаешь... Я беременна, мне завтра в больницу на аборт... Он мне даже денег не дал! Нашла по дешёвке...

– Он говорил – вы давно не встречаетесь.

– Врёт. Наглая свинья. Глазки маленькие, тухлые... Ненавижу! У меня вот тут всё запеклось от боли. Нельзя, чтоб вышло, как он хочет. Не должен он рулить. Ты с властями борешься, а он и есть настоящая власть! Пойдём к его девушке, к родителям, устроим скандал...

– Стыдно, Лера!

– Ничего не стыдно! С подлецами надо, как они делают, так им делать, и ещё круче!

– До сих пор кривые методы борьбы были запрещены вашей команде, – подал голос Космонавтов. – Добро должно было быть чистеньким, а злу разрешалось всё. Игра скоренько, всего за два тысячелетия, зашла в тупик. Что делать? Разрешить добру тоже мухлевать? Но тогда исчезнет разница между командами... Сложный вопрос! Нехорошо, юноша, вы поступили со мной, русским писателем-фантастом, ослабшим от алкоголя и новых впечатлений.

– Быстро вы очнулись, – удивляется Федя.

– Я расплатилась по полной программе, за всё расплатилась... – говорит Клара. – У меня больше не было детей... Когда я уезжала, мальчику исполнилось три года. Я была уверена, что с Анной ему будет гораздо лучше, чем со мной. С мужем мы скоро расстались, я вышла замуж за другого, он сильно болел последнее время... Я не могла приехать... Я посылала деньги, три раза. Я не знала, что Анна умерла! Дедушка, умоляю...

– Не называй меня «дедушкой». Я вычеркнул тебя из своей жизни.

– Но это правда! Я дочь твоей дочери Эммы, сестра Анны, и этого ты не можешь зачеркнуть!

– Могу, – ответил Иеремия. – Я зачеркнул в уме советскую власть, и она закончилась. Я зачеркнул мысль о... конце жизни, и я живу. Мой правнук думает, что Анна, его мать, умерла. Для чего ему какая-то распутница из-за границы? Или ты надеешься соблазнить его своими грязными деньгами? Он серьёзный, чистый мальчик.

– Как он выглядит? Он красивый? Он учится?
– Тебе незачем это знать. Ты давно сделала свой выбор. И не изображай из себя героиню трагедии. Небось когти свои она покрасить не забыла! – Иеремия указывает на свежий Кларин маникюр.

Варя и Ксана снова у дверей 21-й квартиры. Открывает та же девушка.

– Ну вы опять? – удивляется она. – У дедушки гости. Ладно, проходите. Про вас никаких не было инструкций. А то пришла такая, и прёт как гаран. У него сидит.

– Может, в другой раз? – норовит отвертеться Ксана.

– Пришли уже, – коротко отрезает Варя. – План захоронения давай.

Эльвира догоняет Юру.

– Нормальные ребята так не поступают! – говорит она. – Надо спасибо сказать!

– Спасибо.

– Да мне тебя жалко стало! Я видела, как ты мамку тащил. Такой худой, некормленный...

– Я нормальный.

– Да я ничего у соседей не беру, – примирительно говорит Эльвира. – Водку только. Думала, дядькам дам, чтоб качели сделали. Год прошу качели. Ну что ты будешь делать – вот такая жизнь, даром никто ничего. Чёрт с тобой, пошли тебя до дому доведу.

– Ты не обижайся, но это, правда, такой закон – у соседей нельзя. Я в коммуналке живу, знаешь, если бы мы все начали...

– Хватит, русский, грузить, я всосала уже.

– Слушайте, как вас...

– Брат Иван, – с готовностью отзывается Космонавтов. – Представляю из себя русское бунтарское начало, вечное сомнение, богоискательство, муки гордой совести.

– Вы не могли бы помучиться совестью где-нибудь в другом месте, кроме моей квартиры? – интересуется Фёдор. – Мне кажется, вы провокатор. А мне идти надо. Лера, я сегодня к Саше Гейнрихсу обещал зайти. Он что-то совсем плохой стал.

– Возьмите меня! – умоляюще вскинулся Космонавтов. – Я просто шутил... Я десять лет в Швейцарии... Писать совершенно не о чем. Тени, тени вместо людей! Только сейчас чувствую, как оживаю. Целый рой прекрасных образов проносится в бедной голове! И кто, кто поможет вам уничтожить пулемётного Максима? Только Иван Космонавтов!

– Космонавтов? – переспрашивает Федя. – Да вы в самом деле, кажется, писатель... Я что-то слышал...

– Давай возьмём его к Саше, – просит Лера. – Он в канале плавал... Прикольный.

– Сначала писал, а потом плавал?!

– Прикольный я, прикольный, – радуется Космонавтов. – Берите меня к Гейнрихсу, который стал плохой, – и ваш Гейнрих станет совсем хорошим! Кстати, я и денежный. Коньяк, виски, джин? В гости-то?

– Саша не пьёт, – ответил Федя. – У него другие проблемы.

– Кокер? Герыч? Мария-хуан-анна?

– Да нет. Там тяжёлый случай. У Сашки идея...

– Одна? – пугается Иван.

– Да. Одна.

– Я знал, я знал... – шепчет Иван. – Вот и сбылось.

– Что у вас сбылось?

– Мечта жизни. Я всю жизнь мечтал встретить русского человека об одной идее.

– Где ты видишь когти? – спросила Клара. – Я всё до крови обгрызла... В церковь зашла сегодня, Божью мать попросить, чтоб она твоё каменное сердце смягчила...

Девочки стучатся в дверь. – Господин Браун! Это Варя Панкратова и Оксана Никитенко.

– Открой, Клара.

– Кто это?

– Пионеры.

Клара открыла, и явились Варя с Ксаной.

– Господин Браун! – торжественно говорит Варя. – Мы всё сделали, как обещали. Вот план захоронения.

– У него собака сегодня... – делает жест Ксана, тихо объясняя Кларе происходящее. – Собака Дора... Мы закопали...

– Дора? – говорит Браун. – Где Дора? Дора!

Замолкает, глядя перед собой.

– Я всё поняла, – шепчет Варя Ксане. – Это кодовое слово: Дора. Он сразу отключается.

– Иеремия, – теревит Клара руку Брауна. Бесплезно.

– Ну что вы наделали, девочки, – говорит Клара. – Он был в сознании, всё понимал...

– Это ваш родственник? – спросила любопытная Ксана.

– Дед. Из обрусевших англичан, такой характер! Вот что мне теперь делать?

– А в чём ваша проблема? – спрашивает Варя.

Клара испытующе смотрит на девочек.

– Вы такие молоденькие... вы не поймёте... я сына ишу.

– Потеряли сына?

– Не потеряла. Оставила сестре двадцать лет назад, когда вышла замуж и уехала за границу. Ему теперь двадцать три года... моему Феде...

– Феде?? – спрашивают разом Ксана и Варя. – Как фамилия?

– Фамилия была как у меня и сестры – Вольский, а потом они переменяли и не сказали мне ничего.

– Варь, может... – говорит Ксана.

– Нет, – отвечает та. – Невероятно. Чушь.

Лера, Федя и Космонавтов идут к загадочному Гейнрихсу. Космонавтов что-то бурно рассказывает, машет руками.

Между тем Александр Гейнрихс, молодой человек двадцати четырёх лет, в спортивных трусах, хорошо сложенный, с развитым телом, лежит на раскладушке в комнате, где нет ничего, кроме весьма приличного компьютера и музыкального центра. Книги в стопках, некоторые спортивные принадлежности – ролики, мяч, массажёр – на полу в углу. Лицо Гейнрихса бесстрастно.

Эльвира и Юра подходят к Юриному дому.

– Пришли! – смеётся Юра. – Мы с тобой ходим, как журавль и цапля.

– Сам цапля, – огрызается девочка.

– Да это сказка.

– А, русская сказка. Ну и чего там?

– Да они ходили друг к другу туда-сюда. Сначала журавль говорит: цапля, выходи за меня замуж, а она: нет. Потом она передумала и пошла к нему, а он говорит: всё, я обиделся. Потом опять он к ней пошёл...

– И чего?

– Так и ходили. То она не согласна, то он.

– Ну, дурь какая! У нас так не бывает. У нас если женщина решила – так решила, всё, больше никаких. А что это: туда-сюда, думала-передумала...

– Ты так и не сказала, у кого это – у вас.

– А ты с мамкой в одной комнате живёшь?

– Нет, у нас две.

– А вода есть горячая?

– Есть.

– Помыться можно... – мечтательно говорит Эльвира.

– Ладно, пошли, – говорит Юра. – Сейчас самая гадючая соседка на дачу поехала. Может, проскочим как-нибудь потихому.

– Почему бы вам не обратиться в частное сыскное агентство? – объясняет Кларе Варя. – Человек в полицейском государстве всегда оставляет бумажные следы.

– Я вчера только приехала, – отвечает Клара. – Так что агентство... они сюда, к деду, и придут, и что?

Браун очнулся.

– Прошу прощения, мне пора ужинать, – сообщает он.

Браун чинно достаёт из буфета старинный фужер тонкой работы и бутылку дешёвой водки. Наливает водку в фужер и медленно, со вкусом пьёт.

– Господин Браун, до свиданья, – говорят, переглянувшись, девочки.

– А пожалуйста, – отвечает Браун, – заходите. Макулатуры, правда, нет. Я не читаю газет с 29 года.

– Я вам советую прийти в другой раз, – шепчет Варя Кларе. – Хотите, я с вами? Под видом интервью со старейшим жителем.

– Иеремия, – говорит Клара. – Я ещё приду. И не смей мне сторожей выставлять. Я могу и в милицию обратиться! Я на всё готова. Ты меня понял?

Браун не отвечает. Гости уходят.

Иеремия Браун наливает себе ещё фужер.

– Анжела! – зовёт он соседку.

– Сегодня прямо Винни-Пух и день забот, – ворчит девица. – Что тебе ещё?

– Концерт, – коротко отвечает Браун.

– Ну? – строго спрашивает Анжела.

Браун вынимает из буфета серебряную десертную ложку, даёт Анжеле.

Анжела, покрутив ложку, суёт её в трусы, снимает майку и джинсы, остаётся в белье.

– Верю я? – интересуется Анжела. Браун кивает.

Анжела становится в позу и поёт:

– Верю я, ночь пройдёт, сгинет страх,
Верю я, день придёт, весь в лучах.
Он пропоёт мне новую песню о главном,
О не пройдёт, нет, лучистый, зовущий, славный –
Мой белый день!

Браун довольно покачивает головой и притоптывает ногой.

Сколько зим ночь была, сколько лет, –

выпевает Анжела. –

Будет жизнь, сгинет мгла, будет свет!

Федя, Лера и Космонавтов входят к Гейнрихсу.

– А мы к тебе, Саша, – говорит Федя. – Лера давно хотела тебя видеть, и вот у нас гость из Швейцарии, писатель Иван Космонавтов.

Космонавтов раскланивается. Гейнрихс садится на раскладушке, смотрит на посетителей.

– Пришли как к больному. Я не болен.

На единственный стул у компьютера села девушка, а Федя и Иван присели на пол. Космонавтов взял в углу мячик, подбрасывает его.

– Я здоров, – говорит Гейнрихс. – Мои выводы сделаны путём безупречного логического анализа. Они неопровержимы.

– А давайте я опровергну? – с готовностью вызвался Космонавтов. – Где выводы? Подать их сюда!

Гейнрихс презрительно посмотрел на него и снова улётся.

– Саша построил теорию, – нехотя объясняет Федя, – что русские – это второстепенная порода людей, не имеющая значения в истории, и в качестве русского совершенно не стоит жить.

– Опаньки, – огорчился Космонавтов, – а ему что с того? Он разве русский?

– Русский, – отозвался Гейнрихс.

– Гейнрихс – фамилия отчима, – разъяснил Федя. – Саша каждый день собирает факты, подтверждающие его идею. Он... собирается уйти из жизни.

– Законы переведены с английского и притом плохо. В политике – чучела и муляжи в натуральную величину. Население тупо грабит природу. Земля брошена. Преобладающий тип деятеля – бездарный хищник. Элитная порода лю-

дей уничтожена. В науке, в культуре – угасающая инерция. Женщины безнравственны... – произносит Гейнрихс.

– Ой, вы зато очень нравственные, – обижается Лера.

– Я говорю о главных тенденциях. В больших системах поведение отдельных частиц не имеет значения. В мире страх перед Россией давно сменился глубоким презрением. Молодёжь развращена и не имеет будущего. Талант не нужен...

– Я дико извиняюсь, – вмешивается Космонавтов. – Вы, значит, стыдитесь, что принадлежите к второстепенной породе людей до такой степени, что готовы покончить с собой? Но вы же не виноваты!

– Стыда нет. Вины нет. Ясность сознания. Я не могу изменить фактов.

– Почему ты не можешь жить просто для своего удовольствия? – удивляется Лера. – Такой молодой, красивый...

– Мне не доставляет удовольствия находиться внутри дегенеративного сообщества, – отвечает Гейнрихс.

– Вы можете его покинуть, – говорит Иван.

– Капитуляция, – объясняет Гейнрихс. – Покидая дегенеративное общество, я подтверждаю тем самым справедливость своей идеи – в качестве русского жить не стоит. И выбираю иллюзорную дорогу личного бегства. Это фарс, бесчестье. А перестать жить вообще – благородный вызов.

– Мы с ним бьёмся год уже, – говорит Федя. – Такая логика – не прошибёшь.

– А может, он так до пенсии продержится? – осведомился Иван. – Вон у него мячики, ролики...

– Что – ролики?

– Ну, вы когда катаетесь на роликах, вы тоже думаете о том, что в качестве русского не стоит жить?

– Да. Думаю. В принципе всё равно – кататься на роликах или колотья. Просто дело вкуса. Я люблю контролировать сознание, вот и всё. Но решение принято, я обдумываю, как его лучше исполнить. Уже скоро.

– Но не сегодня? – пугается Иван.

- Нет, не сегодня. Я хочу выступить с обращением...
- Только партию не путай в это дело, хорошо? – говорит Федя. – Ты сам знаешь, в каком мы положении.
- При чём тут партия? Вы играйте в свои игрушки, сколько влезет. Вы же артисты, арлекины! Министра полить майонезом – классное шоу. Вам должны приплачивать из Кремля – ну как настоящая молодёжная оппозиция, и без капли крови! Мечта хозяйки!
- А мы об них пачкаться не будем! – кричит Федя.
- Вы только подтверждаете мою мысль. Жалкая провинциальная возня – ваши революционеры. Здесь нет ничего настоящего...
- Да... – говорит Иван. – Вот вы как здорово на свою точку стали... Не сразу поймёшь, что вам ответить...

Эльвира в комнате Юры. Она завёрнута в простыню, с удовольствием трясёт чистой-мытой головой. Тут же лежат её хитрые тряпочки с потайными карманами. Комната Юры маленькая, но есть и столик, и кроватка. Рисунки на стенах. Кот Вася ходит, посматривает на гостью.

– Сто лет не мылась, – смеётся Эльвира. – Я в озере купаюсь, а так в баню надо, далеко, раз в месяц выходит. Дядьки всё собираются строить, второй год слышу – баня, баня. Дождёшься от них.

- Ты чистая – красивая, – говорит Юра.
- У нас все женщины красивые, пока молодые, а потом – фьють! Сразу тётки. Вот ты сам худой, а кот толстый. Васька, Васька! Жалко, у тебя видика нет. Я бы что-нибудь посмотрела.
- Был – сломался. Не фурычит, – отвечает Юра.
- А хорошо бы нам с тобой денег найти, да? Баксов тысячу. Машинку бы мне купили швейную, японскую лучше всего, тебе видик...
- Найти? Ты что? – пугается Юра.
- Да не найти в смысле тырить, а просто – найти. На земле.

– Это все ребята мечтают, как дурачки, – говорит Юра. – Ничего мы с тобой не найдём.

– До свиданья, девочки, – говорит Клара, – завтра, значит, созвонимся?

– Договорились, Клара Петровна, – отвечает Варя.

Клара уходит.

– Эффектная, – оценивает Ксана. – Ну, Варька, слушай, а может быть...

– Не может быть.

– Ну давай проверим. Давай я позвоню Митьке, вдруг они сегодня собираются по своим партийным делам. Спросим Федыку, что да как. Я что-то не помню ничего про его родителей, чтоб он говорил. *(Набирает номер)* Мить, это Ксана. Тут у меня одно дело вспухло к твоему Феде. Собираетесь? В десять? Тогда привет. Варя, надо проверить. Вообще это на него похоже – правнук Иеремии Брауна!

– Но что это даёт мне? – размышляет Варя.

– Да ты что! Ты приводишь к нему мамашу из-за границы. Это болевой шок! Он тебя уже никогда не забудет! Главное – выделиться из толпы. Любым способом.

– Это как раз неизвестно – хорошо ли мне появляться на фоне этой мамашы.

– А чем она плоха? Таковую и я бы... это... детей удочеряют, а наоборот как? О, я бы её умамила. Стильный бабеч и явно при деньгах.

– Такой человек, как Фёдор, не может западать на деньги.

– Ты что, а партия? Посылки товарищам в тюрьмах, в застенках холодных?

– Ты уже так говоришь, как будто всё произошло. А пока мы имеем один мираж. Совпадает только имя и возраст! Шансы ничтожно малы.

– Да я так всегда, – смеётся Ксана. – Мелькнёт в жизни что-нибудь интересное, я за него головой зацеплюсь и думаю, думаю, как будто в самом деле... Иногда целыми днями...

– Не воображай, что ты поступаешь оригинально. На мечтах девушек умные люди зарабатывают миллионы.

– А ты сама что – не мечтаешь? Про Федю, например?

– Я допускаю фантомную ментальность. Но – под строгим контролем. Я мечтаю про Федю около часа перед сном. Не больше.

– Ты ещё будильник поставь, – хихикает Ксана, – чтобы вдруг больше часа не размечтаться.

– Зачем будильник? – удивляется Варя. – Я памятку держу в мобильнике: «Хватит дурить, пора спать».

– Дорогой друг, – говорит Космонавтов. – Ваша логика безупречна. И мы её трогать не будем. Я хочу воззвать к вашему непосредственному чувству – к чувству справедливости. Мы с вами сидим рядом с прекрасной девушкой, с вечерней звездой, заблудившейся в пространствах и временах. Она попала в дегенеративное сообщество, как вы изволили выразиться, где красота опозорена, опошлена, обесценена. Есть мерзавец, который её обесчестил и бросил. Есть мы, её друзья, рыцари истины и света. Что нам мешает отомстить за поруганную красоту? А после того мы разойдёмся по своим делам: Федя пойдёт продолжать революционные традиции, вы займётесь сочинением последнего письма для своей пропащей нации, я, добрый странник, отправлюсь дальше отрабатывать земную командировку. Но за нашими плечами будет сиять настоящий подвиг!

Лера восторженно смотрит на Космонавтова. – Спасибо, – шепчет она. – А то все одно и то же гудят: сама виновата, сама виновата.

– Травкина побить? – спрашивает Гейнрихс. – Это всегда с удовольствием. Не надо так кучеряво говорить.

– Я ему сегодня уже дал в морду, – размышляет Федя. – Один раз.

– Считай, это был аперитив, – объясняет Космонавтов. – Давай звони ему и вызывай для разговора. Лучше всего, знаешь куда? – в конец Фонтанки.

– У меня его телефона нет, – говорит Федя.

– У меня есть, – сообщает Лера, – только он не подходит, когда я звоню. Давай ты со своего.

– Так, так, – кружит Космонавтов по комнате. – А вот какая палочка удобная, это для зарядки? Надо прихватить.

– Максим? – дозвонился Федя, – это Фёдор. Ты извини меня... Я что-то совсем стал псих... Слушай, я встречался с Леркой. Я должен тебе рассказать, только это не телефонный разговор. Твои подозрения в общем правильные... Я в гостях, подъезжай в конец Фонтанки, за мостом, знаешь? Через час? – отлично. Договорились.

Гейнрихс неспешно одевается.

– План такой, – объясняет Космонавтов. – Фёдор стоит один, подъезжает Максим, и тут подходим мы.

– Только без Леры, – говорит Федя.

– Нет! Я хочу это видеть!

– Злая ты, Лерка, – равнодушно говорит Гейнрихс. – Травкин сука, и ты не лучше. Тоже мне, падший ангел.

– Если ты так презираешь меня, зачем идёшь?

– Размяться, – пожимает плечами Гейнрихс.

Пустынный берег Фонтанки. Фёдор один. Подъезжает Максим. Выходит из машины. Они начинают разговаривать. В это время появляется троица с Лерой посередине, не предвещающая будущему жениху ничего хорошего.

– ...хоть ты ей объясни, жизнь есть жизнь, зачем её в дерьмо-то превращать? – волнуется Максим, и тут видит своих терминаторов.

Они подходят к замершему Максиму, и Лера с наслаждением плюёт ему в лицо.

– Милостивый государь! – восклицает при этом Космонавтов. – Вы подлец!

Лера отходит в сторону, в точку, удобную для наблюдения, а Гейнрихс и Космонавтов начинают крепко и со вкусом бить Максима. Тот сначала пытается воззвать к ним, но быстро

стихает. Фёдор собрался было тоже ударить соперника, но не стал, что-то мешает ему.

Гейнрихс бьёт сосредоточенно, точно, а Космонавтов шалит. Молотит палкой машину, наступает Максиму на лицо, и это с идиотскими репликами «Эй, ухнем!», «Блямс! Блямс!»...

Лера смотрит с восторгом. На её лице точно играет отблеск пожара.

Фёдор пятится, потом поворачивается и убегает.

Фёдор бежит по Фонтанке, на лице его отчаяние.

– Не то! – кричит Фёдор. – Не то! Не то! Не то!

Гейнрихс прекращает избиение.

– Ему хватит, – говорит он рассудительно.

– Уходим, – командует Космонавтов.

Максим остаётся лежать возле раскуроченной машины.

– Ну, слона мне нарисуй, – говорит Эльвира.

Она уже высохла, переделась, причесалась.

– Слона просто, – отвечает Юра. – Я сложней могу.

– Тогда тигра!

– Хорошо. А ты любишь тигров?

– Кто их не любит? Красотища такая. Лучше любого человека в сто раз!

– Я в прошлом году был в цирке, – рассказывает Юра, рисуя, – там разрешали фотографироваться с тигром и гладить разрешали. Он совсем был ручной. Я погладил.

– Ну и как?

– Хороший, – зажмурился, вспоминая удовольствие, Юра.

– Такая шёрстка... Зверь. Я читал, тигры никогда ничего не боятся. Нет страха вообще!

– Это они зря. Надо было человека бояться.

– Странно, да? Ничего у нас нет – ни клыков, ни когтей. Все сплошь лысые – то есть без шерсти. Наверное, звери сначала подумали – во придурки какие-то, даже есть противно. А мы взяли и всю землю захватили.

– Нас много, – размышляет Эльвира.

– Сейчас много! А было немного! Нет, ты знаешь, я думаю, всё потому, что звери живут по правилам, а у нас нет никаких правил. Вот если ты какой-то зверь, ты ешь то и то, живёшь там и там, а это уже не ешь никогда и где попало не встречаешься. А мы едим всё и живём везде. И всех убиваем.

– Мы с тобой никого убивать не будем.

– А если меня на войну пошлют?

– Может, не будет войны?

– Всегда была, и вдруг не будет? – сомневается Юра. – Вот, нарисовал я тебе тигра.

Показывает рисунок. Тигр вышел неплохой, скорее, конечно, анимационный, чем реалистический.

– Спасибо, ну вроде тигр. На кота твоего похож, – Эльвира прячет рисунок в свой необъятный карман. – У меня последний поезд после одиннадцати. Можно ещё погулять.

Ксана и Варя едут в автобусе. К Варе всё приглядывается женщина средних лет с измученными глазами. Когда девочки выходят, выходит и она, и обращается к Варе.

– Простите, я не могла видеть вас по телевизору, в молодёжной программе?

– Да, могли. Варя Панкратова, – с готовностью отвечает Варя.

– Я сразу узнала вас. Вы такая умница. А я мама, мама эсера, знаете, партия социалистов-революционеров. Это моего мальчика зимой арестовали в Москве. Ничего не сказал! Ни слова! Перед сессией. Поеду к друзьям на два дня. Сказал. И я ничего не знала, ничего! Подруга звонит: твой там был? Где был, что? Они же дети! Совсем дети, девочку арестовали – она, наверное, сорок килограммов весит. Переводят всё время туда-сюда. Статья над ними висит – организация массовых беспорядков. Это восемь – десять лет!

Женщина начинает плакать, вынимает платок.

– Простите, девочки, я стараюсь держаться, само льётся. Сейчас, сейчас. (*Шмыгает носом*) Что они сделали? Они за

стариков вступились, за нищих стариков, они дети. Зачем их в тюрьму? Я хожу по улице, солнце светит, люди смеются, я хожу и ничего не понимаю, зачем солнце, зачем люди. И думаю, вот и в тридцать седьмом люди тоже смеялись и солнце светило. Вы молодая девушка, умница, скажите – что это такое? Простите, что я пристаю к вам. У вас такие хорошие лица. Он поехал на два дня. А теперь говорят: десять лет. И это солнце, и всем всё равно, а я дома не могу сидеть. Идите, девочки. Удачи вам, всего самого доброго. Простите меня. Никаких сил не осталось.

– Что, друзья? Завершим прекрасный день достойным ужином? Я приглашаю, – говорит Космонавтов Лере и Гейнрихсу.

– Нет, я никогда не ем после девяти, – отвечает Гейнрихс. – Я домой. Хватит бессмысленных телодвижений.

– И такой человек считает себя второстепенным! – удивляется Иван. – Вы суперстар, Бетмен, элита! Нет, ваши товарищи не понимают, с кем имеют дело. Вы правы, и живёте вы среди дегенератов, но вы – бриллиант. С какой стати жизнь должна принадлежать хрюшкам, вроде этого ничтожного Максима? В качестве русского не стоит жить? Ну и плюньте вы на русских. Вы – космическое явление.

Гейнрихс пристально смотрит на Космонавтова.

– А вам-то что? – спрашивает он. – Вы о чём хлопочете? Вы вообще кто такой?

– Командировка... – разводит руками Космонавтов. – Творческая командировка. Кстати, ваша палочка... Для укрепления здоровья... Вас можно поздравить с первым подвигом!

– Подвиг, – презрительно говорит Гейнрихс. – Втроём на одного из-за поганой бабы. Правильно Федыка сбежал.

– Кто это поганый? Ты сам придурок поганый, – кричит Лера.

– Ещё одно золото нашла, – говорит Гейнрихс. – Иди с ним ужинать и дальше по программе. Дегенераты.

Гейнрихс решительно откалывается от компании и уходит.
– Палочку-то! – вопит ему вслед Космонавтов, но тот даже не оборачивается.

– Суровый малыш, – заключает Космонавтов. – Ну, Лера-Нулера, отметим вашу-нашу победу?

– Легко!

Варя дома у Ксаны. Квартира людей среднего, но, видимо, вполне стабильного достатка. Девочки пьют чай. Шум в прихожей – пришёл Митя, брат Ксаны.

– О, девки, привет. Сейчас мои ребята придут – чур, к нам не соваться, ладно? Мамка сегодня поздно будет, дайте хоть общнуться нормально.

– Мы тут видели... – говорит Ксана. – Какая-то ваша мама...

– К нам на улице подошла мать одного из ваших мальчиков, которых арестовали в Москве зимой, – объясняет Варя.
– Тяжёлое впечатление.

– А, – соображает Митя. – Это Женьки Степанцова. Это одна такая у нас проблемная. Она ко всем подходит, не берите в голову.

– Как ты мне надоел со своими сдвигами, – вздыхает Ксана. – Тебя арестуют – наша тоже с ума сойдёт. Будем работать тебе на передачи. Кругом нормальные ребята, нет, нарыл каких-то помешанных.

– Это мы нормальные, а кругом все помешанные. Это война, ты понимаешь? Они нас уничтожают – а мы сопротивляемся. Им не нужна молодёжь, им не нужны старики, им вообще народ не нужен, у них у всех счета в американских банках. Они сейчас начнут землю продавать, кусками, ты понимаешь или нет, дура? Русскую землю, которую сотни лет собирали, кровью поливали – они возьмут и продадут. А вы давайте, сидите в «Макдональдсе» и пользуйтесь услугами компании «Мегафон». Кролики!

– Он так может часами верещать, – пожимает плечами Ксана.

– Искажённая картина мира, – поясняет Варя. – Сложный случай. Митя, вы не знаете, Федя когда-нибудь менял фамилию?

– Не знаю. Придёт – спросите. Я его знаю сто лет как Марченко. О, это он, наверное.

Варя и Ксана напрягаются. Входит Фёдор.

– Федос, тут девки интересуются, менял ли ты фамилию. Не знаю, чего им надо.

– Это вы опять, – Фёдор смотрит на Варю.

– Простите, но это важно, очень важно... Вам приходилось менять фамилию?

– Приходилось. Мама вышла замуж, дала мне фамилию мужа. Я был Вольский, стал Марченко.

– Вы когда-нибудь встречались с человеком по имени Браун?

– Прадед мой. Чудила. В детстве видел, да. Он вообще родственников не жаловал. Он что, жив ещё? Да не может быть. Вы моего деда видели?

Ксана стонет от счастья.

– Фёдор, – строго говорит Варя. – У нас есть для вас информация. Пожалуйста, выслушайте меня и не волнуйтесь.

– Ну и денёк, – говорит Фёдор. – Давайте информацию. Переживу как-нибудь.

– Заглянем на минутку в мои скромные апартаменты, – приглашает Космонавтов Леру в вестибюле гостиницы «Астория», – и в ресторанчик, в ресторанчик...

– Тут скромного ничего нет, – смеётся Лера. – Вы что, богатый?

– Расходы оплачивает фирма.

От ресепшн тем временем отходит та попрошайка, что встретила Клару у Владимирской церкви. Она выглядит несколько приличнее, чем на паперти, а то бы кто её пустил в «Асторию». Лера, Космонавтов и попрошайка садятся в один лифт.

- Четвёртый? – спрашивает у попрошайки Иван.
- Ага, и мне, – говорит та, рассматривая попутчиков.
- Чем занимается ваша фирма? – спрашивает Лера.
- Творческими командировками.
- Ничего себе, – удивляется Лера.

Выходят на четвёртом этаже. Лера немного отстала от Космонавтова, попрошайка её догоняет и шепчет:

– Сваливай срочно. Это плохой парень, – и с невозмутимым видом проходит чуть дальше по коридору.

– Переоденемся, причешемся, – бормочет Космонавтов, открывая дверь в номер. – И устроим маленький праздник...

Лера как-то не по себе от слов попрошайки, но она заходит.

Комната Юры смежная с маминной, и они с Эльвирой тихо пробираются через неё к выходу. Но мамаша просыпается.

– Юра? – говорит она, тараща бессмысленные глаза. – Ты что?

– Мама, всё в порядке, – успокаивает её Юра.

– Баба? – изумляется мать Юры. – Ты бабу в дом привёл?

– Ну какая баба. Это девочка знакомая. Я сейчас её провожу и вернусь.

– Дай воды, – просит мамаша.

Юра достаёт из холодильника воду, наливает в стакан.

– Девочка... – бормочет мамаша. – Мы все были девочки.

Потом стали мамочки, а потом стали бабочки...

Эльвира засмеялась. Вынула из кармана грушу.

– Хотите грушу?

– Положи на стол. Сейчас не полезет ничего. Юра, который час?

– Десять вечера.

– Так. А ты куда собрался на ночь глядя?

– Я только Эльвиру проводить. Да мама, сейчас светло, куча народа на улице.

– Вот и плохо, что куча народа... О господи ты боже мой, и выпила всего ничего. На работе в отпуск провожали...

Надо чистую водку пить, а когда её с соком мешаешь, так ни фига не понятно... Сок и сок. Так. Я Инна Викторовна, а ты кто?

– Эльвира.

– Русская?

– Нет, не очень.

– Не очень? Инна Викторовна рассматривает девочку пристальной.

– Ясно. Цыганка. Юра, ты обалдел совсем – цыганку мне в дом притащил?

– Я не цыганка. Мы – каршары. Такой народ. Каршары.

– Каршары? Первый раз слышу.

– Нас очень мало.

– И что вы делаете тут у нас – каршары?

– Мы в Горелове живём. У нас большая семья, дом, лошадь, две собаки.

– Все устраиваются, – горестно итожит Инна Викторовна.

– Даже каршары. А нам, русским, что делать? Когда в этом городе будет резервация для русских? Давай, каршарка, марш отсюда, чтоб я тебя больше не видела.

– Мама, зачем ты так? Она хорошая, мы подружились...

– Чей там голос из помойки нарушает тишину? – кричит Инна Викторовна. – Очистить помещение!

– Как тебе не стыдно, мама. Ну что ты гонишь? Никого не могу домой пригласить, всех друзей мне распугала. Живу с тобой, как в тюрьме!

– Чего ещё? – озлилась мамаша. – Что вас не устраивает, хозяин-барин?

– Да проспись, тогда поговорим. Эх, мама...

Юра берёт Эльвиру за руку и уходит.

– Каршары, – бормочет мамаша, заваливаясь опять спать, – всё она врёт. Цыганка и есть цыганка... рожа наглая...

– ...И она сейчас в гостинице «Астория», – заканчивает Варя.

Митя тоже слушает.

– Федя, – говорит он, – такого нарочно не придумаешь. Может, правда?

– Понимаешь, – отвечает потрясённый Федя, – я что-то смутно вспоминаю... были какие-то разговоры... я не врубался тогда... что-то про границу... мама кричала: «Она придет, она заберёт мальчика!» А к деду мы ходили на Коломенскую, помню хорошо. Он мне серебряный рубль дал, с ещё до-революции... Мама умерла пять лет назад. Отчим в Германии давно. Но можно позвонить, он ведь, наверное, что-то знает? А дед, значит, признал в ней внучку?

– Он не отрицает, что Клара Петровна его внучка, но он вроде как от неё отрёкся, – говорит Ксана.

– Господин Браун, видимо, патриот и ...ммм... поборник высокой нравственности среди своих родственников. А она уехала, ребёнка оставила сестре. В общем, там какие-то старые счёты, – объясняет Варя.

– А как она выглядит, чем занимается?

– Выглядит классно, – говорит Ксана. – Красивая женщина, лёгкий летний костюмчик из льна, долларов на пятьсот...

– Ксана, неужели ты думаешь, Федю могут интересовать наши дамские глупости? – вмешивается Варя. – Насколько я поняла, она недавно похоронила мужа. Но, собственно, мы можем к ней подъехать, правда? Подготовим осторожно...

– Не знаю, – отвечает Федя. – Так сразу мне что-то не переварить... Ох ты чёрт. Митька, слушай, я бы сейчас принял немного чего-нибудь.

– Мать коньяк всегда держит на особый случай, – шарит Митя. – О, порядок. Давай, Федос, подкрепись. Ничего себе заварушка – муттер из-за бугра нарисовалась. А чего, бери, не лишнее.

– Как сказать, – выдыхает Федя, приняв коньяка. – Мы тоже гордые ребята. Двадцать лет без нас обходились как-то. Что вдруг загорелось? Не, как говорят хохлы, – це дило треба разжувати...

Лера в номере у Космонавтова. Тот в ванной, напевает. Наконец дверь распахивается, и он появляется – в белой рубашке, с галстуком, в дорогом костюме, чисто выбритый, волосы зачёсаны назад. Прямо скажем, совсем другой человек.

– О, вот вы какой, – удивляется Лера.

– Да! Я гибкий человек! – вертится перед ней Космонавтов. – Принцип в том, что нет никакого принципа, понимаете? Могу поехать в метро, а могу на такси, а могу пешком, а могу на своей машине. Нет запрета! Пить под мостом с бомжами – отлично, а можно в дорогом ресторане, а можно в забегаловке. Как захочу.

– Жаль, мне не во что переодеться, – говорит Лера. – Вы такой роскошный...

– А вам зачем переодеваться? Вы, наоборот, раздевайтесь.

– Как это?

– Да так. Услуга за услугу. Враг побит, а где награда?

И по его лицу Лера поняла, что он не шутит.

– Вы не предупреждали... Это нечестно, – говорит она.

– А парня беззащитного избивать честно? А жизнь ему портить честно?

– Вы говорили не так! – кричит Лера. – Вы говорили: я звезда, а он мерзавец!

– Демагогия, – усмехается Космонавтов. – Трёхкопеечная ловушка. Давай раздевайся и садись на кресло. Я в кресле хочу. Ты мне даже не очень и нравишься, я чистеньких люблю, наивных, а ты шкура. Но порядок есть порядок. И попросу без криков.

– Мне надо в душ, – говорит Лера. – Я грязная, целый день хожу по жаре.

– Иди, – разрешает Космонавтов. – Дверь открой настежь.

Лера идёт в ванную и ухитряется осторожно, выключив звук, набрать сообщение Феде.

«Попала, спасай. Срочно. Астория, 413. Лера». Принимает душ.

– Женщина, сами себя задерживаем, – гримасничает Космонавтов.

Попрошайка в номере у Клары. Развалилась в кресле, пьёт виски, дымит сигаретой.

– Гуля, – говорит Клара. – Если ты что-нибудь знаешь, скажи. Не знаешь – давай расстанемся по-хорошему.

– Да скажу, не трепыхайся. А ты лучше скажи, почему ты меня сразу не узнала? Я что, так изменилась? По-моему, я ничем не хуже тебя. Тряпок таких нет, и всё.

– Сейчас ты выглядишь неплохо. А возле церкви, когда я тебя встретила, был фильм ужасов.

Попрошайка смеётся.

– Это стиль такой, мы там все немножко... артисты. Ну что, Клара, а ты всё такая же ненасытная? Я помню, мне двух клиентов на вечер хватало, а тебе и пятерых было мало. Я всё не могла понять, так тебе что больше нужно – деньги или секс? Потом поняла, что именно вместе, и то и другое, этот чудесный, так сказать, аккорд!

– Если тебе денег надо...

– Муж, значит, умер у тебя, хороший муж – фабрикант. Ты его часом не приморила? Я помню, ты любила баловаться... всякой химией.

– Очень мне нужно, – хмыкнула Клара. – Ему за восемьдесят было. Французы любят пожить.

– Как будто русские не любят.

– Да нет, что ты. Никакого сравнения. Там женщины в семьдесят лет, по-нашему, бабушки-старушки, и одеты, и причёсаны, и такое, знаешь, самоуважение на физиономии!

Таких страшных стариков, как в России, я нигде не видела.

– Коммунизм строили – надорвались.

– Мы с тобой особенно много коммунизма построили...

– Кстати, здесь, в «Астории», если тебе память не отшибло...

– Не отшибло. – В солидной лощёной даме вдруг проглянула бывшая разбитная девчонка.

Клара и Гуля смеются.

– Гуля, не мучай меня – скажи, что знаешь.

– Ну, в общем, – говорит Гуля. – Найти твоего ребятёнка можно. Если, конечно, ты финансируешь этот проект.

Эльвира и Юра идут по улице.

– Ты правду сказала? Про каршаров? Ты каршарка? Никогда не слышал! Посмотрю в библиотеке, в словаре. У вас какая языковая группа?

– Нормальная группа. Не хуже вашей.

– А скажи что-нибудь по-вашему, по-каршарски.

– Кора да ментос шамита лимандер мира номара чен.

– И что это?

– Пусть другие врут, я всегда говорю правду.

– Ничего, звучит приятно.

Настроение у Эльвиры явно испортилось от встречи с Юриной мамашей.

– Чего она ко мне пристала?

– Не бери в голову, – просит Юра. – Она не соображает ничего. Пьяная, да ещё спросонья.

– Всё она соображает, что надо. Пусть это ваш русский город. Я его что, съем, что ли? Хуже вам будет, что я тут живу? Я по-русски говорю лучше многих русских, вообще! Я и родилась в России.

– А где она, ваша Каршария?

– Не Каршария. Долина Каршарэ. Это далеко, – машет рукой Эльвира.

– На Кавказе?

– Ещё дальше. Туда, к Китаю ближе. Я там никогда не была. Мама рассказывала – там есть холодное озеро и горячее озеро. Лиственницы растут, которым по тысяче лет...

– Вот вырастешь, разбогатеешь и поедешь на родину. В долину Каршарэ.

– Конечно, поеду, – серьёзно говорит Эльвира. – Там все наши живут... Слушай, давай быстрее шевелить помидорами, а то я на последний поезд опоздаю.

Федя, Варя, Митя и Ксана на кухне. Звонок.

– Наши, – суетится Митя.

Федя задумчиво сидит с рюмкой в руке. Митя, видимо, наскоро успел что-то объяснить «нашим», и в кухню вваливаются, галдя, трое пареньков и страшенькая девица.

– Американская мамаша? – спрашивает один. – Срочно брать бабки на революцию.

– Фёдка, тебе запасной комплект родителей выдают? Здорово, – восклицает девица. – А у твоей мамы подружки нету? Может, ты вообще дупло нашёл, где предков меняют?

Тут приходит сообщение от Леры. Фёдор читает и моментально вскакивает.

– Мне надо срочно в «Асторию». Там что-то с Лерой случилось.

– В «Астории» Клара Петровна, – говорит Варя. – А кто это – Лера?

– Потом, потом, – мечется Федя. – Чёрт, денег нет на такси.

– У меня есть, – говорит Варя. – Я могу с вами поехать. Разобраться на месте в ситуации.

– Поехали, – отвечает Федя. – Эта моя так называемая мать в каком номере?

– Сейчас посмотрю. Четыреста пятнадцатый.

Лера ещё в душе.

– Я, между прочим, беременная. Неужели вам не противно?

– А ничего, – отвечает Космонавтов. – Как говорится, в тесноте да не в обиде. Кстати, я заметил, тут у вас прерывание беременности рекламируют чуть ли не на каждом заборе. Это что – особый путь возрождения России?

– Я не понимаю, Иван, зачем вы так поступаете со мной? Вы интересный мужчина, мы с вами подружились... Всё мож-

но было сделать иначе. Могли бы поужинать, поговорить. С вашим обаянием...

Она тем временем смотрит, нет ли хоть какого режущего предмета. Находит кусачки для ногтей, прячет под мышкой.

Космонавтов развлекается с палочкой, взятой у Гейнрихса.

– Неохота с тобой возиться. Я хочу, чтобы ты села в кресло и раздвинула ноги. И помолчала. А то, видите ли, ещё ужинай с ней! У тебя что-то завышенная самооценка. Я вообще, чтобы ты знала, предпочитаю мальчиков. Но иногда можно для разнообразия... Хотя всё равно скучно. Если бы ты знала, как мне скучно!

– Может, не надо, если скучно?

– Надо, Лера-Нулера, надо. Ты не должна торжествовать и воображать, что всё вышло по-твоему. Торжествовать должен я, поскольку мне удалось с трудом, но всё-таки не без кайфа заполнить мой первый петербургский день.

Лера выходит, завёрнутая в полотенце. Космонавтов палочкой приподнимает край.

– Это ты лишнее навертела.

Космонавтов сдирает с Леры полотенце, и в это время она втыкает кусачки ему в бок.

– Сука! – кричит тот, пытаясь вырвать кусачки, но при этом отчего-то улыбаясь с удовольствием.

Дерутся, причём Лере удаётся ещё пару раз ткнуть Ивана своим боевым оружием.

– Сдавайся! – приказывает Космонавтов.

– Хер тебе! – задорно отвечает Лера.

Федя и Варя подъезжают к гостинице. Бегут к лифту.

– Не раздражай меня, – советует Космонавтов, охотясь по номеру за Лерой. Лера угрожающе щёлкает кусачками.

– Облом! – смеётся она. – Вы не в курсе, дядя! Не на ту напали! Я убить могу!

– Ты мне начинаешь нравиться, – говорит Космонавтов.

Федя и Варя подбегают к номеру.

– Варя, давай стучи, как будто ты дежурная.

– Господин Космонавтов, вы у себя? – самым официальным голосом произносит Варя. – Я старший администратор. У нас есть небольшие проблемы.

Космонавтов угрожающе приказывает Лере лечь на диван, накидывает покрывало.

– Заткнись. Лежи тихо, а то ментов вызову. Скажу, снял бабу, а она меня убивает.

Открывает дверь. Фёдор врывается в номер.

– Федя! Спаси меня от этого гада! – кричит Лера. – Он меня заставил раздеться!

– Давайте обсудим наши проблемы, – предлагает Космонавтов. – О, ещё одна прекрасная дама...

Он церемонно кланяется Варе, стоящей на пороге номера.

– Что тут произошло? – спрашивает Фёдор.

– Ну, ты сбежал, а мы поучили Макса как следует, и вот этот пригласил поужинать, – отвечает Лера, одеваясь. – Зашли в номер. И тут он ни с того ни сего говорит: раздевайся... так мерзко...

– Бить будете? – спрашивает Космонавтов у Феди.

– Фёдор, – вмешивается Варя, брезгливо разглядывая Леру. – Я думаю, что ситуация прояснилась. Дама оделась, господин готов извиниться, а у нас есть более серьёзные дела в соседнем номере.

– Сгинь, – говорит Фёдор Космонавтову. – Сгинь и рассыпья.

– Бок болит, – возмущается Космонавтов. – Рубашку мне испортила... Очень агрессивная молодёжь у вас в Петербурге. Я буду жаловаться...

– Ещё раз увижу – возьму своих ребят и замочу тебя на фиг.

– Пошли, Федя, – говорит Лера. – Я сама виновата. Уши развесила...

– Вот и запомни, Лера-Нулера, на всю жизнь запомни, что сама виновата, – замечает Космонавтов. – Порядоч-

ные девушки по номерам не ходят, правда, Варвара... Никитична?

– Вы откуда знаете, как меня зовут? – напряглась Варя.

– Да кто же вас не знает! – расцвёл Космонавтов. – Варвара Панкратова! Ещё в самолёте прочёл вашу статью о психологии молодёжных союзов. Так интересно!

– Ну, вы преувеличиваете. Статья носит реферативный характер...

– Да. Реферативный. Какое милое слово – длинное, иностранное. Проще говоря, в ней нет ничего нового. А вы, молодые люди, всерьёз думаете, что у вас в голове есть что-нибудь новенькое?

– Редкая сволочь, – говорит Лера.

– Редкая, – соглашается Космонавтов. Отпечатан в одном экземпляре. Это вас много. А я один. Ну, куда вы спешите? Присядем, выпьем по рюмочке. Кстати, Федя, наша Лера отчаянно сопротивлялась. Подчёркиваю: отчаянно. Я так обрадовался!

Федя, Лера и Варя выходят из номера по знаку Феди.

– Уходят, – расстроился Космонавтов. – Эй, молодые львы, подождите! Я с вами!

Номер Клары. Гуля уже изрядно приняла.

– Простить-то он тебя простит, но уж и поиздевается, будьте-нате. Ты что, русских забыла? Нам никаких денег не надо, только бы нашего ближнего прикусить.

– А, знаешь, будь что будет. Главное сейчас – найти.

Стук в дверь.

– Клара Петровна! – слышится голос Вари. – Это Варя Панкратова. У меня для вас информация.

– Варя? А, та девочка. Гуля, это ко мне... Что такое...

Клара открыла дверь – входит живописная группа: Федя, Лера, Варя и несколько сзади Космонавтов.

– Не волнуйтесь, Клара Петровна, – говорит Варя, – но, кажется, Федя – вот Федя – это тот, кого вы ищете.

Федя и Клара смотрят друг на друга. Они похожи и одинаково шуруются от волнения.

– Федя? – спрашивает Клара. – Федя Вольский? Твоя мама – Анна Вольская, внучка Иеремии Брауна?

Федя кивает.

Клара обнимает его.

– Мой мальчик, мой, мой...

– Федя, это что такое? – спрашивает Лера. – Почему она говорит, что ты её мальчик?

– Вроде мамаша моя, – слабо усмехается Фёдор.

– Клара, что, нашла? – вопит Гуля. – Гуляем, ребята! Пропали мои комиссионные!

– Варвара Никитична, у вас такое лицо разумное, – вмешивается отдалённый Космонавтов. – Расскажите, что происходит на наших глазах, не помещаясь в наш ослабевший ум.

– Подождите, – говорит Федя. – Не так сразу... Я не могу... Я должен быть уверен, что вы – это вы.

– Это может подтвердить только один человек, – сообщает Варя.

– Это я! – веселится Гуля. Подтверждаю: три года работала с Кларой... бок о бок. Нога к ноге! Был ребёнок, отдали сестре...

– Дедушка Браун, – говорит Федя. – Нам нужен дедушка Браун.

– Ура-ура! Нам нужен дедушка Браун! – хохочет Космонавтов. – Ни хрена не понимаю, но готов оплатить два такси на деревню дедушке!

– Я сама могу оплатить любые такси, – возражает Клара. – А вы кто?

– Сосед. Помещик. Гражданин кантона Ури. Писатель-реалист. Фантастический реалист, – объясняет Космонавтов. – Лучший друг молодёжи.

– Надо ехать, – говорит Варя.

– Только без этого чёрта, – показывает Лера на Космонавтова.

– Умная какая... – качает головой Космонавтов. – Без чёрта хочет обойтись. Да куда вы без меня? Летите, орлы, а я уж за вами петушком, петушком...

Мчатся машины по городу навстречу судьбе, в двух таксомоторах сидят наши герои.

Эльвира и Юра бредут обратно к дому Юры.

– Это всё из-за тебя! – сердится Эльвира. – На две минуты опоздали! Еле шевелился потому что!

– Я устал, – жалуется Юра. – Ты меня заморила. Я никогда в жизни столько не ходил.

– Что теперь делать? Где я спать буду?

– У нас дома, – предлагает Юра.

– Да она меня съест!

– Не съест. Она очень добрая, только кричит всё время.

– Видели мы этих добрых...

– А можно тебе туда, в Горелово, позвонить, предупредить?

– Да можно, у дядьки Фили мобильный есть.

– Ну, и нечего тогда волноваться, позвонишь, скажешь...

– Всё прямо придумал, меня только не спросил. Я по чужим домам не сплю.

– Понятно. Каршары – они такие.

– Ноги болят, – говорит Эльвира, усаживаясь на скамейку. – Груши мои сдохнут в кармане.

– Дома в холодильник положим.

– А давай лучше сами съедим. Завтра новые найдём.

– А в твоей долине Каршарэ груши растут? – интересуется Юра.

– Конечно, растут. Там тепло, как на юге. Грецкие орехи растут, мандарины...

– А зачем вы оттуда уехали?

– Война... – пожимает плечами Эльвира.

– Какая ещё война? – удивляется Юра.

– Ты не знаешь. Вам не сообщали, что вы не беспокоились тут. Маленькая война, но нам хватило. Вообще отстань от меня со своими допросами.

– Да ладно тебе, – улыбается Юра. – Я просто так. Интересно. Когда ещё встретишь настоящую каршарку..

Тем временем дедушка Иеремия Браун, довольно бодрый, восседает в кресле. Перед ним неизменный бокал с водкой.

– Господа присяжные, – строго и торжественно восклицает Иеремия. – Господа присяжные, уважаемый суд.. Мой подзащитный с первого взгляда не может внушить вам симпатии. Господа, признаемся честно: мы не любим старость. Мы любим молодость – прежде всего, свою собственную, затем – молодость, явленную нам прекрасными образами вечного искусства, и потом – чужую молодость, которая неизменно рождается изменчивой жизнью. Только в молодости несчастное человеческое тело может поймать отблеск небесной гармонии и рассказать нам о возможном совершенстве! Только в молодости человеческая душа манит свежестью чувств, полнотой страсти, бескорыстной жаждой идеального! Господа, я читаю в ваших глазах приговор: мой подзащитный испортился. Он докатился до старости. Он виноват. Он был рождён свободным, сильным и чистым, а сейчас крошки просыпаются из его жадного кривого рта. Он поглупел и опошлил. Он дрожит от бессильной злобы и гадит под себя. Я не требую снисхождения для него, я всего лишь прошу назвать его настоящее имя. Иеремия Браун? О нет, вы ошибаетесь. Имя этого старика – Весь Мир. На скамье подсудимых – Весь Мир! Полюбуйтесь на его скверную рожу, на которой горит клеймо порока. Спросите его, что он сделал со своей жизнью. Он лишь усмехнётся вам в ответ, старый маразматик. За его горбатой спиной – сто веков сплошных преступлений. Высшая мера, господа присяжные! Это единственный выход. Если мы не избавимся от него – нам не дадут Другого Мира..

Такси, где едут Клара (она на переднем сиденье) и Федя с Лерой.

– Зачем ты пошла в гостиницу? – тихо спрашивает Федя.

– Да просто время провести. Ты убежал, а у меня, после Максима, ну, после драки, такой релакс был...

– Наверное, это глупость с моей стороны. Глупо быть таким упрямым, да? Но я не притворяюсь, Лера, я действительно люблю... чистоту. Понимаешь? Чистые звуки, чистые краски. Вспомни, какие бывают дни летом, когда небо лазурное...

– Зелень зелёная, солнце жёлтое, – вставляет Лера, – а розы розовые. Красотища, короче.

– А ты всё смешиваешь... Мешаешь краски. Становится грязно.

– Я ведь тебя не держу, Федя. Я ничего тебе не обещала. Мы ничем не связаны.

– Да. Только я на тебя душу потратил.

– Новая отрасли, – фыркает Лера.

Клара тревожно прислушивается к разговору.

В другом такси – Гуля, Варя и Космонавтов.

– ...а тут богатый муж взял и помер, – заканчивает рассказ Гуля. – Детей нет, времени вагон, делать не хер. Вот она и примчалась мелодраму тут играть на просторе.

– Вы знаете, вы не говорите Феде, чем занималась до отъезда за границу эта его мама, – беспокоится Варя. – Ему это не понравится.

– Странный мальчик, – говорит Космонавтов. – У меня бы сейчас мамаша с деньгами бы объявилась, с удовольствием взял – пусть шлюха, ничего, мне было бы даже приятно, что место моего рождения пользуется повышенным спросом...

Гуля хохочет. – Интересная теория!

– Собственно говоря, не это ли составляет сущность любви к Родине вообще? – размышляет Космонавтов. – Мы желаем, чтоб нашу Родину как можно больше хотели...

– Извините, но этот разговор мне неприятен, – твёрдо говорит Варя. – Я ещё раз прошу не сообщать Феде определённых обстоятельств, известных вам.

– Молчание стоит золота, – заметил Космонавтов.

– Нет, но до чего врубной мужик, – говорит Гуля. – На ходу сечёт.

Подъехали к дому Брауна почти одновременно. Идут вереницей.

Девушка открыла дверь и посмотрела на прибывших уже без всяких эмоций.

– Мы к господину Брауну по важному делу, – всё-таки общается правильная Варя.

Девушка мотает головой.

– Вроде не спит ещё.

Клара, Федя, Лера, Гуля, Космонавтов и Варя направляются в комнату Брауна.

– Он хочет вас разжалобить, господа присяжные, – продолжает Браун. – Преступный старик Весь Мир, писая в прокладки, хнычет, что он не виноват, что жизнь такая, что он болен и одинок. Не верьте! Он полон отборной злобы и хитёр, как его отец, нет – отчим – дьявол...

Входят наши герои. Некоторое время все, взволнованно дыша, смотрят друг на друга.

– Дед, мы к тебе, – начинает Клара.

– Господин Браун, вот Федя, – продолжает Варя.

Федя подходит к прадеду. – Вы меня помните? Я Федя, сын Ани Вольской. Я у вас был, помните? Вы мне рубль подарили, царский...

– Я вас помню, Федя. И куда вы дели мой рубль?

– Вот он, – показывает Федя. – Я его всегда с собой ношу, на счастье. Я не знал, что вы живы. Мама не говорила. Вы с ней поссорились?

Браун с удовлетворением разглядывает рубль.

– Рубль признаю. И вас признаю. Вы мой правнук Фёдор. С Аней я расстался, поскольку она соизволила выйти замуж за какого-то Марченко... Терпеть не могу, когда высококорж-дённы женщины связываются с низшими организмами. Что делать, тяжёлое наследие советской власти.

– Ну, это точно твой дедуля, – говорит Лера. – Тексты у вас передают по наследству.

Космонавтов тем временем бродит по комнате, рассматривает вещи.

– А что это за группа товарищей с вами? – спрашивает Браун.

– Так получилось, дед. Мы по делу, это важно. Скажи – эта женщина, она тебе родственница?

Клара встаёт на колени.

– Иеремия, не погуби. Заклинаю тебя памятью Эммы, твоей дочери!

– Сколько у женщин лишних эмоций, – удивляется Космонавтов. – Хоть бы сдавали излишек в недоразвитые страны... В Прибалтику, что ли...

– Это Клара, – спокойно отвечает старик. – Клара Вольская, моя бывшая внучка.

Клара целует Брауна от полноты чувств и бросается на Федю.

– Видишь, видишь, я говорила тебе правду, сынок...

– Не знаю... – морщится Федя, – странно всё... Подождите...

– Чего там! – вопит Гуля. – Шампанского!

– Моя бывшая внучка, – продолжает Браун. – Проститутка и воровка.

– Господин Браун, мне кажется, эти детали мы могли бы обсудить позже, – отважно вмешивается Варя. – У вас был очень тяжелый день. Вы потеряли Дору.

– Дора? – переспрашивает Браун. – Дора, Дора, Дора...

Он застывает.

– Это с ним что? – удивляется Гуля.

– Отключился на время, – объясняет Варя. – Сто четыре года, что вы хотите.

– Сынок, это всё неправда, – плачет Клара. – Дед очень жестокий...

– По-моему, дед в полном порядке, – возражает Космонавтов.

– Ты бы помолчал, тварь, – не выдерживает Лера.

– Понимаю... профессиональная солидарность... – усмехается Космонавтов. – Клара и Лера... что-то у вас есть общее...

– Я вышла замуж, скрыла, что у меня ребёнок, уехала... Я виновата. Но я не проститутка и не воровка, и если бы ты знал, Феденька, как я наказана... Ты думаешь, я из-за денег? Клянусь, нет. Я полюбила, я хотела другой жизни... Деньги – тьфу. Вот, – Клара достаёт из сумочки пачку евро, – вот, возьми, пожалуйста... ничего не жалко, бери сколько хочешь...

– Ого! – радуется Гуля. – Полился золотой дождик!

– Ой, что это? – пищит Космонавтов. – Ой, денежки! Целая пачечка! Позвольте полюбопытствовать... Настоящие! Да, жестикуляция приятная. Вот, Феденька, и кончилось твоё революционное детство. Прочь игрушки, прочь протесты! Теперь можно жить настоящей жизнью. А что такое значит – жить настоящей жизнью? Это значит – тратить денежки. Был бедный Федя, стал богатый Федя. Лерочка, это вам на заметку. Абортики-то теперь подороже можно делать...

– Убить мало гада, – автоматически отвечает взволнованная Лера.

Федя берёт пачку с рассеянной улыбкой. Оглядывает присутствующих.

– Забавно, да? Был такой дурачок, играл в революцию, а тут к нему мамаша приехала – сынок, вот тебе весь мир и коньки в придачу.

При слове «весь мир» Браун приходит в сознание.

– Весь Мир – к высшей мере! – хрипит он.

– Дора, где Дора! – кричит Варя. Старик опять выключается.

– Деньги... – продолжает Федя, вороша пачку. – Интересные бумажки... Всё можно купить. Человеческую душу можно купить!

– Да вот дерьма-то – ваши души, – говорит Космонавтов.
– Хватит с меня, накопил сволочей.

– Спасибо, мамочка. Какая ты у меня шустрая. Не стала ждать ответных чувств. Сразу – пачку в руки. Дескать, виновата – плачу. Ну, что ж – это ведь моя пачка? Я могу с этим делать что хочу?

– Конечно, твоя, Феденька, – отвечает Клара.

– О'кей.

Федя подходит к окну, которое открыто по жаре, и резко швыряет на улицу пачку евро.

– А! – выдыхает Гуля. – Выбросил на фиг!

– Ты что? – кричит Лера. – Ты что, Федька?

Она бежит к окну, отталкивает Федю, смотрит вниз.

Между тем внизу, по пустынной Коломенской улице, шли в это время Эльвира и Юра.

– Сейчас уже, недолго осталось, – утешает девочку Юра. – Доползём – сразу спать.

В это время сверху посыпались бумажки. Прямо детям на головы.

– Эй, вы там чего? – удивился Юра. – Бумагу бросают.

Эльвира взяла бумажку, изменилась в лице. – Быстро собирай, дурак, быстро и бежим...

Дети мигом собирают почти все деньги и мчатся прочь.

– Сумасшедший! – орёт Клара. – Русский сумасшедший! Клара, Лера и Гуля бегут на улицу. Варя и Космонавтов остаются.

– Сильно, – говорит Космонавтов. – Старый трюк, но эффект тот же.

Варя смотрит на Федю потрясённо.

– Фёдор, таких людей, как вы... таких не бывает. Я... можно, я буду служить вам?

– Побежали... – смеётся Федя. – Все побежали... Чёртовы куклы...

– Я знаю, – продолжает Варя, – я не могу вам понравиться так сразу, с первого взгляда. Но я, если постараюсь, стану очень полезным человеком для вас. Мне не нужно много внимания, и я ничем не помешаю вам...

– Федя, – мурлычет Космонавтов. – Обрати внимание на девушку. Она дело говорит.

– А тебе что, – спрашивает Варю Федя, – деньги не нужны?

– Очень нужны. Только свои, а не чужие. И бегать я за ними не буду.

– Ну, что я тебе могу предложить? – размышляет Фёдор. – Приходи к нам. Посмотрим, какой из тебя товарищ. Вроде инстинкты у тебя правильные...

Вваливаются Клара, Лера и Гуля. У Клары в руках несколько бумажек.

– Три тысячи выкинул! – стонет Гуля. – Без четырёхсот. Королевский бросок!

– Дети какие-то метнулись как молнии – не догнать, – объясняет Лера.

– Федя, зачем это? – убито спрашивает Клара. – Не хочешь – не бери, а что это за жесты такие дикие?

– Дикие? Возражаю! – вмешивается Космонавтов. – Чувствуется явный признак культуры! Мастер Достоевский, как и следовало ожидать.

– При чём тут Достоевский? – сердится Клара.

– При чём в России Достоевский? – удивляется Космонавтов. – Глупая какая женщина. Это вы в России ни при чём, а Достоевский тут – при всём!

Эльвира и Юра мчатся проходными дворами, забегают в пустынный угол.

Эльвира берёт у Юры деньги, считает.

– Две шестьсот, ё-мое! – хохочет она. – Ты что, темнота? Это евро. Крутые деньги, круче доллара.

– Я знаю, – говорит Юра. – Я их просто в лицо не видел никогда. Слушай, они, может, ненастоящие?

– Может, и ненастоящие. Но очень похожи. Ладно, завтра проверим. Представляешь, а вдруг настоящие? По тыще триста на нос!

– Стрёмно как-то. Из окна бросили...

– А нам что? Мы шли себе, никого не трогали. На нас упало!

– Там тётки выскочили, видела?

– Видела. Ты как хочешь, русский, а я своих не отдам. Нормальные люди будут деньги в окно кидать?

– Может, случайно уронили?

– Это как это? Не выдумывай. Повезло – так повезло... Знаешь, такая в жизни есть лошадка – то везёт, то не везёт?

– Знаю, – смеётся Юра.

– Ну вот, эта лошадка сегодня нас с тобой везёт. Так надо ехать!

Прояснился дед Иеремия и с удивлением озирается кругом.

– Господа? – спрашивает он удивлённо. – В столь ранний час?

– Час поздний, дед, – отвечает Федя. – Пора по домам.

– Федя, что ты решил? – спрашивает Клара

– Вообще-то женщина сделала первый взнос в семейную жизнь, – замечает Космонавтов. – Ты мог бы с ней и поговорить. За три-то тыщи. Прямо золотой у вас мальчик, Клара Петровна!

– Это кто? – осведомился Браун.

– Сами не знаем, – отвечает Лера. – Сначала я его на улице нашла. А потом он к нам прилип и не отстаёт.

– Вон из квартиры, – приказывает Браун.

– Эх, господин Браун, товарищ Иеремия... Уж вам ли меня не знать...

– А я тебя узнал. Тебе тут делать нечего – мы без тебя справимся.

– Это я не сомневаюсь, что вы справитесь. Я и не собирался с вами возиться. Я вот буквально шёл мимо по своим делам и сунул к вам нос единственно из любопытства. Ну, что можно сказать в итоге? Россия в своём репертуаре. По-прежнему довольно грязно, по-прежнему умники в дураках, од-

нако... живенько тут у вас. Пару недель провести можно... Я раскланиваюсь. Дико извиняюсь. Лера-Нулера, предлагаю пойти со мной. Я меняю стиль – не волнуйтесь. Кусачки больше не понадобятся...

– С тобой? – презрительно переспрашивает Лера и осекается. Космонавтов и в самом деле резко меняет стиль. Интересный мужчина, блестящий артист глядит на Леру насмешливыми умными глазами.

– Федя? – Лера будто просит у Феде разрешения, но тому судьба её уже довольно безразлична.

– Не понимаю, зачем ты спрашиваешь. Ты свободна.

– Тогда пока. Всем большой привет, – говорит Лера.

– Отлично, одно дело мы уладили, – радуется Космонавтов. – Но позвольте напоследок сказать пару тёплых слов присутствующим здесь героям. Варвара Панкратова! – Космонавтов кланяется Варе. – От таких, как вы, такие, как мы, держатся на почтительном расстоянии. Нет, здесь нам не обломится! Сделано из натуральных материалов, цельный кусок металла высокой пробы. Мой вам совет: подальше от революций и безумных мальчигов, кидающих денежки в окно. Вы не маргинал какой-нибудь, вы – столбовая дорога страны! Вам пора на государственную службу!

– Без ваших советов... – начинает Варя.

– Безусловно. Никаких споров. Клара Петровна! – Космонавтов кланяется Кларе. – Вы женщина, выдавшая виды, и сами знаете: в вашем возрасте самый плохонький муж лучше самого хорошего сына.

– Он прав, – говорит Гуля. – Он скользкий чёрт, и он прав.

– Россия – страна для молодых и сумасшедших, а мирно доживать жизнь здесь никто не умеет. Для дожития есть другие, очень удобные места, Клара Петровна, и вы их прекрасно знаете... Целую ручки... О, чёрный опал – мой любимый камешек... Ну, теперь позвольте раскланяться с главным героем. – Космонавтов тщательно отвешивает низкий русский поклон Феде. – Что я могу вам сказать, гордый мальчик? Дерзайте!

Когда-нибудь и вы дойдёте до своей черты, перейдёте её – станете несчастны, а не перейдёте – может, ещё несчастней будете. Ваша воля! Ох, мы ещё встретимся с вами... Дедушка Браун... – Космонавтов машет Брауну рукой. – До скорой встречи! Не жалеете ложки – скоро они вам уже не понадобятся... Целую! Прижимаю к сердцу! Исчезаю! Прошу вас, Нулера...

Зачарованная Лера идёт вместе с Космонавтовым.

– Мне ничего не сказал! – кричит вслед Гуля.

– Будь здорова как корова! Лети как пуля, товарищ Гуля!
– отвечает Космонавтов уже из коридора.

– Странный человек, – поёжилась Клара. – Вот и хорошо, что нет посторонних, дела у нас семейные...

– Простите меня... Клара Петровна, – говорит Федя. – Я верю вам, тем более, всё подтвердилось...

– Что подтвердилось? – вмешивается Браун. – Что если женщина проститутка, то это навсегда?

– И не обязательно, – заспорила Гуля. – А Мария Магдалина?

– Сказки для бедных, – отвечает Браун.

– Но, понимаете, у меня пока нет никаких... родственных чувств, – продолжает Федя. – Всё так быстро, сумбурно... давайте потом встретимся, поговорим.

– Конечно, Феденька, конечно, милый, – засуетилась Клара. – И не слушай ты дедушку, дедушка сердитый...

– Дедушке весь день нервы треплют, – говорит Браун. – Дедушке давно спать пора.

– Прости, дед. – Федя жмёт Брауну руку. – Здорово, что ты жив. Я ещё приду, ладно?

– Приходи, мой дурачок, – отвечает Браун ласково. – Я тебе подарю что-нибудь.

Гости прощаются с Брауном и уходят.

Браун прислушивается к шуму в коридоре, и, когда он стихает, кричит:

– Анжела!

– Ну ты что, дед, поздно уже, – высовывается голова Анжелы.

– Концерт, – коротко говорит Браун.

Он наливает себе водки, достаёт две ложки и вручает Анжеле. Та нехотя раздевается.

– «Надежду», – командует Браун.

– Я вновь повстречался с надеждой – приятная встреча, – поёт Анжела. – Она проживает всё там же, то я был далече... Всё то же на ней из поплина счастливое платье, всё так же горяч её взор, устремлённый в века...

Браун кивает головой, притоптывает ногой.

– Ты наша сестра! Мы твои торопливые братья! И трудно поверить, что жизнь коротка...

– Тебя подвезти? – спрашивает Клара Федю на улице.

– Спасибо, я дойду.

– Не суди меня, сынок...

– Я не сужу. – Федя усмехается. – Мама... Я позвоню тебе завтра.

– О, сказал, – радуется Гуля.

Клара целует его и уходит с Гулей. Федя смотрит на Варю.

– Ты где живёшь?

– Там, далеко, – растерянно отвечает Варя. – На Гражданке.

– Родители не волнуются?

– Я одна живу, квартиру снимаю. Я из Бокситогорска вообще...

– Деньги есть на такси?

– Есть.

– Пойдём посажу.

Федя и Варя идут по городу.

– Странный день сегодня, – замечает Фёдор.

– Да... Всё началось в кондитерской, вот тут, рядом. Мы кофе пили, а у дедушки Брауна собачка умерла... А вот если бы я не решила найти твоего дедушку и похоронить собачку, может, ничего бы и не случилось...

– Ты настоящий пионер-герой, – говорит Федя. – Давай свой телефон. Или вот как сделаем: набери мой номер, а я твой тогда в память запишу. Идёт?

– Идёт, – улыбается Варя.

Продельывают операцию обмена телефонами.

– А ты совсем не рад, что маму нашёл? – спрашивает Варя.

– Сам не знаю. Я привык один. Быть одному – это хорошо, честно.

– Ты любил эту девушку, Леру?

– А мы не будем об этом говорить, правда? Давай никогда не будем об этом говорить?

– Она тебе сейчас сообщение пришлёт, что её надо спасать, и ты побежишь её спасать, да?

– Я и тебя побегу спасать, если что.

– А, вот как. Придётся и мне что-нибудь придумать.

– Нет, Варя. Сразу давай договоримся честно: ничего не выдумывать. Пошли они к чёрту, эти половые игры!

– Правильно, – соглашается Варя. – Мы с тобой ведь не пауки какие-нибудь.

– Тебе куда на Гражданку?

– Проспект Культуры.

Федя тормозит машину, договаривается с водителем.

– О'кей, можно ехать.

Варя смотрит на Федю.

– Ты... ты... ты лучше всех.

Федя смеётся, хлопает Варю по плечу.

– Спасибо, товарищ.

Варя уезжает.

Федя идёт по городу, разглядывает прохожих, улыбается своим мыслям.

Раннее утро. Эльвира и Юра спят в комнатке Юры – Эльвира на кровати, Юра на полу. Эльвире снится прекрасная долина Каршарэ.

Таинственной властью сна чудная долина Каршарэ совмещена с панорамами Санкт-Петербурга.

Там пальмы растут рядом с берёзами на Невском проспекте, невиданные цветы цветут на берегах Невы, где шумно резвятся дети, похожие на Эльвиру – чёрненькие, подвижные.

Горят костры на Дворцовой площади. Лианы обвили Росстральные колонны. Крепкие мужчины запрягают телеги и, посвистывая, едут по Мойке. Красивые женщины варят еду возле Медного всадника. Овцы лежат в Летнем саду вместе с кроткими тиграми...

Эльвира просыпается. Смотрит на Юру. Тихо одевается. Юрина доля денег лежит прямо на столе. Эльвира берёт ее, кладёт две бумажки рядом с Юриной головой. Думает секундочку, прибавляет ещё одну бумажку, остальные забирает и выскальзывает из комнаты. Потом и из квартиры.

Юра проснулся, сел, увидел бумажки, всё понял и грустно смотрит вслед ушедшей каршарке.

Небольшое кафе с эстрадой. Все наши герои в зале, среди публики. Федя и Гейнрихс, дедушка Браун, Лера, Варя и Ксана, Клара и Гуля, Космонавтов, Эльвира и Юра, и все-все остальные. Публика волнуется, ждёт артиста.

– Сева, давай! Сева, Сева! – кричат из зала.

Выходит Сева – обаятельный русский парень с аккордеоном. Садится.

Безмятежно улыбаясь, Сева, к общему восторгу, поёт песню (на мотив песни «Луч солнца золотого...» из мультфильма «Бременские музыканты»). Доброжелательное и жизнерадостное исполнение парадоксально дополняет ироническую мрачность текста... –

Луч ядерного взрыва
Вмиг воздух заразил,
И в речку реактивы
Вновь химзавод нам слил,
Петь птицы перестали,

Нет больше и зверей,
Мы кнопку нажали –
Кранты планете всей...
А-а-а... а-а-а... а-а-а-а...
Ждут нас голод, смерть и разрушение,
Снова горе к нам пришло в дом,
Ждёт война нас и землетресение –
Все мы умрём...
Ждёт цунами нас и наводнение,
Лес сгорел и взорвалась ТЭЦ,
Ждёт глобальное нас потепление –
Это конец...
Всем нам конец...

Ужасно смешно.

Санкт-Петербург, 2005 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОЛНЦА

Киноповесть

– Миша, ну ты скоро? Миша! – маленькая симпатичная молодая женщина из породы «мамочка-жёнушка» нетерпеливо стучит в дверь совмещённого санузла.

– Лен, всё, последние полянки сбрываю и бежим. – отвечает Миша из-за двери.

– Костя уже час сидит при полном при параде, – наставительно замечает Лена.

Миша, Лена и их пятилетняя дочка Даша живут в однокомнатной съёмной квартире. Мишин двоюродный брат Костя, двадцатилетний верзила, нацепив голубую рубашку с красным галстуком, мрачно сидит в кухне и слушает радио. Даша, в нарядном платьице с жабо, с важным видом раскладывает пасьянс.

– Костя, я забывала, как твой город называется, откуда ты у нас живёшь?

– Ярославль.

– А это плохой город?

– Хороший. Там же папа твой родился, разве папа мог в плохом городе родиться?

Даша смеётся. Папа не мог родиться в плохом городе. Вот он выходит из санузла – красивый тридцатилетний мужчина плотного телосложения, в белой майке и с крестиком на груди. Завидев Дашу, изображает невероятный восторг. Царевна Лебедь! При виде Лены Миша восторга не изображает.

Лена уже надела свой скромный милый наряд – чёрные брючки, блузку. А Миша стоит возле шкафа, думает.

– Миша, ну что, давай быстренько. Звали к семи. А уже полседьмого.

Появляется Костя, чья мрачность возрастает с каждой минутой.

– Мишаня, я что думаю – я думаю, мне не надо с вами идти. Что хорошего – родственник из провинции. Засмеют они меня.

– Костян, я провёл переговоры на высшем уровне. Говорю: брательник двоюродный у меня живёт, надо его в люди выводить. Конечно, говорит Ирина Леонидовна, никаких проблем. Не робей, воробей, пойдём всей командой.

– Вообще-то не очень удобно, – вмешивается Лена, подправляя макияж. Костя её немного раздражает. – Воспитатель внука на новоселье к чужой бабушке прибывает всем семейством плюс братец из Ярославля. Я бы сама не пошла, но так интересно посмотреть на квартиру. Хоть бы помечтать. Никогда не было своей квартиры и неизвестно... Всю жизнь по углам. Хорошо, я маленькая, мне много места не надо.

– Нет, я не пойду, – говорит убитый Костян.

– Костя, оставь нас на минутку, – медным голосом просит Миша.

– Что я сказала? Я ничего не сказала!

– Лена. Я зарабатываю столько, сколько в моих силах. Ты выходила за меня замуж в здравом уме и приняла на себя определённые обязательства, как их принял и я. Я люблю тебя и Дашу, я умру за вас, если надо, но если ты будешь унижать моих родственников и пилить меня из-за денег и квартиры, нам придётся расстаться.

Когда Миша впадает в наставительный тон, Лена цепенеет.

– Ну, Миша, не ворчи, я так просто... Ты красный свитер решил, да? – бормочет Лена. – У него там дырочка на локте...

Едут в машине, Миша за рулём, Лена рядом, Костя и Даша сзади, с цветами.

– Миш, я забыл, ты давно машину брал?
– Два года. Ещё тетка Полина жива была, приезжала, я её как раз на машине вёз.

– Да, мама тебя хвалила – говорит, молодец ты, аккуратный такой, спокойный.

– Миша спокойный? – делает Лена большие глаза. – Миша псих и не лечится.

– Папа псих? – удивляется Даша.

Миша начинает разворачиваться в противоположном направлении.

– Миша, ты куда? – вопит Лена.

– Домой, – отвечает Миша спокойно. – Съездили в гости, развлеклись.

Машина стоит у обочины, и видно, как обитатели её кричат, жестикулируют. Наконец, видимо, решение принято, едут в нужном направлении.

Молчат.

Даша вздыхает и говорит тихо и утвердительно:

– Да, папа псих.

Подъехали к большому новому дому. Дом многоквартирный, с лоджиями и террасами, подземным гаражом, башенками. Только что испечён, с иголки.

– Во домище! – поразился Костян.

Миша набирает номер. – Ирина Леонидовна, добрый вечер. Это Миша Трофимов. Вот, подъехали мы к дому, какие будут распоряжения? Ага. Ага. Четвёртый этаж, ясно. Уже не работает лифт, да вы что? Всё, идём.

– Наверное, турки строили, – комментирует Костян.

– Костян, ты от таких реплик там воздержись, ладно? – просит Миша. – Мы к образованным людям пришли.

– Ну и что? – сердится Лена. – Что он сказал-то? Предположил, что лифт не работает, потому что турки строили. Конечно, Ирина Леонидовна профессор, а мы серость, дурачки...

Высаживаются из своей неказистой машины, притулившейся возле ослепительных монстров.

– Во машинища! – говорит Костя, глядя на чей-то джип.

Поднимаются по лестнице, и тут вступает голос.

Чистый, свежий голос – точно ветер с моря. Кто-то поёт там, наверху. Женщина, сирена:

– Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоём...
Звёзды на небе, звёзды на море...

– Кто-то поёт, – сообщает Костян.

Голос приближается:

– Листьев ли шелест иль ветра порывы
Жадной душою я нежно ловлю.

– А это куда мы идём, там, наверно, поют! – радуется Костян.

На лице у Миши тревога и волнени. Он даже остановился.

– Очи бездонны, уста молчаливы...
Милая, друг мой, люблю!

– Миша, какой номер квартиры, – спрашивает Лена. – Ты что встал?

Но там открыта дверь, сомневаться не приходится. Голос доносится из квартиры.

– Миша, сюда, здесь открыто, – кричит Лена. Миша стоит возле стены. – Что с тобой?

Откуда он знает, что с ним. Не идут ноги, и всё.

– Снился мне сад...

Лена, оставив Дашу Косте, сбегает к Мише. – Что за дела?

– В этом саду мы с тобою вдвоём...

– Миша, раз-два-три, ёлочка, гори, включайся, эй, очнись...

Миша преодолел наваждение, встряхнулся.

– Что-то меня повело от этого пения. Давно живого голоса не слышал.

В новой, двухуровневой квартире Ирина Леонидовна, фасонистая пожилая женщина с прямой спиной, принимала гостей. Гости только что перестали аплодировать певице. Она стоит возле рояля, поправляет рыжие волосы, улыбается довольно.

Да, вот «от таких и погибали люди». Крупная, женственная, стройная, в синем платье с живой розой, приколотой булавкой на груди, – Маша Горенко.

– Машенька, спасибо, детка, – говорит Ирина Леонидовна и, продолжая прерванный разговор, обращается к гостям. – Вот он сейчас придёт, звонил уже снизу. Это не воспитатель, это золото. Сильный, умный, спокойный. И красавец.

Возле Маши крутится неказистый, чернявый, слова Ирины Леонидовны его тревожат.

– Это как-то всё слишком для одного человека. Может, он хотя бы гомосексуалист, с таким букетом добродетелей?

– Юра... – укоризненно шепчет хозяйка.

Среди гостей ведь находится и её двенадцатилетний внук Матвей, прелестный, только что-то сердитый мальчик. Гости немного: Маша с Юрой, две пожилые подруги, пожилой господин артистического вида (он и был за роялем, аккомпанировал Маше) и очень полная женщина средних лет, которая тихо и прилежно ест – молча.

– Миша женат, у него ребёнок, дочка, – говорит Ирина Леонидовна.

– А сколько лет вашему красавцу? – спрашивает Маша.

– Мала дытына. Лет тридцать.

– Что же он, ничего лучше не придумал, как губернёром служить?

– Напрасно вы так, Маша, – заметил пожилой господин. – Работа хорошая и очень важная. Школа наша погибает от

припадочных тёток. Возле мальчика должен быть сильный умный мужчина-воспитатель. Ирина молодец. Всегда знает, что ей нужно, – и всегда находит. Как это важно – точность желаний... Я вот какой-то расплывчатый... Не умею формулировать...

– Всё ты умеешь, не кокетничай, Алик. А что мне было делать, если детки оставили мне, старушке, своего мальчика – на три года? Я понимаю, отказываться от Немецкой оперы нельзя. У них там всё в порядке...

– Судя по квартире, более чем, – заметила одна подруга.

Тут и появляется Миша.

– Мир вам, и мы к вам! Со всем двором опричь хором!

Объятия, рукопожатия... Мальчик Матвей сразу перестал быть сердитым – видно, крепко полюбил своего гувернёра. Миша, конечно, сразу увидел Машу и старается не смотреть в её сторону.

– Инна Лазаревна, Вера Михайловна, Альберт Сергеевич, Катя, Юра – наши друзья... Маша Горенко – невероятная певица...

Миша преодолел растерянность, поцеловал Маше руку. – Мы шли по лестнице и слышали ваш чудесный голос.

– Очень приятно. Какая у вас очаровательная дочка.

Костян стоит в дверном проёме, как статуя. Огромная гостиная его парализовала.

– А у вас много комнат? – спрашивает Даша.

– Мотя, покажи даме квартиру, – просит Ирина Леонидовна.

Косте тоже хочется посмотреть, но он боится показаться развязным и с тоской смотрит на Мотю и Дашу. Лена с трудом доводит его до круглого стола, усаживает.

– Костя – мой двоюродный брат из Ярославля, – объясняет Миша, – удивительно играет на гармошке. Но только дома. Талант, не выносящий экспорта.

– Печальный факт для русского человека, – говорит Юра.

– Нашего музыканта теперь только заграница и спасает.

– Я для себя играю, – набычился Костя.

– Так все играют для себя. Но надо ведь это себя пищей кормить, правда? Вот Маша – гений, уникам, пять октав в диапазоне, и кому она тут нужна, в стране победившей фанеры? Мы с Машей удавились бы от счастья, если бы получили такой контракт, как Ольга.

– Ольга – дочь моя, третий сезон поёт в Берлине, в Немецкой опере, – пояснила Ирина Леонидовна Лене и Даше.

Миша с трудом проглотил Юрино «Мы с Машей», но уж известие, что Маша с удовольствием уедет, стало в горле комом. Кстати, полная молодая дама Катя заметила – между Машей и Мишей что-то происходит. Смещаются воздушные и энергетические потоки. Она внимательно смотрит то на одного, то на другую.

Мотя и Даша осматривают квартиру – просторную ванную, Мотину комнату с компьютером и спортивными снарядами.

– Много комнат, – грустно говорит Даша. – А у нас всего одна. Ты богатый, а я бедная. Тебе надо на мне жениться.

– Я подумаю, – серьёзно отвечает Мотя. – Ты красивая и умная. Если вырастешь и будешь доброй, я женюсь, точно.

– Такого не бывает, – говорит Даша. – Это только папа умеет. Я вырасту и буду злая.

Мотя смеётся. – Давай побьём грушу? Это настоящая боксёрская. Я тебе перчатки дам.

За столом разливают шампанское. – С новосельем, Ирина Леонидовна! Поздравляем! Дети вернутся – а на Родине всё в порядке, тыл обеспечен!

Дети бьют грушу.

– Вот ты говоришь, много комнат. А зато у меня родители за границей, считай, что их нет. А у тебя и папа, и мама, и дядя. Комната одна, зато родителей много. Значит, если мы

умножаем комнаты на родителей и делим на возраст, то ты не хуже меня. Двое родителей на одну комнату – два, делить на... сколько тебе? – на пять. Получается ноль целых, четыре десятых. А у меня пять комнат умножить на одну бабушку и делить на двенадцать. Тоже ноль четыре примерно.

Даша смотрит на Мотю с восторгом и печалью.

– Ты тоже умный. Нельзя нам жениться. Умные вместе не живут.

Внизу Ирина Леонидовна просит Машу спеть. Маша соглашается легко, хотя её Юра и бурчит: «Надо бы голос поберечь».

– Будет у тебя свой голос – вот и береги его.

Шепчутся с Альбертом Сергеевичем, и Маша поёт «На Муромской дорожке».

Костя закоченел от восхищения. Ближе к концу песни Миша встаёт и выходит. Запирается в уборной, пускает воду и смотрит на своё лицо. «Ну, вот и всё, – думает Миша. – Когда-нибудь это должно было случиться. Пришла беда – отворяй ворота».

Лена вышла посмотреть, что там Миша, стучится.

– Миша, всё хорошо?

– Да. – Отвечает Миша, преодолевая рвотные спазмы.

Миша прошёл не в гостиную, а в столовую, где нет людей. Сел на подоконник. К нему явился засланный Леной Костян.

– А, ты тут. А там она пела, – сказал Костян.

Она быстрыми, лёгкими шагами вошла в столовую с двумя бокалами шампанского.

– Вам совсем не понравилось, как я пою?

– Понравилось до того, что бедное моё тело взбунтовалось от восторга и потянуло меня вниз, заземлиться.

Костян от греха подальше сразу сел на пол.

– Хотите шампанского?

– Спасибо, я за рулём. А, ладно, глоточек можно.

Маша тоже присела на подоконник. Посмотрели друг на друга, засмеялись.

– Миша, а что вы делаете с Мотей? Как вы его это самое... воспитываете?

– А вот так, как идеальный папа-мама. Встречаю из школы, уроки делаем, разговариваем, я даю всякие задания. Гуляем по городу. На бокс вожу. У меня вообще-то педагогическое образование.

– Так ведь можно пойти работать в какую-нибудь гимназию, в колледж...

– Вы знаете, а я вот предпочитаю мучить одного человека.

Маша улыбнулась. – Конечно, это легче и, наверное, платят больше, чем в школе.

– Да, мне деньги нужны. Мы снимаем квартиру, Лена пока не работает. В общем, жизнь пчёл трудовых. Ничего интересного. Днём с Мотей, вечером через день я в охране работаю, в одном кафе. По ночам разве свободен – пишу, знаете, что-то вроде романа.

– Про любовь?

– Про любовь тоже. Такая хорошая может быть штука. Приключенческий роман – вот для таких парней, как Мотя.

– Приключенческий? Про пиратов?

– Почему – про пиратов?

– Вы на пирата похожи.

– Костян, скажи – клевета? Не похож я на пирата.

Косте уже давно не нравится происходящее. Он убирается из столовой чуть ли не на карачках.

– Побегал, доносчик. Сейчас сам полководец явится.

Маша поняла, хохотнула.

– Меня никакие жёны не любят. У них сразу такие лица... «Что, гадюка, пришла за нашими мужчинами? Не отдадим!» Господи, думаешь, да кому ваши куркули нужны? Ой, я это не про вас.

– Конечно, не про меня. Я вам понравился.

Появилась не Лена, а Юра. Он и сам понимает, что текст «А что это вы тут... разговариваете?» идиотский, но что делать.

– Да, Юрочка, мы тут разговариваем. Я вот тут говорю Мише, что наши мужчины боятся сильных женщин и женятся как правило на мышах. Ну такие есть женские мышки, в телескоп не видно. Так и портится русская порода. От мышей что может родиться? Мышата.

– А я возражаю, – поддержал интересный разговор Миша.
– Породы портится, когда девчонки без любви, без желания выходят за уродов с кошельком. Или спят с кем попало от нечего делать.

– А ты, Юрочка, как думаешь?

Они сидят на подоконнике рядышком, спокойные, облитые вечерним солнцем.

– Там просят, чтобы ты спела, – нашёлся Юра.

– Ладно, спою, только без слов. Миша, вам нравится, когда без слов?

– Если вы, то всё равно.

Мотя прибежал к гостям – схватить вкусного для себя и Даши.

– Вы что там делаете, Мотя? – спрашивает Ирина Леонидовна.

– Кино смотрим, – отвечает весёлый Мотя.

И тут Лена не выдерживает.

– Можно, я... посмотрю, как Даша?

– Господи, конечно, зачем вы спрашиваете, – говорит Ирина Леонидовна, соображая, как зовут жену Миши, – тщетно.

Лена, прихватив Костяна, который от смущения уже выпил несколько бокалов шампанского подряд, идёт наверх.

Маша поёт сложный вокализ, без аккомпанемента. Это вообще уже что-то космическое. Так, наверное, воют забытые кометы, так беснуется лава, скрытая в недрах земли.

Лена осматривает верх квартиры. Она трогает, шупает, нюхает, вглядывается – как зверёк. Под космический вокализ.

Юра ревниво присматривает за гостями – все ли в восторге, или есть отщепенцы. Отщепенцы есть: полная женщина продолжает есть. Как ни в чём не бывало.

Даша и Мотя смотрят кино, жуя сласти. Голос проникает и сюда.

– Это рыжая тётя поёт? – спрашивает Даша.

– Да, тётя Маша Горенко. Бабушка говорит, это феномен.

– Фено-мен? – удивляется Даша.

– Феномен – это редкое, чудесное явление, то, чего не может быть, но что есть.

– Очень красивая, – задумчиво говорит Даша. – Так нельзя, – и красивая, и поёт.

– А вот Бог тебя не спросил, – объясняет Мотя. – Взял и сделал такую Машу для своего удовольствия.

– Бог? – переспрашивает Даша. – Бог может всё. – И добавляет старательно, явно с чужого голоса, – «яко благ и человеколюбец».

Мотя смеётся.

– Это папа говорит, – объясняет Даша. – А мама сердится – говорит, ни фига себе человеколюбец.

Миша обычно, в минуты сильного раздражения, давит ногтём большого пальца тонкую кожицу у основания ногтей, кутикулу – по-научному. Слушая Машу, он надавил кутикулу до крови. Спыхватился, пришлось зализать ранку.

Лена нашла Дашу, обняла, что-то поправляет на ней – мамочки любят прихорашивать дочушек.

Маша внезапно обрывает пение, пожимает плечами. – Ну, и дальше в том же роде.

Гости аплодируют, полная женщина неожиданно открывает рот.
– Это пение несовместимо с жизнью, – говорит она.
– Почему – несовместимо? – злится Юра. – Вы слушали и кушали, и ничего с вами не случилось.

– Со мной вообще ничего не может случиться, – сказала женщина. – Я давно умерла. А вот некоторым, которые ещё живы, надо бежать. Быстро-быстро.

– Мама, я устала, – вдруг говорит Даша капризно. – Хочу домой. Хочу домой.

Хорошенькое личико Даши кривится, краснеет.

– Устала! Даша устала!

– Даша, ты что? – удивляется Мотя. – Всё хорошо было, – объясняет он Лене.

– Конечно, доченька, сейчас поедем, – отвечает Лена. – Это с ней бывает, она ведь маленькая (это Моте). Поедем. Идём, скажи папе, что ты устала. Костя, ты где? Нам пора.

А внизу спорят о пении Маши.

– С таким голосом можно всё! – горячится Юра.

– Всего никогда нельзя, – наставительно замечает одна приятельница Ирины Леонидовны. – Талант – это ответственность.

– Она может петь где угодно – в кабаке, в Королевской опере, на эстраде, на берегу моря...

– Лучше всего – на берегу моря, – говорит Миша.

– Юра, – объясняет Ирина Леонидовна. – Мы знаем Машины возможности. Я, как вы думаете, наверное, что-то знаю об этом, правда? У меня дочь певица. Понимаете, опасность в том, что Маша – за рамками. Есть такие надёжные, хорошие рамки у каждой профессии. А Маша – за ними. Любой хозяин – хозяин ресторана, эстрады, театра – послушает и... у него вот тут, где у них пустое место обычно (Ирина Леонидовна показывает на грудь), – что-то защемит. Тревога, тоска, страх – не знаю.

– Может быть, любовь? – спрашивает Альберт Сергеевич.

– Они называют это «любовью», ну а мы назовём это желанием заграбастать себе диковину. Забрать и на цепь посадить. А Маша разве позволит себя на цепь посадить?

– А я знаю? – смеётся Маша. – Пока никто не сажал. Может, мне понравится.

Спускаются Лена с Дашей, подходят к Мише, шепчутся.

– Странно всё это, – говорит Альберт Сергеевич. – Такой голос – явление Бога. Его не на цепь надо сажать, на него молиться надо.

– А вы разве не замечаете, что сейчас это всё равно – голос, не голос, – отвечает полная женщина. – Кто это понимает? Три с половиной чудака. Остальным по барабану – кто рот откроет, тот и певец. Что талант, что бездарность – всё равно. Наш Бог – успех, мани-мани. Талант больше не нужен.

– Этого не может быть, – отвечает Альберт Сергеевич. – Это значит, Бог не нужен.

– Вот вы и сказали, – хмыкнула Катя.

Миша не стал колебаться.

– Ирина Леонидовна, позвольте вас поблагодарить и откланяться. Дашенька что-то устала.

– Ах, как жаль, – отвечает хозяйка.

– Лена, где Костян? – спрашивает Миша. – Сейчас приведу, – шепчет Лена. – Он там наверху бродит.

Прибегает Мотя, отводит Дашу в сторонку, даёт ей пакет. – Только чур смотреть дома!

Миша раскланивается с гостями, напоследок подходит к Маше.

– Не ожидал такого счастья – встретить вас сегодня.

– А я много слышала про вас от Ирины и давно хотела познакомиться.

– Я вас не разочаровал?

– Пока нет.

Лена нашла сомлевшего Костяна, запершегося в ванной, стучится, ругает его. С трудом вывела.

– Скажите, вы где-нибудь выступаете? Я бы сам пришёл и друзей привёл.

– Я пою в «Свободной опере», послезавтра «Кармен». Хотите – приходите, я оставлю место.

– «Свободная опера»?

– А, такой новый, полусамодетельный театрик, но живенько так, живенько. Ехать неудобно, правда. Вот возьмите визитку, там есть адрес. Придёте?

– Приду.

– Один или... с друзьями? Сколько мест оставлять?

Миша, глядя ей прямо в глаза, не стал лицемерить.

– Одно место, если можно – поближе.

Миша, Костян, Лена и Даша возвращаются домой. Даша не утерпела, вскрыла пакет и держит теперь у груди отличного медвежонка.

– Не знаю, не знаю, – говорит Лена. – Вот я что-то не люблю цветной кафель в ванной. Вот как-то меня утомляет. Я бы положила белый и немножко зеркального, для прикола.

– Нормальные люди, – изрекает Костян. – Не злые, без понтов. И эта тётка – как из сказки.

– Какая тётка? – переспросила Лена.

– Ну, певица.

– Почему из сказки?

– Там, где жар-птица и рыжая лисица, – отвечает Костя. – А потом царь-девица. А она всё сразу – и птица, и лисица, и девица.

Миша улыбается.

– Уж прямо растаял, – сердится Лена. – Конечно, повезло, дал Бог голос. Ну и что, это в личной жизни ничего хорошего. Все артистки несчастные. Я вот читала тут про Марику Каллас, это кошмар!

– Ты права, Леночка, не надо выделяться из пейзажа – и сто лет проживёшь, – говорит Миша. – А эти таланты только воду мутят. Зовут куда-то. А нам никуда не надо. Покушал – спать ложись. Встал – умылся – на работку пошёл.

– Я пять лет в музыкальной школе училась, – злится Лена. – И английский знаю лучше тебя. Я вот устроюсь на хорошую работу и покажу тебе, что я не дура, как ты воображаешь.

– Лена, я никогда не считал тебя душой.

– Я всё про тебя понимаю. Я вижу, как у тебя мысли в голове двигаются!

– Интересно. Расскажи, какие у меня мысли в голове двигаются.

– А у тебя сейчас только одна мысль. Рыжего цвета. В синем платье, – холодно отвечает Лена.

Юра и Маша возвращаются домой, Маша сидит сзади.

– Май какой холодный, – говорит Юра. – Надоело мёрзнуть.

– Завтра будет тепло, – сообщает Маша.

– Точно?

– Когда я ошибалась?

– До чего же Ирина Леонидовна всё-таки ревнивая, – продолжает Юра, – и ведь она искренне любит тебя, а всё-таки всё время сравнивает тебя с Ольгой и злится, что ты круче её доченьки.

– Зачем сравнивать? Ольга хороша сама по себе. Классическая певица, с большим вкусом и трудяга такая.

– Ирина могла и тебе помочь с немецким контрактом, нет, жаба задушила.

– Против жабы не попрёшь, Юрочка. Родная жаба человеку милей чужой коровы.

– А чего ты так прилипла к этому гувернёру?

– А чтоб тебе нервы потрепать.

– Получилось.

– Так с тобой одно удовольствие работать: дела на копейку, эффект на рубль.

– Я знаю, что ты меня бросишь, – говорит Юра. – Это ясно. Но учти: малой кровью ты не обойдёшься. Я буду драться. Я маленькое злое животное. Гувернёра я вообще съем.

– Он сейчас домой едет, а жена его пилит, – засмеялась Маша. – Завтра эта жена побежит в парикмахерскую, готовиться к бою за своего Мишу.

– Она выиграет.

– Да, в конце концов выиграет. Только она получит на руки инвалида.

У Ирины Леонидовны уже все разошлись, кроме Кати – она помогает хозяйке прибираться.

– Да бросьте вы, Катя, – говорит Ирина Леонидовна. – Завтра Наташа с утра, она мигом всё вымоет.

– Не волнуйтесь, Ирина, у меня это просто рефлекс на любой бардак в доме. Как автомат: увидел – убрал. А потом я больше всех съела, а всякое преступление требует чего? Наказания. И кто будет мыть посуду, не ваша ведь Маша?

– Маша, кстати, простая хорошая девочка из Севастополя. И готовить умеет, и посуду, если надо, моет.

– Эта хорошая девочка раздавит и не заметит. Как она вашего воспитателя сделала!

– Что она сделала? – удивилась Ирина Леонидовна.

– Да то – пропал ваш Миша. И правильно. Давай, Маша, сделай их всех, отомсти за нас!

– А, вот вы о чём, – улыбнулась Ирина Леонидовна. – Конечно, я заметила, что Маша произвела на Мишу – а правда, смешно, Миша и Маша? – сильное впечатление. Но вы ошибаетесь. Маша не может раздавить, нет. Если бы она была холодной стервой – да, но у таких женщин нет такого голоса. Понимаете, тут природа, солнце, тут старые боги ворожат. У неё у самой горячее сердечко. Я помню, как в консерватории, ещё на первом курсе, она влюбилась неудачно, несчаст-

ливо – и девочки говорили, чуть не отравилась... А Миша, что Миша? Обыкновенный мужчина, психика у него здоровая, дай Бог каждому, женщины в его жизни занимают строго отведённый угол, так что – поматросит и бросит. Нет, если что у них случится, это не Миша пропал, это Маша пропала.

– Значит, они оба пропали, – заключает Катя.

Ирина всё-таки была хоть и пожилой, но настоящей женщиной и мигом сбросила тон и вид всезнающей гранд-дамы.

– А вам, Катя, что – завидно? – спрашивает она понимающе.

Катя отвернулась, не отвечает. В её глазах стоят злые слёзы.

Мише ночью не спалось, пришёл на кухню воды попить. Костя лежит на раскладушке, тоже что-то ворочается.

– Миш...

– Что тебе, дракон моей жизни?

– Я вот думаю...

– Прекрати немедленно. Тебе думать вредно. Ты утратишь цельность своего образа.

– Ага, понятно. Так я дурак, и на моём фоне ты умный.

– Ты не дурак, Костя, ты свежий человек, ещё новенький.

– Я спросить хотел... если в такую женщину вот влюбиться, то что делать? В моём положении. Ей ведь нужно что-нибудь особенное.

– Денежные знаки в большом количестве ей нужны, и она их скоро найдёт.

– Она не такая.

– Не такие в монастырь уходят.

– Вот гад какой, – расстроился Костя. – Сам на неё запал и сам себе зубы заговариваешь. Что вот это не для меня и всё равно ей только деньги нужны. А ты откуда знаешь, что ей нужно?

– А у вас в Ярославле, значит, ещё мечтают о Прекрасной Даме?

Костя ответил твёрдо и серьёзно:

– Да, мечтают о Прекрасной Даме. А что хорошего, когда одни бляди кругом?

– Ну теперь слушай сюда, Костян. Ты проявляешь железную волю. Становишься олигархом, футболистом и артистом одновременно. Покоряешь свою Даму. А она оказывается блядью. Твои действия?

Нокаут. Костян молчит. Потом находит решение.

– Так я пока мечтал про Даму, я работал, у меня была цель, я шёл вперёд! Я верил! Я любил! А что хорошего всю жизнь жить с такой, как твоя Лена? Удавиться от скуки. Всё уже известно вперёд: кафель белый, тоска зелёная.

Миша свирепо хватается Костю за грудки.

– Ещё раз вякнешь про мою жену, вылетишь как пробка из Москвы. Понял?

Маша перед зеркалом, расчёсывает волосы на ночь. Напевает тихо для собственного удовольствия.

Лена в парикмахерской. Смотрит на себя в зеркало.

– Только не очень коротко, – говорит она мастерице. – И потом я хотела бы окраску. Что-нибудь такое золотистое.

Мастерица приносит альбом.

– Вот, выбирайте, пожалуйста.

Лена листает альбом, и ей всё мерещится, что на картинках Маша, с разными причёсками, смотрит насмешливо.

Миша сидит у входа в кафе – быстро средней руки, но довольно популярное. Кто не знает этих сильных мужчин в камуфляже, спокойно скучающих, сидя или стоя, в мирной жизни. Молодая, приятная, худенькая женщина с усталым лицом возит шваброй по полу.

– Полинка! – весело говорит Миша. – Когда на рыбалку поедем? Дед звонил?

– Ой, Миш, дед совсем стал плохой. В июне отпуск возьму, поеду... Не говори, каждый день снится, что я по своей тропинке на речку бегу. Да ты всё шутишь, второй год говоришь – поеду...

– Москва держит, – объясняет Миша, – она в кого вцепится, так это намертво. Я, значит, ей нужен.

– Да кому мы тут, Миша, нужны? Если, как у меня, близких нет, так хуже, чем в лесу. Да что я, в лесу, в лесу хорошо, там всё живое, а тут...

– А тут всё суперживое! Смотри, сколько жизни! На каждом шагу – кафе, рестораны, столовки, закусовые, и всюду живые – едят. Днём едят, ночью едят...

– Едят – это ещё не значит, что живые, – резонно замечает Полинка, продолжая свой вечный труд.

Вбегает молодой парень крепкого телосложения.

– Миш, ты что – телефон отключил?

– Дома забыл. Что, Паш, случилось что?

– Христа ради выручай. Завтра подежурь за меня – ну, позарез как надо!

– Не могу. Честно – никак.

– Миш, я клянусь, это форс-мажор.

– И как зовут наш форс-мажор? Анжела или Снежана?

– Это не то, что ты думаешь. Миша, прошу как друг! Вопреки звериному оскалу капитализма – поддержи товарища!

– У меня, Паша, тоже – форс-мажор.

– У тебя?? – изумляется Паша. – Всё, убил. Если у тебя, то я пас. Пойду Сашку искать... А твой форс-мажор как зовут? Да понятно, что под пытками не скажешь. Всё, привет!

Полина слышала разговор, любопытствовала:

– Миша, это он на что намекал? У тебя завтра свиданка? Отдыхаем от семейной жизни? Правильно, гуляй пока молодой. А то уж очень ты долго примерного мужа изображаешь.

– Я, Полина Викторовна, ничего не изображаю, а какой есть, такой есть. И свиданки никакой у меня нет. Я... в оперу иду, билет купил. «Кармен» называется.

– Кармен? – улыбнулась Полина. – «Когда я полюблю, не знаю я сама... Быть может, никогда – иль завтра...»

– Слушай, ты образованная женщина, оказывается.

Полина хмыкнула, опять взялась за швабру.

– Лямур, лямур... – пропела она. – В лесу волки сдохли, Миша в оперу пошёл.

«Свободная опера», авангардное детище неугомимого Льва Герцеля, помещалось в задней части большого торгового центра. Труппа и оркестр «Свободной оперы» были до неприличия молоды. Перед каждым спектаклем Герцель метался за кулисами, заражая артистов избыточным нервным оживлением.

– Маша! – влетел Герцель в тесную гримёрку. – Мы вчера не dospорили. Ты не права. Должна быть злость. Это, понимаешь, первобытный мир. Здесь всё впервые, здесь цельные люди – люди из дерева, из камня, из огня. Кармен ненавидит слабость, всё это жалкое, мелкое, водянистое ей противно.

– Разве огонь кого-нибудь ненавидит, Лев Давидович? – спрашивает полуодетая Маша.

– Я думаю, да, – отвечает Герцель.

– Не знаю, – немного сердится Маша. – Вам бы только женщину обидеть. Кармен – хорошая девчонка, всех любила. А её взяли и зарезали. Зарезали и говорят: сама виновата. Вообще не грузите певицу концептом. Я человек простой, мне главное – в ноты попасть.

Девчонки, гримирующиеся с Машей, хихикают.

– Тогда прошу тебя как друга, – говорит Герцель, – не ломай мне творческий мир. Дай немного злости. Ну просто как красочку.

– Красочку дам, – заверяет Маша.

Мише понравился и маленький оркестр, и скромные декорации из холстинки, и внимательная и притом непринуждённая публика. Маша, конечно, надула режиссёра, и «красочки» злости в ней никакой не было. Чудная, вольная стихия разливалась по маленькой сцене – там смеялось и пело лёгкое, счастливое дитя другого мира. Откуда она могла знать, когда и кого она полюбит? Её любовь была даром, счастьем, милостью Божьей. А дети земли любили мрачно и зло. «Моя Кар-

мен!» – «Нет, моя!» А она была – ничья, Божья. Миша боялся, что Маша вдруг сделает что-нибудь не так, пошло, безвкусно, неправильно, – но она всё делала «так», легко и правильно.

Публика Машу оценила, видно, уже были специальные, «на Машу» пришедшие зрители.

Миша принёс с собой букет роз и всё не знал, куда его девать – то на коленях подержит, то на пол положит.

Маша Мишу на поклонах узнала, подмигнула и сделала жест рукой – мол, заходи.

Миша стучится в гримёрку.

– Уно моменто, синьоре! – кричат девичьи голоса, – заходите.

Маша уже переделалась, стирает грим.

– Вот молодец! – ободряет она Мишу. – Обещал – и пришёл. Уважаю я таких людей!

Миша протягивает букет.

– Сто лет не был в опере и ещё сто лет не пойду, чтобы не стирать впечатление.

– Был кайф?

– От вас – каждую секунду.

Девочки жужжат, хихикают, разглядывают Мишу.

– Мужчина, что вы делаете сегодня вечером? – спрашивает одна весёлым басом.

– Цыц, развратницы, – говорит Маша. – Это не спонсор.

Вбегает Герцель:

– Надула, зарезала! – и он целует Маше руку. – Победила. Будем спорить! Завтра в одиннадцать, – и убегает. Мише он не понравился, посмотрел волком.

– Это режиссёр, Лев Герцель, – объясняет Маша. – Как вам постановка?

– Много фокусов. Я бы сделал проще, раз есть такое чудо, как вы, – зачем выдумывать фокусы?

– Вы попробуйте, скажите это режиссёрам. Вы старомодный учитель.

- Да, я консерватор.
- Заглядывают ещё лица, хотят видеть Машу.
- Позвольте пригласить вас на ужин, – говорит Миша.
- На ужин? Вы на машине?
- Да.
- Тогда едем. Только с людьми раскланяюсь, хорошо?

Маша кидает цветы на заднее сиденье, усаживается рядом с Мишей.

- Куда едем?
- На Ленинградке одно местечко мне как-то приглянулось.
- А вы рядом живёте?
- Наоборот, в другом конце.
- А, правильно, подальше от семьи. О, кстати о семье. Чуть не забыла.

Маша включает мобильный, набирает номер.

– Привет, зайчик. Да только включила. Сейчас заеду в одно местечко и часа через два буду дома. Прошло? Что прошло? Карменка? Как всегда. Будешь приставать – вообще приду утром. Или совсем не приду. А нечего связываться с нами, с Карменами. Живи с Иолантами. Пока.

- Коротко и ясно, – фыркнул Миша.
- Это у меня, знаете, мужчина переходного периода.
- Муж? Тот Юра, что был у Ирины Леонидовны?
- Ну да. Только он не муж, а как теперь говорят – как бы муж.

- Типа муж.
- Ага, – смеётся Маша. – Моими делами занимается.
- Типа директор.
- Мне нужен покой, – говорит Маша, – покой и воля. Мне любить нельзя.
- Мне тоже, – спокойно отвечает Миша.

– Но мы ведь ничего такого и не собираемся, правда?

Миша резко тормозит машину у обочины и целует Машу. Она отстраняет его – далеко не сразу.

– Это что такое? Это теперь так принято у педагогов? Схватил, слова не сказал. Ещё я понимаю после ужина. Но до ужина – это я не понимаю. Приставать к усталой, голодной певице! Как не стыдно! Чему ты научишь Мотю?

Миша молча смотрит ей в глаза.

Миша и Маша в просторном пивном ресторане.

– А, пропадать – так с музыкой, – говорит Маша, – давай ещё по кружечке. Мне совсем пива нельзя. Сразу вес набираю.

– Говорят, голос надо кормить и поить. Помнишь, раньше певицы были какие... убедительные.

– Да это вообще вопрос денег. Я имею в виду внешность... А у меня пока с деньгами напряжёнка, так если позволю себе что вечером – приходится назавтра, как в старину, пост-молитва... Ну, так давай дальше рассказывай. Вернулся ты из армии в Саратов...

– Вернулся из армии, добил университет и завёл, знаешь, такой кружок не кружок, клуб не клуб – для умных ребят. У меня своя методика. Стали мои ребятки высоко забирать – выделяться стали, понимаешь. Тут приехал понтовый парень из Москвы, сманил меня в столицу. Организуем, говорит, колледж, лучший в мире, ты директор, нет – подумал, говорит, директора я тебе дам, крепкого хозяйственника, а ты будешь заместитель по всем учебным и творческим делам...

– Кинул?

Миша машет рукой.

– Это не рассказать! Как я влип, ты бы знала. Чуть уголовного дела на меня не завели. Афёра чистая... Крепкий хозяйственник два года получил. Ну, тут я... с Леной познакомился, Даша родилась...

– Старая, старая сказка, – засмеялась Маша.

– Нет, я не собираюсь погрязать в быту.

– На книжку свою надеешься?

– И на книжку надеюсь, и на Бога надеюсь, и сам не плошаю. А тебе надо в театр, в настоящий.

– О, Миша, – говорит Маша. – Ты наших дел не знаешь. Ты думаешь: раз голос, так все прямо в обморок от счастья упали? Да я сколько уже прослушивалась... В одном месте крутом – не скажу где, – я пою, а почти вся комиссия встаёт и выходит! Баб сразу от меня перекашивает на все стороны. А мужики... чего-то прикинут в уме, и тоже думают: э, тут беспокойство намечается... Вот ты ругаешь нашего Герцеля, а он единственный, кто сам в меня вцепился.

– Такие в тебя и будут вцепляться, как ваш Герцель или этот – типа мужа который. Надо, Маша, строже выбирать.

– Мне защита нужна. Ты не понимаешь, как я беззащитна.

– Ты? – удивляется Миша. – С такой силищей?

– У меня нет силы. У меня есть дар.

– Сколько раз я видел и всё удивляюсь, – говорит Миша, – что сам человек ни черта про себя не понимает. У тебя нет силы! Да ты можешь человека расплющить в пыль, и не заметишь.

Маша отрицательно качает головой.

– Никогда этим не занималась. Никогда. Ты нарочно себе это придумал – что я сильная. Чтобы потом совесть свою успокоить: а, она сильная, что с ней будет, ничего не будет, справится.

– Ты, кстати, когда мы познакомились, решила меня уколоть: вот, значит, мужчины боятся умных и сильных женщин, на мышах женятся... Я тогда не сообразил, а потом понял, что тебе ответить. За всех не скажу, но многие мужчины ничего не имеют против женского ума и силы. Они просто интересуются насчёт любви и верности. Потому что, если тебя не любят и тебе не верны, много ли радости знать, что это делает умный и сильный человек?

– Верность, – фыркнула Маша. – Я, по-моему, уже сто лет и слова такого не слышала. Ты верен своей жене?

– Нет, – отвечает Миша. – А что это доказывает? Когда человек ворует, он оправдывает себя своими нуждами, но он же не утверждает, что воровство – это хорошо и прекрасно, и

всем так надо делать. Я неверен, грешен, слаб, но разве это уменьшает ценность верности вообще?

– Ты не волнуйся, – говорит Маша, внутренне разозлившись, – со мной у тебя греха не будет. Воровать не придётся.

– Я совсем о другом говорил! Совершенно тебя не имел в виду... Такое общее рассуждение...

– Мы ведь, Миша, говорим сейчас с тобой не о том, о чём говорим, правда? Ты это знаешь, и я это знаю. Давай закружиться, я устала. Мне пора домой.

– Счёт, пожалуйста! – говорит Миша официанту. – Маша, я вижу, ты на что-то обиделась. Прости Бога ради. Я дурак. Я поглупел от счастья, что ты со мной.

Официант приносит счёт. Маша берёт его и всматривается.

– Так, два пива и колбаски... с меня триста пятьдесят...

– Маша, ты не в театре. Перестань, пожалуйста.

– Что такое? – удивляется Маша. – Ты собираешься за меня платить? С какой стати? Надо беречь семейные деньги, Мишенька.

– Я сейчас стол переверну. Или разобью что-нибудь, – тихо и разъярённо говорит Миша.

– Оу, – отвечает Маша, но идёт на попятный. – Всё, проехали. Давай плати, озверевший учитель. Прямо слово ему не скажи.

Миша и Маша едут в машине, молчат.

– На Кутузовском какой дом? – спрашивает Миша.

– В районе сороковых номеров останови.

Подъехали.

– Спасибо за приятный вечер, – говорит Маша. – Надеюсь, он не повторится.

Миша с коротким стоном хватается её и целует.

– Я не знаю, что мне, драться с тобой? – говорит Маша.

– Ударило меня, стукнуло, как я тебя увидел. Пропал я. Маша, как заяц. Только ты моя, ты – моя, понимаешь?

– Пока, воспитатель, – говорит Маша, забирая цветы. – Опять не выплусь, репетиция в одиннадцать. Хорошо, хоть спектакля нет вечером.

– Поехали куда-нибудь?

– Там видно будет.

– Где твой подъезд? – я провожу.

– Бога ради, оставайся здесь. Он любит во двор смотреть – откуда я подъехала да кто со мной.

– А, вот что, – помрачнел Миша. – Тогда счастливо тебе.

Маша машет ему рукой, уходит. Миша смотрит ей вслед.

Миша гонит машину по ночной Москве, смеётся и даже мурлыкает что-то себе под нос. Слуха у него нет никакого.

Маша возвращается домой. Юра стоит на лестничной площадке.

– Маша! Сколько просил – не ходи одна. Трудно было позвонить? Тыщу раз тебе объяснял – мне по барабану твои поклонники, и ревность тут ни при чём. Я к тебе приставлен беречь тебя, ты понимаешь? И телефон отключила!

– Да меня достаёт, что все орут по своим мобилам, как будто они в лесу. Знаешь, у меня аллергия на некоторые звуки, на противные голоса...

Маша и Юра снимают двухкомнатную квартиру, в которой уже есть следы начинающегося достатка: хорошая аппаратура. Но шкафа нет, и Машины платица весят на кронштейнах.

– Ты ужинала? – спрашивает Юра, возясь с цветами – разобрать, расставить.

– Ну конечно. Ужинала с поклонником. Есть и в нашей горькой актёрской жизни свои маленькие бонусы...

Маша передевается в шёлковый халатик и приходит на кухню к Юре.

– О, вот эти отдельно поставь, – говорит она, вычлняя Мишин букет из общей массы.

– Давай лучше все розы вместе, – предлагает Юра.

– Все розы вместе, а эти отдельно.

Юра что-то соображает про себя.

– А что за поклонник?

– Ты не знаешь.

– Молодой?

– Средний.

– При деньгах?

– Не знаю.

– А где вы ужинали?

Маша машет рукой.

– Тебе не всё равно? Юра, я спать пойду. Ты забыл? – я Кармен отпахала. И не лезь ко мне сегодня. Я мёртвая.

– Поцеловать-то тебя можно на сон грядущий?

Маша подставляет щёку. Юра её целует.

– Спокойной ночи, моё солнышко.

Маша собирается уходить и вдруг поворачивается к Юре, как будто хочет что-то сказать.

– Юра, а что, если...

Она видит лицо Юры – лицо человека, который с давним ужасом и отчаянием ждёт этих роковых слов.

– Что, Машенька? Случилось что-нибудь?

– Нет, ничего. Я хотела сказать, а что, если нам с тобой завтра поужинать где-нибудь в хорошем месте?

Юра переводит дух.

– Да нет вопросов!

– Ну вот, тогда придумай что-нибудь весёленькое, а я спать, спать...

Миша добрался до дому, осторожно прошёл на кухню – там лежат его тетрадки, черновики, книги. Миша листает, читает. Входит Лена. Она подстрижена и покрашена в золотисто-рыжий цвет.

– Миша, ты давно пришёл?

- Только что. А где Костян?
- Домой поехал, документы какие-то собирать. Он вроде на работу устроился.
- Куда?
- Я не поняла, он что-то темнит. Миша, а ты ничего не замечаешь?

Миша смотрит на неё с недоумением. Лена проводит рукой по голове.

- А! – догадался Миша. – Ты подстриглась.
- И покрасилась.
- Ну что, очень мило, – бормочет Миша. – Выглядишь такой свеженькой. В следующий раз можно попробовать что-нибудь посветлее. Чтоб совсем блондинка была.
- А этот цвет тебе не нравится?
- Очень нравится. Я так, на будущее говорю. Если ты уж решила экспериментировать...

Лена обнимает его, целует.

– Миша. Ну что мы с тобой так приземлились? Давай придумаем что-нибудь, оторвёмся, а?

Миша растроганно гладит её руки.

– Дурочка моя крашенная. Пойдём поужинаем завтра, Дашку возьмём. Я до семи часов с Мотькой, а потом пожалуйста, весь твой... Я посмотрю сейчас свои бумажки и приду, хорошо?

- Ты меня лю?
- Я тебя лю.

Мише снится сон. Будто идёт он по берегу моря и видит издалека Машу. Маша поёт. Он спешит к ней, выбивается из сил, но когда подходит, Маша оборачивается – а лицо у неё страшное, морщинистое. Лицо старой ведьмы.

А Маше снится, что она стоит на крыльце маленького дома и ждёт приближающегося всадника. Слышен цокот копыт. Всадник лихо осаживает коня. Это бравый Миша. Он спешивается, обнимает Машу, и тут его лицо меняется. Оно ста-

новится злым, мерзким. Миша сдавливает Маше горло, душист её...

Нечего и говорить, что оба среди ночи просыпаются с криками.

Миша в вестибюле гимназии. Выбегает, как и все ребята, Мотя. Они же спокойно ходить по школе не умеют. Матвей схватил в гардеробе свою курточку, подскочил к Мише.

– Михаил Иванович, боец Матвей Порошин по вашему приказанию явился!

– Вольно, – командует Миша. – Одеваться.

Миша и Мотя выходят из школы, садятся в Мишину машину.

– Рапортуйте, боец, о своих делах.

– По русскому четвёрка, и по истории.

– Принято. Хотя, друг мой, скажу тебе, как говорил не раз: есть две безусловные оценки, два и пять. И две условные: три и четыре. Я люблю, когда ты получаешь безусловные оценки. Тогда понятно направление работы... Так. Значит, сегодня займёмся русским. Прямо скажем, это мой любимый язык.

– Михаил Иванович, а в эрудит сыграем?

– Сыграем.

– Ура! – радуется Мотя. – А как ваша дочка поживает?

– Хорошо. Она у меня, знаешь, раннего развития. Читает, даже пишет. На танцы ходит в кружок.

– А возьмите её как-нибудь с собой, ладно?

– Ладно. Она теперь с твоим медведем в обнимку спит. Не жалко было эдакого зверя отдавать?

– Ничего не жалко. У меня куча всякого пушного зверья. Мама как придет – везёт мешок, как будто я маленький. Не понимает, что уже всё.

– А что – уже всё? – юмористически пугается Миша.

– Сами знаете, Михаил Иванович, двенадцать лет – переходный возраст.

– Знаю, боец Порошин. Но разве только маленькие дети любят игрушки? Все любят, только зачем-то стесняются своей любви. А вот в хороших кукольных театрах работают умные люди, которые не стесняются. Давай сегодня устроим маленький театр, и я тебе покажу, что мамины игрушки – отличная вещь.

– Давайте! – соглашается Мотя.

– Итак, наши действия: обед – уроки – вольные упражнения – эрудит – бокс – театр.

– Принято, – говорит довольный Мотя.

Маша на репетиции в «Свободной опере», спорит с Герцелем.

– Лев Давидович, как хотите – это пошлость.

– Почему пошлость? Это жизнь! Девушка пишет любовное письмо. Она полна огня, мечты, она возбуждена. Я хочу, чтобы зритель почувствовал, как она возбуждена, что такое – волшебный яд желаний!

– Это не девушка из ларька. Это Татьяна Ларина. Это идеал великого поэта и великого композитора.

– На сцене не может быть идеалов. На сцене живые люди. И Татьяна Ларина, и девушка из ларька подвержены одним и тем же законам природы. Надо сбить этот сладкий умильный пафос, уничтожить карамель. Ночь, любовные мечтания, начало страсти – и она предвкушает счастье, ласкает себя, да! Это не надо делать пошло, вот и не будет пошлости.

– Может, мне ещё руку сюда сунуть? – Маша зло показывает, куда.

– Не утрируйте, Маша! Я этого не просил! – сердится Герцель.

– Да? А что такого? У нас свободная опера! Одной рукой Татьяна пишет письмо, а другой... Маша показывает, как это будет происходить, и поёт: Везде! Везде! Передо мной! Образ желанный, дорогой, везде везде! Он предо мною! – Всё, девушка кончила. И письмо написала.

Артисты приглушённо веселятся.

– Репетиция закончена, – медным голосом говорит Герцель. – Все свободны.

Миша и Мотя играют в эрудит.

– Так, – говорит Миша. – А вот я к твоей марке добавляю ноту «ре» и получается отличное слово – «ремарка».

– А что это?

– Мотя, дружище, ты что же, никогда пьес не читал?

– Не-а.

– Ремарка – примечание драматурга. Например, он пишет: входит высокий мужчина средних лет. Откашливается. Становится на голову. Говорит: хорошее настроение у меня сегодня. Вот всё, что до слов «хорошее настроение...» – это ремарка...

Звонит Мишин телефон.

– Да, Ленчик, – отвечает Миша. – Через час буду. Обещал – значит, буду. Всё, не бурли попусту.

– Домой надо? – грустно спрашивает Мотя.

– Да видишь, братец ты мой, мы с тобой закопались с уроками, а я обещал семью сводить поужинать.

– Так идите, Михаил Иванович. Пускай тогда театр в другой раз... А то вы со мной, а у вас своя дочка есть...

– Принято, боец Порошин.

– Михаил Иванович, я забыл спросить, а вы ходили в оперу к тётке Маше?

– Ходил.

– А мы тоже ходили. Бабушке не понравилось, а мне понравилось. Все певицы так выходят на сцену важно, показывают – сейчас я буду петь, а тётя Маша ничего не показывает...

– Просто поёт.

– Она совсем ни на кого не похожа и никогда не притворяется, – говорит Мотя. – Как вы.

– Так не бывает... – бормочет Миша, – никогда не притворяется...

– Она вам разве не понравилась? – удивляется Мотя.
– Нет, почему не понравилась... – сконфузился Миша, – понравилась... Ну, Мотя, до свидания, братец мой. Помни: нам нужны безусловные оценки.

Маша и Юра входят в тот же пивной ресторанчик, где вчера Маша ужинала с Мишей.

– И что ты меня сюда потащила? – недоумевают Юра. – Кабак себе и кабак.

– Да тут кормят хорошо, – отвечает Маша.

В глубине зала сидит Миша с семейством. Миша и Маша заметили друг друга, разозлились и развеселились одновременно.

Маша помахала рукой Мише, подходить не стала. Уселась с Юрой подальше, но в пределах видимости.

– Смотри, певица пришла, которая у Ирины выступала, – напряглась Лена.

– Mam, я хочу пива, – заняла Даша. – Почему вы пьёте, а мне нельзя? Оно вкусное?

Миша двигает к Даше свою кружку.

– На.

– Миша, ни в коем случае... – протестует Лена.

– Пусть попробует и убедится, что это – невкусно.

Лена отнимает кружку.

– Нет. Моя дочь пиво пить в пять лет не будет.

– Папа разрешил... – ноет Даша.

– Папа разрешил, а я запрещаю.

– А папа главное, – наносит удар Даша. – Папа деньги платит. А ты только кричишь.

– Вот ты и довоспитывался, воспитатель, – прошипела Лена.

– Даша, – строго говорит Миша. – Ты неправа. Я зарабатываю деньги, чтобы мама спокойно занималась тобой. Это разделение труда называется. Спорные вопросы мы решаем

вместе. Мы оба главные. Если мама возражает против того, чтобы ты пробовала пиво, я соглашаюсь. Значит, решение принято.

– Оба главные, – вздыхает Даша. – И оба против меня. Сдаюсь!

Миша улыбается.

– Я сейчас приду, – говорит он семейству и встаёт.

Миша в туалете набирает сообщение.

Маша и Юра за столом. Приходит сообщение.

– О, – говорит Маша. – Лев Давидович извиняется. Мы сегодня поцапались на репетиции.

– Ты выбрала?

– А? Да, я буду свиные рёбрышки. Закажи мне, я сейчас приду.

Миша ждёт Машу у туалетных кабинок. Появляется Маша.

– Слушай, – говорит Маша, – какого чёрта ты сюда опять притащился?

Миша обнимает её, целует. Из кабинки выходит здоровенный лысый мужик, весело смотрит на парочку. Те смущены.

– Нормально, ребята, – говорит он. – Бывает, что так припрёт, хоть в клозет беги. Спокойно! Это жизнь. Желаю удачи... – Уходит.

– Сегодня не мог... – бормочет Миша, – завтра, хорошо?

– Отстань, медведь, – отвечает Маша. – Кругом враги. Завтра только после восьми.

Скрывается в кабинке. Миша возвращается в семью.

– Ну? – восклицает он весело. – Ты что, Дашка, так слабо ешь? Давай-ка наперегонки. Спорим, я быстрее тебя всё смету...

Лена подозрительно глядит на Мишу, но доказательств-то нет, нет доказательств...

Маша поправляет причёску, красит губы и благоразумно стирает Мишино сообщение из телефона.

– Ты, наверное, пересеклась с этим... воспитателем? – спрашивает Юра вернувшуюся Машу. – Он тоже выходил.

Маша молчит.

– Грубая работа, – продолжает Юра. – Никакой фантазии.

Маша смеётся.

– Не понимаю, – говорит Юра, – неужели нельзя сделать всё аккуратно, чтоб никто ничего не видел. Нет, ей публика нужна. Зрители! Жена сидит, дочка – её не колышет.

Маша ест, ничего не отвечая.

– Теперь будет молчать, – говорит Юра.

Маша впивается зубами в мясо, как в злейшего врага.

На следующий день Мише пришлось немало времени провести в машине на Кутузовском проспекте. Наконец появилась Маша.

– Привет, – сказал Миша. – Я тебя жду часа три. У тебя что-то с телефоном? Ты не получила моих сообщений?

Маша смотрит насмешливо.

– А зачем ты меня ждёшь?

– Я тебя домогаюсь, – отвечает Миша. – Преследую типа.

– В засаде с ружьём? Проснулись первобытные инстинкты?

– Проснулись, – серьёзно говорит Миша.

– Дёшево купить хочешь, воспитатель.

– А ты дорого стоишь?

– Дорого.

– Сколько?

– Деньгами не беру.

– А чем берёшь?

– Жизнью.

– Это пожалуйста. Это сколько хочешь. – Миша протягивает Маше руки. – На.

Маша заглядывает ему в ладонь.

– Линия жизни у тебя длинная... Ничего ты мне не отдашь, воспитатель.

– Не называй меня так.

Маша смотрит на Мишу, думает.

– У меня тётка живёт под Севастополем. Поехали? Денька на три? Не хочу здесь. Хочу к солнцу.

– Понятно, – отвечает Миша. – Хочешь красиво?

– А ты хочешь в туалете?

– Я думаю, как всё организовать. Это большая работа. Надо везде договориться. Потом есть и финансовый вопрос.

– Ах, я забыла, ты же бедный учитель.

– Маша. Я люблю тебя, но если ты будешь меня унижать, нам придётся расстаться.

– Наглость какая! Мы ещё и не сходились!

– Мы уже попались, – отвечает Миша. – Это неизбежно.

Взлетает самолёт, в нем Маша и Миша. Маша положила голову ему на плечо. Миша, пытаясь преодолеть внутреннюю дрожь, пробует читать журнал, но ничего не понимает. Тихо целует Машины волосы.

На площади перед аэровокзалом Миша договаривается с извозчиком. Вещей у них почитай что и нет – две лёгкие сумки через плечо. Они обращают на себя внимание – красивые люди.

В машине они молчат. Маша смотрит на свои родные места.

Миша взял её за руку.

– Маша... Вот мы с тобой... прилетели...

– Я от нервов заснула, – отвечает Маша. – Ничего не заметила.

– Как ты тихо спишь. Как птичка.

– Не, я вообще брыкаюсь. Ворочаюсь. Люди утверждали – разговариваю во сне на неизвестном языке. Я беспокойный... партнёр.

Миша юмористически пожимает плечами.

– Брыкайся на здоровье. Долго ещё?

– Долго.

– Давай теперь я посплю... – говорит Миша, обнимая Машу.

Они высадились в небольшом посёлке у моря, возле крепкого двухэтажного дома.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной, – говорит Маша.

– Миша, ты извини, я тебя представлю как мужа. Тётка у меня правильная, в Москву провожала – всё пилила, испортишься, говорит, закрутишься, золото на медяки разменяешь...

– Хорошо, пусть я буду муж. И уж попрошу без фокусов. Чтоб слушалась, ясно?

– А я не слушаюсь?

– А вот мы посмотрим, какая из тебя жена.

Тётка Галя, здоровая пожилая женщина явно крутого нрава, как раз домывала полы.

– Эть! – крикнула она с досадой, увидев Машу и Мишу.

– Машура! А что это ты за телеграммку прислала – приеду, когда приеду, чего приеду? Ни дня, ни рейса – ничего...

– Галуша моя... – Маша обняла тётку.

– Да руки грязные, погоди, Машура...

Тётка обтёрла руки об передник, всмотрелась в Машу.

– Хороша, зараза. Ещё краше стала.

– Вот, Галуша, это мой муж. Миша.

– Муж? – удивилась тётка. – Хоть бы слово написала. Честно – муж? Расписались или так?

– Расписались, – ответил Миша. – Только что.

– Снимайте обувь, я вам тапки дам. Пошли наверх, в твою комнату. Я там всё намыла.

Галя проводит Машу и Мишу в светлую, чистую комнату с большим окном на море.

– Так ты поёшь или что? – спрашивает тётка.

– Пою, всю пою. Диск тебе привезла.
– Да как я его слушать буду? Мне его совать некуда, твой диск, – ворчит тётка.

Маша крутится по комнате, напевает.

– Как я хотела к тебе, моя комнатка! Зимой в Москве закрою глаза – и вижу...

– Так чего – приезжай, живи. Ну вы погуляйте пока, а через час обедать сядем. Отдыхайте, – машет рукой тётка и уходит по своим хозяйским делам.

– Ты что молчишь? – спрашивает Маша. – Тебе нравится?

– Да неужели нет? – отвечает Миша. – Как сон всё. Нереально. Нет чувства реальности. Потерял.

– Пойдём к морю. Я в море хочу.

– Холодно, Маша.

– Мне не холодно! Мне вообще не бывает холодно!

Спустились к морю. Маша разделась, бегает по берегу, поёт. Миша приближается к ней с опаской, вспоминает свой сон. Маша оборачивается – но лицо у неё молодое, прекрасное, залитое солнцем.

– Ты что такой надутый? – спрашивает она Мишу. Миша обнимает её, она тянет его в море. – Пошли, пошли, в воду, туда, скорей...

Они прыгают в волнах, целуются.

– Ну вот, – смеётся Маша. – А ты хотел – в туалете...

– Пойдём в твою комнату, – говорит Миша. – Я требую исполнения супружеского долга.

– Прямо сейчас? Может, потерпишь до ночи?

Миша категорически мотает головой.

– Знаешь, – говорит Маша, – я боюсь.

– Все боятся, – наставительно отвечает Миша. – Все боятся и все делают. Хорошие девочки должны слушаться... Господи, какие у тебя глаза... Светишься вся...

– Я родом из солнца! – кричит Маша.

Миша и Маша в постели. Друг в друге, не хотят разъединяться.

– Не уходи, – шепчет Маша.

– А всё, я тут навечно, – отвечает Миша.

– Так и будем жить, хорошо?

– Ага, и ходить так будем. Постепенно к нам привыкнут...

Смеются.

– Нет, надо идти обедать, – вспоминает Маша. – Ты забыл, мы люди, а люди всё время едят...

– Я, может, и человек, а ты разве человек?

– А кто я?

– Стихийное бедствие.

– Не выдумывай... Я человек. Не такой, как ты, но человек. Есть хочу! – вскакивает Маша. – Пошли к людям. Наверное, полпосёлка набежит. Я тут что-то вроде героини.

– Ещё бы... – соглашается Миша, одеваясь.

Маша пальчиком упирается в крест на его груди.

– Ты всё время крест носишь? Ты фанатик?

– Почему – фанатик? Обыкновенный, православный. Рядовой.

– Что, сильно веруешь? – как-то скривилась Маша.

– Обыкновенно.

– А он тебе сейчас не мешал? – ехидно интересуется Маша.
– Там у вас нет трансляции?

– Какой трансляции?

– Ну как же? Седьмая заповедь. Там должен быть голос: грех, грех, грех...

– Там нет голоса. Это символ веры, и всё. А что касается грехов – то это вопрос личной совести. Притом, заметь себе, Маша, – это вопрос моей личной совести, я его и решать буду.

– Ты сказал это злобно.

– Не злобно, а твёрдо.

– Твёрдо, – повторила Маша, пристально глядя на Мишу.
– Раздавишь ты меня... своим крестом.

– Это ты меня сожжёшь... своим солнцем.

– Кто кого, значит? – спрашивает Маша, упершись руками в Мишину грудь. – Ты сильнее меня!

– Я сильнее другой силой, – отвечает Миша. – А твою силу мне-не-о-си-лить!

Оба, смеясь, падают на постель.

Набежало, действительно, полпосёлка: в саду, за столом, под деревьями праздновали Машин приезд человек двадцать. Впрочем, молодых было мало, и Миша с Машей невольно, ничуть не заботясь о том, обдавали людей свежим счастьем, как тёплой волной. Маша с аппетитом набросилась на еду, Миша – нет, в нём всё-таки возникало напряжение от полной загрузки нервов. Тётка Галя, при всей своей наработанной годами чинности, гордилась племянницей открыто.

– Ешь, ешь, моя красавица, – приговаривала она. – Что там в Москве хорошего, в ваших супермаркетах дрянь мороженная...

– В центре вообще продовольственных магазинов нет – офисы, бутики... – ответила Маша.

– А как там у тебя с жилплощадью? – поинтересовалась соседка одного с Галей возраста.

– Снимаю квартиру на Кутузовском.

– Дорого?

– Ой, тётя Люся, вам лучше этих цифирей не знать. Ужасно дорого.

– Когда же тебя по телевизору покажут? – спросил степенный, с обветренным лицом старик. – Такой голос!

– Какой там телевизор, Виктор Николаевич, разве ж туда пробьёшься, в телевизор?

– Чёрт-те что показывают, – сочла нужным сказать другая соседка, помоложе Гали, щекастая, разбитная, с интересом поглядывающая на Мишу.

– Саша, тебе хватит, – успела она заметить своему основательно погрызенному зелёным змием муженьку. – Эту мы пропустим. – Кто теперь поёт! Какие-то девки в нижнем белье, ни голоса, ни фасада, ничего. А Инга-то что? Звонит Инга-то?

– Звонит иногда. В шесть утра почему-то, – ответила Маша.
– Она что ж, и на свадьбу не приехала?
– Так не было свадьбы, тётя Ксюша. Мы так, тихонечко расписались, и всё.

– Вы, значит, тёщеньку свою и не видали? – спросила Ксюша у Миши. – Это да! Это за погляд денежки надо брать!

– Инга – мама моя, она замуж вышла и в Израиль уехала, – шепчет Маша Мише. Миша кивает.

– Да здравствуют доблестные женщины республики Крым!
– воскликнул муж Ксюши, чётко знающий генеральную линию. – Выпьем за их трудовые руки!

Женщины за столом развеселились.

– И за ноги! И ещё чего не забудь! Да нас надо на экспорт гнать!

– Как моё винцо? – спросил у Миши старик.

– Сами видите – идёт прекрасно. Кажется, ведро можно выпить.

– Это, молодой человек, заблуждение. Винцо с секретом.

– На третьем литре секрет, – смеётся Маша. – Как на третий литр повернёшь – бабах в голову! И всё. И мёртвое тело.

– Машенька, ты бы нам спела, – просит соседка Люся. – Мы ж её вот такусенькую помним. Она всегда нам пела. Про маму, помнишь про маму? Чего-то там солнышко проснётся...

– Мама улыбнётся, – говорит Маша. – Лучше другое.

– Что-нибудь давай русское, духоподъёмное, – просит Виктор Николаевич.

Маша задумывается.

– Только чур все вместе?

Маша поёт «Варяга»:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

Гости охотно подпевают, только Миша не поёт, стесняется.

Ночь. Миша и Маша в постели.

– Вот у нас с тобой вроде как свадьба была, правда? – говорит Маша.

– Ну такая... односторонняя. Со стороны жениха никого не было.

– А твои родители живы?

– Только отец. Мама умерла. Ох, батя у меня крут – сам по себе живёт. Решил полностью отделиться от государства.

– А у меня как раз папа умер, а мама жива. Тоже – крутая... Мадам сто тысяч вольт! Ты всё молчал за столом, ты что – стеснялся?

– Да такая ситуёвина, знаешь... как-то неловко. Люди радуются, поздравляют...

– Ну и что? И правильно радуются. Видят молодых, красивых, влюблённых людей – это разве не праздник?

– Да... – отвечает Миша.

– Что, опять? – смеётся Маша. – Сколько можно!

– Я всё время хочу. Кошмар какой-то. Как будто мне пятнадцать лет, ей-богу...

– Ага, чистый мальчик связался с развратной тёткой. Я тебя совратила...

– Солнышко моё... – шепчет Миша. – Лучшая моя девчонка...

Утро. Маша в Мишиной майке спускается вниз – водички попить. Галя возится в кухне.

– Галуша, я водички... – шепчет Маша.

– Ясно, – отвечает Галя. – Чего ж, дело молодое. Такие красавцы оба, приятно смотреть. А что, он вроде как застенчивый такой у тебя?

– Ночью не скажешь, а на людях чего-то да, куксится.

– Ревнивый, наверно.

– Так и я ревнивая. Нашла коса на камень!

– Машура, ты знаешь что? Ты береги счастье-то. Никому не показывай, ничего не рассказывай... Не дразни людей...

- А говоришь – приятно смотреть.
- Я родная, мне приятно. А сколько злых глаз! Ты посмотри, разве много таких, которые по любви живут? Живут кое-как, абы с кем.
- Любовь проходит... – говорит Маша.
- Не проходит она. Не может она пройти. Это мы портимся... И с ребёнком не таяни. Голос голосом, а пару детишек на зиму запастись надо. Не вечно твоя весна-то цвести будет...
- Маша обнимает Гаю.
- Эх, Галуша, как я тебя люблю... Маму так не люблю, как тебя...
- Мать не осуждай, – строго замечает Галя. – Мать – несчастная женщина.
- Что-то у нас в роду негусто женского счастья, – отвечает Маша.
- А ты молчи, – говорит Галя, – живи тише, не пугай его.

День. Миша и Маша гуляют по берегу моря. Молчат и как-то странно поглядывают друг на друга – с опаской.

- Я когда на берегу пою, иногда дельфины приплывают, – говорит Маша.
- К тебе и крокодилы могут приплыть, – улыбается Миша.
- Завтра репетицию прогуляю... Еле отпросилась.
- Да я тоже.
- Я... я Юре всё сказала, он к моему приезду заберёт свои вещи.
- Это правильно, – отвечает Миша.
- Миша, ты не думай... Я ничего такого... Мы взрослые люди...
- Что ты там бормочешь?
- Ты свободен и ничего мне не должен, – твёрдо отвечает Маша.
- Свободен, – хмыкает Миша, прикусывая губу, – свободен... что бы это значило, а?

– То, что приедем в Москву и пойдём себе: ты в одну сторону, я в другую.

– Зачем тогда гнать из квартиры полезного человека? Бедный Юра.

– Это уж моё дело. Я в твои дела не вмешиваюсь.

– Маша, я ничего не знаю, как мы будем жить дальше.

– А давай не будем жить дальше? Давай вот так встанем, посмотрим на солнце... и растворимся...

Они берутся за руки, смотрят на солнце.

– Не вышло, – смеётся Миша. – Не растворились. Очень мы плотные с тобой. Не бери в голову, Машка, всё будет хорошо.

– Лучше, чем сейчас, уже не будет, – отвечает Маша.

Миша и Маша в самолёте. В этот раз дремлет Миша, а Маша пьёт пиво из стаканчика, читает журнал, искоса поглядывая на Мишу.

Миша и Маша у метро «Речной вокзал».

– Я машину возьму, – говорит Маша. – Не хочу в метро.

– Маш, у меня деньги кончились. Двадцать рубчиков осталось.

– У меня есть.

– Будем осуществлять поцелуй? – спрашивает Миша.

– Будем.

Целуются.

– Спасибо тебе за эти три дня. Ты всё замечательно придумала. Я... тебя обожаю.

Маша кивает.

– Что ты молчишь? Я вот дела раскидаю и позвоню. Маша...

– Что тебе?

– Я своих скоро в деревню отправлю, к Лениной маме...

Маша снова кивает.

– Ну что ты мрачная такая? Жизнь прекрасна и удивительна! Маша ничего не говорит.

Маша едет в машине, на заднем сиденье. Шофёр с удивлением и сочувствием смотрит, как красивая молодая женщина отчаянно ревет.

Миша сидит на своём месте в кафе.

– Ну что, Миша, – спрашивает его уборщица Полинка, – навестил тещу?

– Угу, – отвечает Миша.

– Поссорились, что ли?

– Нет, с чего ты взяла?

– Да ты сидишь как сыч, невесёлый. Ты опять в оперу сходи, может, повеселеешь.

– Санкта симплицитас, – усмехается Миша.

– По-латыни отвечаешь, значит. Когда сжигали на костре Яна Гуса, старая крестьянка подбросила вязанку хвороста в огонь. Тогда Гус и воскликнул знаменитое: О, санкта симплицитас! – О, святая простота!

– Слушай, Полинка, ты меня каждый день удивляешь.

– Я же в универ готовлюсь, второй год.

Подъезжает машина, из неё выходит Маша. Она входит в кафе, смотрит на Мишу и направляется вглубь, к буфету. Миша остолбенел, наблюдает за ней. Маша берёт салат, сок, платит и садится за столик.

Миша решает, подходит к ней.

– Как ты меня нашла?

– Ты говорил.

– Не помню...

– Охотно верю. Ты вообще, видимо, страдаешь провалами в памяти.

– Не мог я, Маш. Я машину чинил, потом опять брат Кос-та на голову свалился. Я тебе сообщение послал.

– Даже не позвонил. Даже на это смелости не хватило.

– Зачем звонить, если нет возможности встретиться? Я собирался на днях всё уладить и прийти.

– Зачем звонить? Например, узнать, жива ли я, здорова ли, что со мной.

– Ты здорова?

– Нет. А куда ты собирался прийти?

– К тебе. Ты же говорила вроде – Юра в отставке...

– С какой стати? Чего ради мне ломать свою жизнь?

– А, вот как...

– Вот так, да.

– Тогда извини. Я на работе.

Миша возвращается на место. Маша допивает сок и выходит. Миша, поколебавшись, выскакивает на улицу.

– Маша, ну ладно тебе, Маша... я там не мог разговаривать – кругом люди...

– Пять дней прошло! Ни слова!

– Маша, ну что такое пять дней? Ерунда какая. Не сердись. Хорошо выглядишь, кстати...

– Конечно, хорошо – третью ночь не сплю.

– Мы это уладим... Миша обнимает Машу. – Сегодня же. У меня смена до одиннадцати. Мир?

– Больше так не делай. Иначе я не знаю, что со мной будет. Я умру. Я умру, ты понимаешь или нет?

Миша улыбается.

– Понимаю... Больше так не буду. Так что там у нас с Юрой?

– Да какой там Юра...

Маша одна в квартире. Она накрыла изящный стол – красное вино в стеклянном кувшине, овощи, зелень и фрукты целиком, на блюде. Не может сидеть от волнения, ходит по комнатам. Прилегла на кровать и снова вскочила. Звонит телефон.

– Маша? Это я, Миша.

– Я тебя пока узнаю.

– Маш, сегодня никак. Я завтра приду, после восьми, хорошо? Маша, ты меня слышишь?

Маша выключает телефон, совсем. Наливает себе вино из кувшина и пьёт. Сразу наливает другой бокал. Чокается с

пустым бокалом: Ну, выпьем, дружочек, за солнышко! Господи, какая же я дура!

Маша дремлет на постели. Звонки в дверь. Маша с трудом встаёт, открывает: там Миша, встрёпаный, взволнованный.

– Ты что не открываешь??

– Я сплю.

– Маша, давай вот без фокусов, без русского экстрима, хорошо? Я ей-богу делаю всё, что могу. И больше того...

Маша подходит к столу, грустно смотрит на выпитый кувшин. Зелень увяла, фрукты надкусаны.

– Красиво было... – говорит Маша. – Пропало всё. Сначала всегда красиво, а потом – дрянь, помойка. Вот и у нас с тобой так будет. Господи, три часа ночи. Мне вставать в восемь... Зачем ты пришёл?

– Я... испугался за тебя. Я подумал, что ты одна, плачешь...

– Я не плакала.

– Красивый был ужин. Давай всё-таки смолотим, что осталось? У меня коньячок есть.

Маша молча приносит из кухни две рюмки.

– Солнышко моё, не сердись на меня. Мы с тобой, Маша, взяли слишком высокую ноту... Теперь придётся пониже, попроще.

– Ты мне для жизни не нужен абсолютно, – говорит Маша, кусая грушу. – Мне нужен при мне человек, надёжный, верный, который бы мной занимался каждый день. Мне нужно платить за квартиру, покупать хорошую еду, хорошую косметику, карьеру делать... А постель, что постель? Проснулся и забыл.

– Ты думаешь, ты мне нужна для жизни? У меня всё есть, полный боекомплект. Мне сейчас нужно рывок сделать, а то всё, погрязну в болоте. Сложу крылья...

– Давай тогда попросаемся. Спасибо, было очень приятно познакомиться...

– Да, я думаю, это самое лучшее. Ты молодец, Маша. Трезво и разумно смотришь на жизнь. Очень практична.

- А нам, провинциалам, сантименты – лишняя роскошь.
- Золотые слова. Я сам провинциал.
- Маша чокается с Мишей, смеётся.
- Тогда прощай, мой бедный учитель.
- Может, хватит?
- Что – хватит?
- Дурака валять.
- Я говорила серьёзно.
- А теперь ты у меня помолчишь...

Миша хватает Машу, впивается в губы. Маша сопротивляется, но безуспешно.

Миша и Маша в постели. Маша гладит Мишу по груди, натывается на крест.

– Снимал бы ты свой символ... перед лицом смертного греха. Ты что, на исповеди какому-нибудь бородатому про меня расскажешь?

– Про тебя – не смогу. Про тебя только Богу расскажу.

– Э, Он сам всё знает. Как ты из дома-то сбежал?

– Тихо. Не в этом дело. Лена меня на цепи не держит... Я сейчас чумной, Машка, я никаких решений принять не могу. Я Дашку люблю, она маленькая, денег на жильё пока нет, Лена не работает. Как я их оставлю, скажи, пожалуйста? Какой сволочью надо быть?

– Я понимаю... Только поверь мне, мы с тобой – это ужасно важно, смертельно важно... Если мы это предадим – нам не будет пощады с тобой ни на этом свете, ни на том. И нашим близким хуже будет, а не лучше. Я знаю, знаю, знаю... Что мне делать, чтоб ты мне поверил?

– Я верю, Маша. Я сам знаю. Разрываюсь на части...

– Но мне ведь какая-то часть положена, правда?

– Правда.

– Подавай сюда мою часть... Мм, ничего, часть такая... не маленькая... моя? Честно – моя?

– Твоя, твоя... забирай...

Ранним утром Миша вернулся домой. Костян спит на раскладушке в кухне. Вышла Лена.

– Миша, у Даши температура тридцать девять.

– Вызывай врача.

– Там занято всё время. Надо ногами идти.

– Хорошо, сейчас схожу. А вообще зачем? Бюллетень тебе не нужен, диагноз и так ясен.

– Пусть послушают, вдруг воспаление лёгких?

– Хорошо. Хотя никакого воспаления лёгких у неё нет.

– Очень кашляет...

Костян ворочается.

– Что наш ярославский вепрь?

– Говорит – скоро на работу. Миша, пока Даша не выздоровеет, в деревню ехать нельзя.

– Да, Лена, да.

– Миша... – Лена гладит его по руке. – У нас в школе, рядом, место будет учительницы начальных классов. Я хочу пойти. Как ты думаешь? Семь шестьсот зарплата. Но ещё продлёнка – там полставки...

– Надо подумать. Всё, я пошёл в поликлинику.

– Миша, – говорит Лена тихо. – У нас всё в порядке?

– У нас всё отлично! – натянуто улыбается Миша.

Репетиция в «Свободной опере».

– Маша, – строго замечает Герцель. – Вы сегодня никуда не ходите. У меня такое впечатление, что вы меня вообще не слышите! Ни слова! У вас завтра – «Прекрасная Елена», вы в состоянии петь? Придут эксперты из «Золотой маски», между прочим.

– Простите, Лев Давидович, – отвечает Маша. – У меня личное... Конечно, я буду петь.

– Репетиция закончена, – объявляет Герцель. – Маша, подойдите ко мне.

Артисты расходятся, Маша подходит к Герцелю.

– Что там у вас такое? – недовольно спрашивает Герцель.
– Мужчина?

– Да.

– Серьёзное что-нибудь?

– Да.

– Плохо, – говорит Герцель. – Женатый, что ли?

– Да.

– Совсем плохо. Актёр? Музыкант?

– Нет.

– Хуже некуда, – констатирует Герцель. – Чужак из публики. Маша, вы можете понять, что вы – необыкновенный человек и всё обыкновенное – не для вас? Вот, – Герцель показывает на сцену, – ваше царство. Там, – Герцель показывает на пространство за окнами, – для вас нет ничего. Там горе, унижение, слёзы, распад, сломанная жизнь. Каждый раз, когда вы сунете туда своё красивое лицо – по нему кто-нибудь ударит. Это закон. Талант выдают только тем, кто там – жить не может. Вы мне верите?

– Да, – отвечает Маша. – Лев Давидович, не волнуйтесь так, я спою...

– И упав на колени, мы молим о чуде –

Одари нас своими благами вновь! –

поёт Маша в образе Прекрасной Елены Оффенбаха.

– В мире только любовь нас прощает и судит,

Миром правит любовь, миром правит любовь...

Не очень-то она и верит в то, о чём поёт, эта кокетливая рыжая вертушка, но, глядя на неё, переливающуюся, звонкую, радостную, так хочется жить, любить, петь...

Миша, Лена и Костян грузят машину – отправляются в деревню. Узлы, чемоданы, сумки. Миша взмок, бегая снизу вверх. Наконец, усаживаются. Лена и Даша на заднем сиденье, Даша со своим медведем.

– Внимание! – говорит Миша. – Работают все радиостанции Советского Союза! Сегодня у нас историческое событие

– в известном направлении стартует машина «жигули»! Десять, девять, восемь...

– Надо же, какой ты весёлый... – замечает Лена. – Просто удивительно.

– Семь, шесть, пять...

– Первый раз вижу, чтоб с таким удовольствием собирался...

– Четыре, три, два... Один! Старт! – восклицает Миша. – Поехали! Я всегда весёлый, Лена, когда солнце светит. Ну, Костян, береги квартиру.

Костя машет вслед.

– Ты так и не сказал, когда приедешь.

– Ну, разберёмся. Приеду, куда я денусь.

– Денег на месяц в обрез...

– Я знаю. Будут деньги.

– Интересно, откуда?

– Я сказал – будут. В крайнем случае, продам свой скелет.

– Папа, – испуганно говорит Даша. – Не надо скелет... Как ты его вынимать будешь из тела?

– Тогда остаётся ограбить банк.

– Банк? – задумывается Даша. – Банк можно. Только большой...

– Чтоб незаметно было? Умница. Так и поступим.

Квартира Маши. Миша влетает радостный.

– Всё, Машка! Свободен! Вот он я!

– Да, я смотрю, мужички вообще повеселели – жён на дачу отправили, в глазах поиск... Не думала я, что въеду в такую пошлятину.

– Ты опять...

– Есть хочешь?

– А то! Шесть часов за рулём.

– Пошли в кухню.

Маша делает салат как-то сердито, без вдохновения. В её сияющей красоте стало проступать что-то жёсткое, резкое.

– Хорошо в деревне... – говорит Миша. – Звуки такие, знаешь, приятные – животные всякие поют-мычат...

– Через две недели у нас в театре сезон закрывается. Поедем в Крым? Да, нет? Говори сразу.

Миша задумался.

– Если честно, Маш, денег нет. Но я что-нибудь придумаю. Да. Придётся к отцу ехать, у него всегда запасец... Поехали со мной, а? Ты ему понравишься, это точно. У него дом, хозяйство, парники...

– А что ты ему скажешь, интересно, про меня?

– Скажу – любимая женщина.

Маша улыбается.

– Не, он поймёт. Он сам ходок был тот ещё, даже при маме.

Маша перестаёт улыбаться.

– Понятно. Значит, распутство у вас фамильное.

– Вы, Мария Фёдоровна, с каких моральных высот сейчас изволите судить?

– Ты хочешь сказать, что я распутна?

– Когда я это говорил? Я ни слова не сказал!

– И что, твой папочка хозяйственный – он тоже крест на груди носит?

– Нет, что ты. Он коммунист был правверный. Как мы, значит, свернули с пути, так Иван Петрович мой от государства отделился. Всё, говорит, погибайте без меня в мире голого чистогана. Предали, говорит, вы и отцов, и дедов, и прадедов...

– По крайней мере, по твоему рассказу видно, что это честный человек.

– Ты не сказала – «в отличие от тебя»...

– А ты можешь назвать себя честным человеком? Назови и перекрестись! Перекрестись, православный!

Миша отодвигает тарелку.

– Что-то не пошло... Не могу питаться в атмосфере ненависти. Что ты хочешь, Маша? Чтобы я ушёл, совсем ушёл? Тебе станет хорошо?

– Мне станет хорошо, когда мы уедем.

– Ну вот! Уже что-то. Значит, пойдём по плану. Завтра последний день с Мотей – кстати, он у меня отличник в этом году вышел, – потом смена днём, и что? И можно ехать. Это под Ярославлем, часа три ходу. А у тебя как?

– Завтра «Кармен», потом дней пять перерыв – но репетиции, правда... Я отпущусь, хорошо. Между прочим, к нам в театр твой брательник повадился. Раза три мелькал. Цветы носит и глаза таращит.

– Костян? Да ты что! Мне не говорил. Вот видишь, как ты ярославских ребят вырубает... Ну, солнышко моё... не хмурься... учти, когда ты сердисься – где-то заморозки... иди сюда...

Квартира Ирины Леонидовны. Она угощает Мишу – Мотя закончил школу, маленький праздник. Счастливцев уплетает торт.

– Миша, но я на вас рассчитываю – пожалуйста, в конце августа объявитесь.

– Конечно, о чём разговор.

– Я там со скуки умру, в этой Германии! – жалуется Мотя.

– Что мне там делать?

– О, какие у молодёжи нынче крутые проблемы – правда, Ирина Леонидовна? Нечего им делать в Германии. А дневник наблюдений писать? Каждый день? Я вернусь – будем читать.

– Дневник? Ха. Вообще можно.

– И не забудь подклеивать туда образцы материальной культуры, знаки времени – ну, билеты, программки. Счета из кафе. Получится важнейший документ!

– Мотя, ты поел? Можешь идти к себе.

Мотя хотел было возразить, но по тону бабушки понял, что не стоит.

– Вы без меня только не уходите, хорошо? – попросил он Мишу.

– О чём речь, боец Порошин. Простимся по форме.

Ирина Леонидовна вздохнула, покрутила бокал с вином в руке.

– Я слышала, вы увлеклись... оперой?

– Был несколько раз. Машу слушал.

– Да, я разговаривала с Машей. Она, на мой взгляд, сильно изменилась. За очень короткое время. Ей следует серьёзно подумать о будущем...

– Как и нам всем.

– У нас, Миша, такого таланта нет. И это надо понимать. Маше следует готовить сольную программу, делать профессиональные записи, встречаться с людьми. Миша, вы извините, но, по-моему, она ни о чём, кроме вас, думать не может. Конечно, в таких ситуациях советы посторонних бесполезны. Я это прекрасно понимаю. Но в то же время со стороны то видней. Маша потеряет с вами золотое, молодое время – ей двадцать пять лет! – и, простите, Миша, но – ничего не получит взамен. Вы не бросите семью. Машинными делами вы заниматься не будете – у вас своих хватает. Лето, Миша, пройдёт. Наступит осень. Потом зима. Вы станете бегать, метаться, врать, злиться... и своё отчаяние, свою беспомощность вы свалите на Машу. Она же у вас и выйдет во всё виноватая... Я эти фокусы мужской психики знаю назубок. Миша, вы разумный, ответственный человек – не лучше ли вам остановиться сейчас? Вспыхнуло, просияло – и погасло. И разошлись, живые и невредимые. А?

Миша молчит, глаза его опущены. Затем он пристально смотрит на хозяйку.

– Так говорите – лето пройдёт? Это точно?

– Да, Мишенька, – смеётся Ирина.

– Хорошо. Я согласен. Пусть пройдёт. Но пусть оно будет – это лето! Понимаете – пусть оно будет... пусть будет наше лето, наша осень, наша зима... и пусть всё, что нам положено, – будет с нами. Будет – наше. Машино и моё. Не ваша благо-разумная пустота, а наша дурацкая, неправильная, но живая, живая, живая жизнь!

Ничего на это ответить не может поражённая Ирина Леонидовна. Бокал выпал из её рук и разбился.

Миша в своей квартире, пытается собрать сумку.

– Рубашки на фиг грязные все, – ворчит он. – Костян, вот взял бы, простирнул. Чем в опере штаны просиживать.

– Чего? В какой опере?

– Тебя видели. Ты примелькался.

– Откуда ты знаешь? Ты с ней встречаешься, да?

– Этот вопрос мы опустим. Твоя фигура меня беспокоит. Ты был ясен и светел, а стал тёмн и смутен. Вот что у тебя за работа? Куда ты ходишь?

– Так... Типа охранного предприятия. Ребята ко мне пока присматриваются.

– Какое предприятие? Как называется? Есть лицензия? Кем ты работаешь, где?

– Да так, пока нечего говорить. А где она живёт? Ты у неё был?

– Костян, твоя страсть обречена, поверь...

Звонит мобильный, это Маша.

– Мишенька, у нас облом! Нельзя ехать! Мать приезжает!

– Какая мать?

– Господи, моя мать, из Израиля, не знаю, чего она взбесилась, прилетает завтра утром. Миша, надо встретить! Мы два года не виделись.

– А мы можем её с собой захватить, к папаше? Скажем, что поженились, покажем свёкра...

– Ну не знаю, это с ней надо говорить. Миш, там всё не просто. Самолёт в десять, ты можешь?

– Да попробую. Да, заеду за тобой, хорошо.

– Это она? – спрашивает упрямый Костян.

– Нет, братец, это не она. Она – недоступна для смертных...

– Да, – соглашается Костя с удовольствием, – я тоже так думаю. Недоступна и светит всем – как солнце. Никого рядом не надо, чтоб путался...

Мужские руки заворачивают в тряпьё и укладывают в сумку ружьё с оптическим прицелом.

Маша и Миша в аэропорту ждут прибытия израильского самолёта.

– Только ты ни на что не реагируй, – предупреждает Маша. – Инга Станиславовна любит сразу человека убить. Не поддавайся. Молчи.

– Стани-славовна, господи, язык сломаешь... – ворчит Миша.

Выход Инги Станиславовны трудно было пропустить. Её смех появился на минуту раньше её самой. Маленькая, ярко-рыжая, коротконогая женщина в мини-юбке и кофте, переливающейся всеми цветами радуги, выскочила в зал ожидания как пуля.

– Йес! – закричала Инга Бирман, в первом замужестве Горенко. – Мама моя Родина, а где моя шинель! Доча, а вот твоя блудная мама! Шалом, Раша!

– Здравствуй, мамочка, – кротко говорит Маша. – А где твои вещи?

– Какие вещи могут быть у бедного еврея? Это у нас что – муж?

Инга обходит Мишу кругом, как памятник.

– Ты с ума сошла – на таком красавчике жениться. Как фамилия?

– Трофимов, – рапортует Миша.

– Он русский? Чисто русский? – интересуется Инга.

– Да, мама.

– Что, никакой-никакой кровиночки здоровой нет? Польская бабушка? Еврейский дедушка?

– Нет, – смеётся Миша. – Ничего нету. Ну что теперь поделаешь...

– Инга Бирман, – представляется мамаша. – Актриса эстрады... бывшая. Бывшей советской эстрады бывшая актриса. Так сказать, отставной козы барабанщик! Так. А теперь мы все пойдём и сядем в машину! Алле-гоп!

Мишиного жигулёнка Инга оглядывает критически.

– Ха, карета прошлого. В карете прошлого далеко не уедешь! Так говорил Максим Горький. Пьеса «На дне». Помните, конечно?

– Довольно смутно, – признался Миша.

– Машенька, твой муж тёмный, неграмотный человек? – интересуется Инга.

– Мама, он грамотный. Он педагог по образованию.

– Неправильный ответ! Педагоги-то и не знают ни фига...

В машине Инга беспрерывно охорашивается – красит губы, взбивает волосы, подтягивает колготки, поправляет бюстгальтер, снимает какие-то ворсинки с кофты.

– А я дико извиняюсь, Миша, но на что вы живёте?

– Работаю помаленьку.

– Непонятный ответ! Помаленьку – это сколькаленьку получается?

– В долларах где-то восемьсот – девятьсот... Инга Станиславовна, а что, грамотные люди, они прежде всего спрашивают у мужа своей дочери, сколько он зарабатывает? Максим Горький так советовал поступать?

– Максим Горький тот ещё был жук. Своего не упустил. Но я поняла, поняла вашу тонкую иронию! Да, мы, евреи, мы очень интересуемся – кто на что живёт, что кого везёт...

– Мама, ну хватит, а? Понимаешь, меня раздражает этот театр одной актрисы, – объясняет Маша Мише. – У неё ни капли еврейской крови нету, украинка по маме, полька по отцу.

– Ты знаешь состав крови? – спокойно спрашивает Инга, без ажитации. – Там есть много чего – лейкоциты, эритроциты... а никакой национальности там нет. Не обнаружено. Вот где она – национальность, – Инга стучит по голове. – Только здесь! Вот он где – мой Израиль! Яков Бирман и триста его родственников...

– Как дядя Яша поживает?

– Он поживает пока со мной. По ночам пишет в еврейские газеты проекты обустройства обетованной земли в сверх-

обетованную. Сила привычки, как говорится. Продолжаем спать и видеть сны. Бирману в России снился сон, что он журналист, мне снилось, что я актриса... Вообще он, слава Богу, инженер-электрик, – объясняет Инга Мише, – так что пока есть на что видеть наши сны...

– Ты выступаешь?

– А! – махнула рукой Инга и, помолчав, добавила, – вы сегодня не трахайтесь, а то я буду нервничать.

Ночь, квартира Маши. Миша и Маша в постели.

– А твоя мама – тоже певица?

– Да брось ты... Она это... организатор массовых представлений. Массовик-затейник, короче.

– Темперамент подходящий... Теперь понятно, что откуда взялось...

– Миша, мы обещали маме... – шепчет Маша. – Ты не представляешь, какой у неё слух.

– Китайская пытка... – отвечает Миша. – Ну мы тихонечко...

– Я не умею тихонечко... Это вы, православные, умеете тихонечко, незаметненько... Потерпи. Всего три дня. Считай, что это пост.

Миша вздыхает, ворочается. Встаёт, выходит в кухню попить водички – там сидит Инга.

– Миль пардон, Инга Станиславовна.

Инга молчит.

– Ну, как вам первый день на Родине? – любезно спрашивает Миша.

Инга смотрит на него – без кривлянья.

– Где она, моя Родина? Где моя Родина, сынок?

Миша не знает, что ответить.

Грязноватый пустой офис. Две дешёвые спортивные сумки – про одну мы уже знаем, туда укладывали ружьё. Мужик с маленькими глазами и большими плечами говорит нашему Костяну:

– Это анекдот такой есть, знаешь? Фельшер в зоне спрашивает зека: что болит? Тот отвечает – голова и живот. Фельшер ломает таблетку и даёт: это, грит, от головы, это, грит, от живота. Да смотри не перепутай!

Мужик хохочет, Костян натянуто улыбается.

– Да точно говорю. Я тот зека и был! – веселится мужик. – Вот, значит, и ты: смотри не перепутай. Эту бандуру отнесёшь по адресу, я тебе скажу, а эту на чердак закинешь, я тебе ключ дам. Лады?

– А что там?

– А там такие подарки от деда мороза, чтоб всем любопытным пидерам носы оторвало. Мы денежки взяли? Взяли. Мы ротик на замочек закрыли? Закрыли. О'кей, как америкосы говорят?

Костян кивает.

Миша, Маша и Инга едут к Мишиному отцу. Показываются ворота чего-то вроде древнерусской крепости за глухим бревенчатым забором-частоколом. Гости вылезают из машины, и Миша начинает колотить в ворота.

– Папа! – кричит он. – Папа! Это я!

За воротами заливается лаем собака.

– Вот это поместье... – восхищается Инга. – Ваш папа – удельный князь.

– Вроде того, – смеётся Миша.

– Папа! Давайте вместе – И-ван Пе-тро-вич! И-ван Пе-тро-вич! – кричит вся команда.

Ворота открываются.

На высоком крыльце сказочного дома, стоящего среди такого же сказочного сада-огорода, стоит Иван Петрович Трофимов – жилистый старик с седыми усами, смахивающий на капитана пиратского корабля. В будке, похожей в миниатюре на дом, на толстой цепи лает похожий в миниатюре на хозяина пёс.

– Заезжай, – командует Иван Петрович. – Молчать, – это он псу сказал, и тот моментально заткнулся.

Миша поставил машину и подвёл дам к недвижно стоящему на крыльце отцу.

– Познакомься, папа. Моя жена Маша. Её мама, Инга Станиславовна.

– Я читал твою телеграмму, – ответил Иван Петрович и нажал на пульт управления. Ворота закрылись. – Проходим.

Гости и хозяин проходят в дом, блистающий чистотой и порядком. На стене в нижней большой комнате – два ружья, сабли.

– Вещи наверх, – командует хозяин. – В белую комнату. Маму рядом. Где зеркало. Жду к столу!

Гости поднимаются по лестнице.

– Суровый какой – шепчет Инга Маше. – Я прямо оцепенела вся.

Гостевые комнаты обставлены просто и удобно – комната, предназначенная Инге, поменьше, и в ней есть большое зеркало. Инга ставит сумку, смотрит на себя в зеркало скептически.

– Миш, а что он с нами даже не поздоровался? – спрашивает Маша.

– Ещё чего – здороваться. Буржуазные предрассудки. Да ты погоди, привыкнешь.

Инга «к столу» оделась поскромнее – почувствовав стиль Ивана Петровича. Стол накрыт красиво – овощи, колбасы, яйца, зелень, солёные огурцы и два графина, с зеленоватой и красноватой жидкостью.

– Садимся, – объявляет Иван Петрович. – Вот – всё своё. Ничего покупного нет.

– И колбаска? – удивляется Инга.

– Папа свинок держит, – объясняет Миша. – И водку сам делает.

– Огородная, – показывает Иван Петрович. – И клюквенная.

– И сметанка ваша? – радуется Инга.

– Две коровы, – отвечает Иван Петрович. – Ха! Вчера пошёл, в озере щуку взял. На ужин пойдёт. Во – вашему Гайдару! – и Иван Петрович делает недвусмысленный жест. – И Чубайсу – во!

– И всё на одного? – дивится Инга? – Куда ж вам столько? Торгуете?

– А нет. Покупщикам сдаю. Да и родственникам посылаю.

– Да, папа, ты нас выручаешь просто. За стол не садимся без твоего гриба либо огурца.

– Баню топить? – спрашивает Иван Петрович.

– Топить! Топить! – восклицает оживлённая Инга.

Иван Петрович смотрит на неё строго, та осекается. Маше нравится суровый папаша, она поглядывает на него с любопытством.

Сумка, которую покорно отвёз Костя, уже стоит на чердаке, ждёт.

Иван Петрович и Миша в бане. Отец хлещет сына веником.

– Чего приехал, говори.

– Папа, деньги нужны. Тысяч тридцать – если в рублях.

– Про жену соврал?

– Да. Это для её мамыши... Отец, пойми, ну – пробилло меня на эту женщину.

– Деньги – для неё?

– В Крым хотим поехать.

– В Крым! За границу, значит! Деньги дам – только с возвратом.

– Конечно, пап, о чём речь.

– Красавица, – говорит Иван Петрович, – Маша твоя. А Ленка так себе, пяточок пучок, мелкашка. Жену надо себе вровень брать. Помнишь маму? Как она ходила? Как морская царица! А ведь совсем из простых, проще некуда. Дам денег. Больше дам – свозишь её в Крым и купишь на прощание что-нибудь. Колечко хорошее на память или там брошку. Они как-то меньше плачут, если им колечко...

Утро. Маша бродит по владениям Ивана Петровича. Поглазела на парники, поздоровалась с курицами, раскланялась с двумя коровушками. В дальнем углу сада нашла место непонятное: обсаженная сиренью и жимолостью ограда, в ограде дверца, внутри скамеечка, цветы. На могилу похоже. И точно, фотография женщины стоит – «Елена Трофимова. 1939–1994». Маша присела на скамеечку.

– Рано встаёшь, красавица, – послышался голос за спиной.

– Утро доброе, Иван Петрович. А я как в сказке, весь ваш дворец обошла и нашла потайное место.

– Жена моя Лена.

– Это для воспоминаний – такой уголок?

– Это могила. Там она, прах её захоронен. Урна.

Маша засомневалась, правильно ли она поняла Ивана Петровича.

– Вы здесь жену похоронили? Да разве так можно?

Иван Петрович присел рядом с Машей.

– Нет, Маша, так нельзя. Россия – страна казённая... Родился – бирку на руку, помер – лежи в строго отведённом месте. А я вышел из крематория с урной, и думаю – а пропадите вы все пропадом. Я свою жену похороню в своей земле. Вам не достанется! Хватит! Больше ничего своего вам не отдам!

Маша подумала, что Иван Петрович далеко зашёл в своей войне с государством.

– Мы тогда в городе жили, сюда только на лето... Положи я её в городе, кто бы сейчас за могилой ходил? А так она всегда со мной.

– Хорошо жили?

– Эх, – крикнул Иван Петрович, – не рассказать. Бывало, молчу целый день, а то два, а она только улыбается, ничего в душу не лезет. Весёлая была, как птичка. Вроде тебя.

Маша внимательно смотрит на портрет Мишиной матери, ей кажется – и она глядит на неё с тёплым сочувстви-

ем: дескать, попалась к Трофимовым, так что уж теперь чиркать.

Кто-то открыл сумку на чердаке, установил прицел, приготовился.

Инга вытащила в тень кресло-качалку и лежит, читает. Иван Петрович поливает грядки. Миша подходит к нему.

– Папа, мы бы после обеда и поехали.

– Ладно. Укропа, хочешь, нарежу, редиски. Творог есть.

– Давай, не откажусь.

Инга расхрабрилась, подошла к Трофимовым.

– Я вот смотрю на ваше хозяйство и восхищаюсь. У меня лично нет никаких способностей к земле. Абсолютный ноль. Мне кажется, если я посажу свёклу, вырастет тыква. – Инга игриво засмеялась, но Иван Петрович был неумолим. Тогда Инга добавила простым, искренним голосом: – А по правде говоря, ничего у меня не вырастет.

Иван Петрович скользнул боковым презрительным взглядом по Инге, промолчал.

– У вас зато дети получают, – ответил Миша. – Вот Маша и вправду... как тыква.

– Маша у меня от Бога, – серьёзно говорит Инга. – Там от меня мало. Она сама как-то выросла. Я её никак и не воспитывала.

– Люди сами не растут, без никого, – не утерпел Иван Петрович, продолжая поливать грядки. – Вы если устранились, другие нашлись.

– Я не устранилась, – обиделась Инга. – Я просто над душой у неё не стояла. Она свободно росла.

Иван Петрович хотел было сказать насчёт свободы, но раздумал.

– Мы после обеда едем, – сказал Миша.

– Ой, уже едем? – расстроилась Инга. – Жалко.

– Так оставайтесь, – засмеялся Миша. Инга заметно обнадежилась, и напрасно.

– Ещё чего, – буркнул Иван Петрович.

Деньги Иван Петрович долго считал на глазах у Миши, завернул по-крестьянски в чистую холстину и вручил – всё молча, без наставлений.

Человек на чердаке выстрелил и тот, в кого он метил, другой человек, вышедший из своей машины, упал ниц.

А за обедом прощальным неладно вышло. Сначала сидели мирно, Маша напевала. Иван Петрович хлопнул несколько рюмок и распустил себя. Может, и от жалости к отданным деньгам. Сначала всё молчал и глядел неодобрительно – как Миша шепчет Маше что-то на ушко, как Инга ест, стараясь выглядеть «по-светски», несмотря на божеский природный аппетит. Потом прорвало – из-за мамыши, конечно. Та решила душевный тост сказать.

– Дорогой Иван Петрович! Позвольте мне, по-простому, по-еврейски, пожелать вам здоровья, как говорится, долгих лет жизни и спасибо за сынка – так сказать, по-родственному..

– По-родственному? – налился кровью Иван Петрович. – По-родственному? Нет уж, это ты, старушка, замечталась. Никакой я тебе не родственник.

– Старушка? – охнула Инга. – Какая старушка?

– Да, ты – старушка. Хоть ты в розовых брюках ходи, хоть в оранжевых. А всё то же будет – жизнь прожила, а ума не нажила. Тоже мне, родственница! Балаболка, пустельга.

– Иван Петрович, вы маму мою не обижайте, – вмешалась Маша. – Она вас ничем не оскорбила.

– Папа, ты потише, – тихо, страдальчески сказал Миша. Он папашу знал и давно ждал чего-нибудь такого.

– Я на своей земле, в своём доме, – взревел Иван Петрович. – А эти что носятся туда-сюда? Что они тут вынюхива-

ют? Ты в Израиль поехала? Вот и сиди в своём Израиле. Родственница хренова! Смотрела бы лучше за дочкой, чтоб меньше блядовала, родственница!

Инга сначала опешила от хамства, изумилась до слёз, а потом и сама взорвалась.

– Ты на себя посмотри, отопок! Сидит тут взаперти, землю ковыряет и с ума сходит помаленьку. Да ты и знать не знаешь, как порядочные люди выглядят, как они себя ведут. Старушка я ему! Это вы, куркули, своих жён доводите, что они в пятьдесят лет уже старушки, а мой Бирман со мной до сих пор живёт, и на здоровье, и... как хочу, так и одеваюсь, и вы меня не запугаете, сволочи, и я... Я... не старушка, я прелестная женщина в зрелом возрасте! И дочь моя – гений, звезда, красота, не для таких, как вы, предназначена, не для этого медведя... И вообще – пошёл ты к чёрту, старый дурак.

Последние слова Инга сказала абсолютно хладнокровно, внезапно успокоившись. Всё-таки бывший организатор массовых представлений.

– Мама, не надо, не связывайся, – попросила Маша.

– А я вот тебя сейчас пристрелю, – ласково молвил Иван Петрович.

В самом деле вскинулся за ружьём, пришлось задержать, повалить, встряхнуть, чтоб одумался. Миша всё-таки покрепче оказался.

– Папа, хватит! Папа, мы уезжаем! Давай тут стреляй без нас сколько хочешь! – И шепнул потише: – Стыдно с женщинами воевать, и чего ты взъелся-то на неё? Нормальная тётка, весёлая, живая...

– Давайте, валите, – придя в себя, устало ответил Иван Петрович. – Отвык я от людей. Надоели вы мне за день, как за год. Господи, которого нет, скорей бы к Лене в могилку.

В дорогу Инга нарочно надела что-то несусветное – лиловые брючки с топиком, открывающим пупок. Специально для

Ивана Петровича. Но тот, пережив свои желания, был угрюм и тих. Маша остановилась рядом с ним на крыльце, посмотрела на него с горькой симпатией.

– Всё вы испортили, Иван Петрович. Было так здорово – взяли и смешали с дерьмом.

– А ты не привыкай к хорошему, – посоветовал Иван Петрович. – У тебя хорошего впереди ничего нет.

Маша закусил губу, ничего не сказала.

Инга издали сделала реверанс, фыркнула:

– О-ревуар, месье.

Миша обнял отца:

– Спасибо, отец, прощай, что ли.

Уселись в машину. Иван Петрович нажал на кнопку пульта, ворота открылись.

Иван Петрович смотрит вслед автомобилю.

В машине молчали. Инга Станиславовна, глядя в окно, заметила.

– Совсем нет людей. Едем, едем – и никого. В России что, никто не живёт?

– Мы сейчас одного русского человека повидали, мама, – отвечает Маша. – Тебе мало?

Инга хмыкнула.

– Вообще-то видный мужчина, только самодур и одичал в одиночестве. Нет, если бы мне времени побольше, то, я думаю... Я так поняла, кстати, что вы не расписаны?

– Пока нет. Не успели мы, мама.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– То же самое, что я и в твои семнадцать лет понимала – что ты редкий талант и такая же дура.

Опять замолчали – что тут скажешь.

Вернувшись домой, Миша застал Костяна на кухне в состоянии плачевном – видно, напился в одиночку. Уж Миша

и водой его кропил, и тряс, нет – смотрит белыми глазами и чушь несёт, не разберёшь.

– Миша! Брат! Там фигня получается... Ой, брат, какая там фигня... Я боюсь...

– Понятно, – вздохнул Миша. – Огни большого города, как говорится. Костян, давай держись, мне ехать надо.

– Я пропал, – отвечает Костя. – Всё, пинцет. Приехали, брат... Ты куда?

– Я грешить пошёл, – отвечает Миша, пытаясь разобраться с вещичками, которые ещё можно с собой взять. – А ты кончай распадаться. Квартиру спалишь – голову снесу.

– Мишка... ты с ней?

– С ней, конечно, не с ним. Я белый русский мужчина – гетеросексуал, опора государства. То есть если бы оно было, государство, так я был бы опорой...

– Я хочу умереть у её ног, – говорит Костян. – Лягу и умру.

– Ладно. Вернись – мы организуем. Ляжешь и умрёшь.

– О, как я попал, – тоскливо мычит Костян. – Улетаю...

И всем по фигу...

Повторить-то крымское счастье не удалось: уже в самолёте стали ссориться. Сущие пустяки – купила Маша себе пиво, а Миша возьми да заметь:

– Что-то, смотрю, у тебя любовь с алкоголем пошла.

– Что-о?

– Да что слышала. Мне в последнее время везёт на вас, на пьяниц. Брат вот запил.

– Миша, ты в уме? Помнишь, какое сегодня число?

– Двадцать второе июня, кстати. Тяжёлый день. Я в уме, в уме. Просто, гляжу, у вас в роду вообще какая-то распушенность. Прямо всё вы себе позволяете. Что хотим, то и делаем.

Маша от обиды ничего даже сказать не смогла. Миша и не заметил, что она плачет. Читает себе журнал, хотел что-то сказать, взглянул, а у Маши слёзы текут и лицо трагическое.

– Что с тобой? – удивился Миша.
– А ты... не помнишь... что ты сказал...
– Я сказал? Что я сказал? Маш, это психоз.
– Ты меня... оскорбил.
– Повторяю: это – психоз. Ты что, собираешься на каждое моё слово реагировать?

Маша смотрит на него отчаянными глазами.

– Но я так живу, Миша. Я на всё реагирую. Я пока живая!
– Прекрасно. Я очень рад. Но видишь ли, у всего сущего на свете есть своя мера. Мера, понимаешь? Твои реакции чрезмерны.

Сквозь Машу идёт волна большой злости.

– Ты меня учить не будешь, как мне жить. Ты, со своим жалким умишком, со своими копеечными мещанскими правилами, ты, бревно, меня учить не будешь!

– Ах вот оно что, – деланно спокойно отвечает Миша. – Тогда разговор закончен.

С каменным лицом он продолжил чтение, и уж тут не сунешься ни с какими репликами. Маше осталось только губы кусать, продолжая дуэль разве что в мыслях.

На площади у аэропорта Миша остановился без выражения лица.

– Я думаю, будет разумно посадить тебя в машину и откланяться, – говорит он.

Маша, на этот раз захватившая с собой щегольской чемоданчик, села на него и схватилась за голову.

Миша присел, обнял её, заглянул в мокрое, несчастное лицо.

– Ладно, Маш, ладно, пошумели и хватит... ну не реви. Я вот он, никуда не денусь.

– Ты сказал, что я распутная! Что я алкоголичка!

– Детка, это не так. Я, пытаясь вульгарно пошутить, сказал, что у вас в роду есть распущенность. Не распутство, а распущенность, то есть склонность к свободному поведению...

И я тебя и за это обожаю. И вообще за всё. И лучше на всём свете нет и не предвидится.

Маша улыбнулась и стала успокаиваться.

– Конечно, я стала психованная. Ты не понимаешь, сколько я пережила за этот месяц. Я всего боюсь, я помешалась на тебе, я на каждое твоё дыхание откликаюсь, а ты говоришь – не реагируй... Господи, побереги ты меня хоть немножко, Миша, я тебе ещё пригожусь!

– Да... да... – растерянно отвечает Миша.

Наутро Маша пришла на пустынный берег и вздумала распеться. Вдруг мелькнула спинка, потом другая. Маша смеётся, поёт всё громче, спинки мелькают всё ближе – дельфины приплыли на её голос.

– Миша! – прибегает Маша в комнату, где дрыхнет Миша.
– Ко мне дельфины! Много! Я пела, а они ко мне! На голос!
– Здоровски, – говорит Миша сквозь сон. – Иди сюда. Я твой дельфин. А тех диких забудь. Я им вот задам! Вон пошли, да. Это моя Маша...

– Твоя, твоя, – смеётся она.

Но такие идиллические мгновения редки. Вообще-то дни переживаются нашими героями нелегко. Перекоряться они начинают уже за завтраком. Маша сделала сложную яичницу с овощами и волнуется, как оценит её труд Миша, а тот что-то ковыряется в тарелке.

– Тут перцы, помидоры, лук... ты не любишь разве яичницу с овощами?

– Да, конечно. Очень вкусно. Проблема в помидорах. Не люблю жареные помидоры.

– Я не знала, что у такого крупного мужчины есть такие нежные сложности.

– Никаких сложностей. Я всё ем, просто жареные помидоры я не люблю.

- Я не знала.
- Ну, спросила бы. Да какие проблемы. Отодвину их в сторону – и все дела.
- Их не отодвинуть. Там всё размешано. Проще выкинуть всё к чёрту.
- Маша, я съем, не надо психовать.
- Ну, зачем это себя насиловать, не надо! – Маша резко дёргает Мишину тарелку и выбрасывает её – всю целиком, с пищей вместе – в мусорное ведро.
- Маша, возьми себя в руки. Я тебя серьёзно предупреждаю. Включи контроль.
- Давай сам включай свой контроль! А мне это по барабану! Целый час ему готовила, старалась как дура, а он, видите ли, помидоров у нас не кушает!
- Послушай, это уже невыносимо! Я имею право что-то любить из пищи, что-то нет! Это привычки, это биохимия, в конце концов!
- Да, конечно, у тебя биохимия, а мы веники вяжем!
- Работающая в саду Галуша слышит перебранку, сокрушённо качает головой.
- Мог бы сказать, что не жрёшь помидоров!
- Ты меня не спрашивала! Тебя вообще не волнует, что происходит со мной, тебя волнует только твоя жизнь, твои чувства! А я как вирус – возбудил болезнь, и пошёл на фиг.
- Это неправда! И ты не вирус, а бревно.
- Нет, Маша, я не бревно. Я живой человек. Может быть, я чувствую не так и не то, что ты, а как-то иначе. Но ты не имеешь права меня оскорблять. Ты говоришь: «Я столько пережила за этот месяц...» А я что, по твоему, не пережил?!
- Голос Миши задрожал, ему стало стыдно. Надулся, ушёл к морю. Ходит там один и сердитый.

Сидит в комнате, разложил свои бумаги.

Маша вошла, осторожно спросила:

– Мы в Севастополь хотели?
– Я поработаю тут... – хмурится Миша. – Раз свободное время... Так, кое-что в голову пришло...

– Да, хорошо, Мишенька, – отвечает шёлковая Машенька.
– Конечно. О чём речь.

В голову Мише, однако, ничего не пришло и прийти не могло в таком состоянии. Он угрюмо перебирает бумажки, перечитывает, смотрит в окно. Срывается с места, бежит за Машей. Догнал на море уже.

– Маш! Ладно, чего там. Поехали... Ну, что ты.

Маша всхлипывает у него на груди.

– Я понимаю, ты думаешь, что я сумашайка. Нет, Миша, честно, нет. Я боюсь очень. Мне кажется, вот-вот что-то случится. Что-то нехорошее.

Миша отвечает как-то невпопад.

– Ты не думай, что я что-то демонстрирую... Я думал, может, пописать чего-нибудь, раз свободное время... Просто как-то стыдно ничего не делать здоровому мужику...

– Ты меня любишь. Это твоё дело.

– Понимаешь, зайка, мы, мужики, так уж устроены – счастье счастьем, а работа работой. То, что даёт блаженство, делом быть не может, это железно.

– Пожалуйста, не сердись на меня... Эти помидоры чёртовы на завтрак... Мне и в голову не пришло, что ты их не любишь. А я всегда ужасно расстраиваюсь, если делаю что-нибудь неправильно. Я должна жить с мыслью, какая я хорошая....

– Понятно – смеётся Миша. – Отличница Маша! Всё экзамены сдаёт...

Гуляли по Севастополю, веселились от молодости, хотя ничего особенно весёлого в Севастополе нынче нет.

– Эх, – вздохнул Миша, – когда же проснётся русский дух? Где она, богатырская сила?

– Проспится после пьянки и проснётся, – ответила Маша.
– Слушай, мне бы это самое... в комнату для девочек, короче...

– А вон кафе какое-то. Пошли.

Маша направилась в уборную, а у Миши зазвонил мобильник. Когда она вышла, сразу поняла по его опрокинутому лицу – беда.

– Что, Миша, что?

Миша ответил не вдруг, промывчал что-то.

– Авария. Там, в деревне. Лена, Даша в больнице... Чёрт, чёрт, чёрт!

Миша стукнул кулаком по старенькому столику бедного, советского ещё кафе, так что ёкнулись специи в стеклянных бочонках и салфетки в пластмассовом стаканчике.

Тут у Миши сознание стало работать с перебоями, как-то больше вспышками. Он всё бежал. Бежал к самолёту, бежал домой, бежал по коридору провинциальной больницы.

В глазах стояли картины катастроф: звон стекла, визг тормозов, крики, кровь на асфальте, недвижимая детская рука, свисающая с носилок, накрытых простынёй или чем они там их накрывают. Миша стискивал зубы, мотал головой, пытаясь картинку эти прогнать.

Только у постели Даши пришёл в себя. Даша пострадала несмертельно – рука ушиблена и шишка на лбу, а Лена и совсем оказалась здоровёхонька.

Миша гладил Дашу по рукам, по лицу, целовал в щёчки.

– Доченька, ну как ты, ну что ты, дочура...

– Так мы же сзади сидели, Миша, – рассказывает Лена. – Она головой ударилась, и я головой, только я в просвет попала, между сиденьями... Ничего себе съездили за продуктами, да?

– Болит? Что-нибудь болит? С головой всё в порядке?

– Нет, уже не болит, – ответила Даша. – Бабушку жалко.

– Ты ложись, спи, тебе больше спать надо, – говорит Лена.

– Всё теперь в порядке, теперь папа приехал...

Даша вцепилась папе в руку, смотрит серьёзными глазёнками.

Лена и Миша присели в больничном коридоре – бедном, но чистом и приличном коридоре провинциальной больницы. Лена обняла Мишу, заплакала.

– Они, скоты, уже в пятницу днём все пьяные... И этот гад на грузовике... Мама сразу, не приходя в сознание... И дядя Толя... А мы сзади... Что теперь делать, что делать...

Миша ласкает Лену, вздыхает горько и нежно.

– Что делать, Ленок. Пропало лето. Поживём в Москве, ничего. Главное, вы у меня живые.

– Да, да, – шепчет Лена. – А ты где был? Еле дозвонилась.

– А я за город поехал, к приятелю. Глушь, три часа выбирался. И не позвонить – там едва пробивает.

– Так в глазах и стоит, – качает головой Лена. – Так всё и стоит, не уходит.

Звонит Мишин телефон. Миша взглянул на дисплей, не ответил.

– Миша, телефон, – говорит Лена.

– Потом перезвоню, мне сейчас ни до чего...

– Да, – соглашается Лена. – Дом-то мамин продавать придётся.

– Продадим, – отвечает Миша. – Даше рентген делали?

– Да, конечно, Миша, тут врачи все хорошие. Хирург только запойный, но он вчера вышел как раз.

– Откуда вышел?

– Из запоя. Миша, как у нас люди страшно пьют всё-таки... Что это с нами?

– Интересно жить хотим, – слабо усмехается Миша. – Нам праздник подавай!

– Ага, праздник будет у парня – два трупа и тюряга впереди. Мишка, никогда пьяный за руль не садись! Лена трясёт Мишу за грудки. – Клянись! Дашей клянись!

– Хорошо, Лен, клянусь Дашей. Только не тряси меня, мне и так тошно.

Из больницы Дашу выписали через несколько дней. Семейство осторожно укладывалось в машину – Миша нёс Дашу на руках, хотя она сама могла ходить. Даша печально смотрела на закрытый домик.

- Скоро черника... Мама, может, останемся?
- Котик, я не могу одна. У меня сил не хватит.
- А с папой?
- Папе работать надо. Вот, может, через месяц, в августе, да, Миш?
- Может быть.
- Миша какой-то сонный, заторможенный.
- Миш, а ты чего как спишь на ходу?
- Да так...

Миша смотрит на убегающую дорогу. Примерно каждые восемьсот метров здесь лежат цветы и поминальные веночки – последняя фраза в рассказе о чьей-то злосчастной жизни. Частотность этих фраз может ужаснуть внимательного наблюдателя, но Мише сейчас не до этого. Он точно придавлен.

Дома не лучше – опять пьяный Костян на кухне, и почему-то под столом. Заполз. На вопросы не отвечает, мычит, машет руками.

- Миша, чёрт с ним, – говорит Лена. – Давай вещи разберём. А он пусть сидит под столом, как обезьяна в зоопарке.
- Папа, смотри, у меня новый зверь, – Даша приносит игрушечного тигра. – Это откуда?
- Миш, тут музыкальный центр какой-то, – кричит Лена. – Новенький!
- Слушайте, это Костян, наверное, банк ограбил, – отвечает Миша. – Ничего этого не было, я уезжал. Ладно, как проспится, разберёмся. Пока не трогай ничего, Лен, хорошо? Дашура, давай мы тигра отложим в сторонку. До выяснения обстоятельств. Мне что-то всё это не нравится.

Ночью Лена заплакала, обняв Мишу.

– Мишенька... Вот ты и Даша, и всё, и больше никого... больше ничего... Такое счастье, что ты у меня есть, такое счастье...

Миша ничего не отвечал, не мог. Только гладил её по голове.

Ранним утром, когда семья ещё спала, Миша постучался в ванную, где заперся Костя.

– Открой, живо!

Костя открыл, скорчился в воде.

– Ну, что у нас происходит? – осведомился Миша.

Костя молчит.

– Откуда деньжишки? На что шикуем, спиваемся и покупаем тигров?

– Они сказали – отнести сумки. Я отнёс. А потом по телевизору показали...

– Что показали? Тебя показали?

– Улицу, дом. Этот замминистра, Корольков, ну, его грохнули. Это на этой улице. Чердак. Я сумку отнёс.

Миша всё понял и садится прямо на пол ванной.

– Ты говорил – охранное предприятие, лицензия!

– Уже нет никого, – убито ответил Костян. – И дверь на замке, и ни по одному телефону...

– Понятно, нашли лоха, подставили – теперь можно гулять. Ты соучастник, тебе это ясно? Года четыре – без вариантов.

– Может, не найдут? – с надеждой спрашивает Костя.

Миша качает головой.

– Постой... Это ты... на эти деньги?? Моей дочери игрушки – на эти деньги? Придурок. Долбаный придурок, мразь. Убирайся из моего дома и цапки свои прихвати, а то я их выкину в помойку.

Миша выходит из ванной, мокрый Костя, наспех завернувшись в полотенце, бежит следом.

– Миша, прости, Миша! Я не знал! Они сначала дали зарплату, а потом сказали, будет поручение! Я ничего не знал!

Я думал, это по частному сыску что-нибудь. За мужем чьим-нибудь следить! Мишка, я сам с ума схожу!

– Какой же ты дурак-то оказался, братец ты мой!

– Миша, мне так плохо, – заплакал Костян. – Человека убили, а я помог, получается. Миша, а если я пойду и всё расскажу, меня арестуют?

– Думаю, да. Господи, сколько же вас, русских дурачков, попадает в зону, в восемнадцать, в двадцать лет! А всё лёгких денег надо, всё сладких ощущений не хватает. Пороть вас некому. Я тоже хорош – ведь видел, что с тобой неладно, а мимо прошёл. Не до тебя было. А что сейчас – сухари сушить?

– Дня четыре на улицу не выходил. Боюсь жутко. Миша, ты думаешь, точно посадят, да? Но я же ничего не знал.

– Не ври. Всё ты знал. Сразу ведь догадался, что в сумочке, правильно?

Костян принимается рыдать.

– Реветь не надо. Надо принимать решения. Да, – говорит Миша уже будто сам себе. – Надо принимать решения. Надо.

Миша в своём кафе. Взял тарелку борща – перекусить. Машет уборщице:

– Полинка, давай пообедаем!

– Да я, Миш, на диете, вечером не ем ничего.

– Что ж, каждый по-своему с ума сходит, – заметил Миша.

– Ты, говорят, тещу похоронил.

– Правильно говорят. В аварию попала. Хорошая была женщина. Я её мало знал, правда.

– Что-то ты грустный стал. Сильно переживал?

– Конечно, сначала по мозгам дало. Живу себе нормально, вдруг – хоп! Звоночек! Жена, дочка в больнице, теща в морге. Но я уж оклемался вроде.

– Глаз у тебя рыбный. Тусклый какой-то. Что, нет счастья?

– Счастья нет, – твёрдо отвечает Миша, хлебая борщ. – И не надо. И так хорошо...

– Да? Может быть, тебе пора... в оперу сходить?

Судорога проходит по лицу Миши.
– Поля, не шути, с чем не знаешь.
– Тебя спрашивали, – отвечает Поля.
– Кто?
– Мама её. Там что-то произошло. Вроде как она болеет, в больнице... не знаю, не поняла.

– Маша Горенко? – переспрашивает дежурная, улыбаясь симпатичному посетителю. – Девятая палата.

Двухместная палата с отдельным туалетом. Маша, осунувшаяся, поблёкшая, лежит в постели. Рядом Юра и Инга Станиславовна.

Входит Миша с нелепым кульком яблок. Молчание.

– Убьют, а потом посмотреть приходят, – наконец говорит Инга.

– Мама... – укоризненно шепчет Маша.

– Инга Станиславовна... – Юра делает выразительный знак – дескать, давайте выйдем.

Миша и Маша одни.

– Что случилось? – решился Миша. – Я ничего не знаю.

– Я отравилась, – отвечает Маша. – Неудачно.

– Маша, зачем?

Маша молчит.

– Маша...

– Что ты хочешь от меня? Что я должна отвечать? Зачем люди травятся? Затем, что не хотят жить.

Миша всё никак не мог увидеть её целиком, а воспринимал отдельными деталями – то увидит руку, бессильно лежащую на одеяле, то слипшуюся от пота прядь волос возле уха, то закрытые в тоске глаза.

– Я виноват, – говорит Миша. – Этот экзамен я не прошёл, нет. Не хватает меня на всё и на всех. Виноват. Если можешь, прости. Но жить ты должна по-любому. Нас, идиотов, много, а ты одна. Что, из-за каждого травиться? Плюнь ты на нас, и всё. Мы большего не стоим.

Маша чуть-чуть улыбнулась, посмотрела на Мишу.

– Что у тебя там?

– Яблоки.

– Давай сюда.

Взяла яблоко и стала грызть.

– Хоть бы позвонил, хоть бы слово сказал...

– Я не мог.

– Нет, ты мог. Я тебе скажу, почему ты так сделал: ты решил, что это тебя Бог наказал, за грехи, за меня. Что твоя семья попала в аварию из-за меня! Да? Это так? Скажи правду!

Миша молчит.

– Это так. И ты молчи – не молчи, всё равно. Так вот, Миша, никакой Бог тебя не наказывал, а это ты всё сам выдумал, чтобы жить стало полегче. Чтоб не отвечать за... ну, неважно. Не хочу говорить. Я на самом-то деле умерла. Той Маши, которую ты знал, её больше нет – бедняжка скончалась в страшных мучениях. Ей здесь было не прожить. Теперь я вместо неё.

Миша внимательно смотрит на Машу в некотором испуге – всё ли там в порядке с психикой? В Машиных глазах действительно появилось что-то новое – спокойная решимость, холод свободного разума.

– Маша, я проклятый гад. Раздави меня, если хочешь. Я бы вот с удовольствием умер, правда. Но что, что я могу сделать? Маша, я отвечаю за Лену, за Дашу. Они на мне, больше никого нет. Да, я решил... что мы не можем сейчас встречаться. Я не могу быть такой сволочью – ради своих удовольствий предавать жену, которая только что мать похоронила! Не могу!

– Ты думаешь о своих удовольствиях. Я – удовольствие, значит. А может, я живой человек, с которым надо обращаться по-человечески? Поговорить со мной, объясниться? Нет, не обязательно, и так сойдёт? Эх вы, куркули. Никакой половой культуры. А, впрочем, уже всё равно. Ты за меня больше не бойся. За эту новую Машу, которая сейчас во мне под-

растает, можешь вообще никогда не беспокоиться. А ту, погибшую, – конечно, жалко. Хорошая была женщина... Всё, иди, я тебя не держу.

Миша поцеловал ей руку и вышел.

Инга сразу бросилась обратно в палату, а Юра задержался возле Миши, как бы желая нечто важное ему сказать. Про то, кто на самом деле должен быть возле Маши, а кто должен уйти насовсем. Никак не мог Юра ничего произнести, только губами шевелил.

Но Миша понял его, криво усмехнулся и похлопал по плечу.

Миша вышел из больницы, окружённой парком, присел на скамейку. Кругом звенело полное, жаркое лето с еле заметной ещё ноткой увядания. Глядя перед собой в оцепенении, Миша заметил куда-то ползущего мураша.

С неожиданной злостью Миша прихлопнул мураша богатырской ногой, обутой в тяжёлый, сильно поношенный ботинок.

Наверх вы, товарищи, все по местам! Костян бреется, торжественно и тщательно. Одетый в лучший костюм и белую рубашку с галстуком, гражданин Константин Трофимов, возвышенный и печальный, подходит к зданию Генеральной прокуратуры.

На меньшее человек был не согласен.

Абсолютно пьяный Миша звонит в дверь чужой квартиры. Открывает ему Полина.

– Ты что, Миша? – удивляется она. Миша как-то неопределённо мычит.

– Пошли, пошли в мою комнату, – Полина уволакивает его к себе. Комната её чиста и завешана киноплакатами, много книг и кассет. – Давай чайку, протрезвишься. Что случилось-то? Жива твоя Маша?

Миша кивает.

– Поссорились?

Миша кивает.

– Я видела, когда она приходила... Вы такие красивые оба – противно смотреть. Всех раздражаете только. Вот, пей чай.

Миша покорно пьёт чай.

– Ты уж извини, Миша, не могу я никакого сочувствия изображать. Ты мне нравишься. Только ты мне никогда не достанешься, даже вот в таком виде. Что же мне, плакать, что твоя рыжая красotka с тобой поссорилась, да? Ну, расскажи, что да как.

Миша отрицательно качает головой.

– А кто виноват? Ты виноват?

Миша кивает.

– Я тебе вот что скажу, Мишечка. Ты сказал – счастья нет. Ну, и до тебя многие это говорили, дескать, счастья нет, или там – правды нет, смерти нет... Но дело-то в том, что всё есть. И смерть есть, и правда есть. И счастье есть. Счастье есть! Только оно, как в поговорке, – не про нашу честь. Иди ко мне.

Миша обнял Полинку, уткнулся в неё, поцеловал. Полина постояла в его объятиях, но всё-таки нашла силы разомкнуть их, вырваться.

– А теперь давай убирайся. Я ещё жить хочу. Давай, давай, не балуй. Я вызову такси – и мигом. У меня хозяйка строгая, не разрешает мужчин водить.

– Я не мужчина, – говорит Миша. – Я никто.

– Ты не мужчина? – смеётся Поля. – Тебя в энциклопедии можно рисовать, вот под словом «мужчина» – давать твой портрет. Ты безнадёжный мужчина.

Костя, Миша и Лена за столиком в кухне, закусывают и смеются.

– Костян, молоток! Уважаю! – говорит Миша. – Значит, пойдёшь свидетелем?

– Да, – разъясняет Костя, – Вячеслав Витальевич – это дежурный следователь – сказал, что вот если бы я не заявил, то прошёл бы как соучастник, а раз я заявил, что был нанят

на работу, ничего не знал о преступных намерениях, выполнял отдельные поручения, – то я свидетель.

– Тоже ничего хорошего, – отметила Лена.

– Я и деньги хотел вернуть, но они сказали, что могут зафиксировать такой порыв в протоколе, но взять не могут, потому что никак не провести в отчётности. Вообще хорошие люди такие.

– Да, Костян, судя по всему, криминал – не твоя стихия.

– Что ты, Миша, что ты. Больше никогда. И тех всех уроков сдам, всё расскажу, что знаю. Я, правда, мало что знаю.

– Не боишься? – с интересом спросил Миша.

– Нет. Они думают, дурачка нашли ярославского, ха! – гордо отвечает Костя. – Нет, ни фига не боюсь. Я пока тут пил под столом, у меня весь страх потратился.

– Ты иди лучше с Ленкой в школу работать, – советует Миша. – Она с первого сентября пойдёт. Ну, давайте, понеслись...

– Ты что-то попить у меня начал, – скривилась Лена. – Раньше этого не было. Вчера пьяный завалился, сегодня опять...

– Лена! – недовольно говорит Миша. – Воспитывать меня не будем, ага? И вообще – не раздражай меня! Что ты вечно всякую чушь мелешь, тошно слушать.

– Я что-то тебя постоянно раздражаю. С чего бы это?

– Да просто я тебя не любил никогда, вот и всё.

– Не надо, Миша, ерунду говорить, – спокойно, точно не расслышав, отвечает Лена.

Наступила осень.

Лена, в строгом костюмчике, ведёт Дашу в детский сад – ей нынче на работу. Лена поступила в школу и стала очень похожа на учительницу.

Миша и Мотя подъезжают к Мотиному дому и по дороге до подъезда успевают дружески побоксировать.

Ночью Миша сидит на кухне, пишет свою книгу.

Открылся сезон в «Свободной опере», Маша поёт по-прежнему – Кармен, Татьяну, Виолетту.

– Простите вы навеки... – поёт Маша, а в первом ряду с впечатляющим букетом торчит Костя Трофимов.

Маша на улице, в центре Москвы, встречает, видимо, давнюю подругу – молодую крупную брюнетку с ярким красивым лицом, чем-то похожую по женскому типу на саму Машу.

– Катька!

– Машка!

Обнялись.

– Ну, ты как? У Герцеля?

– Ага. И ещё тут в клубе пою – джаз, вокализы всякие, приходи. Вот, держи визитку, тут написано. Ну, а тебя я видела аж по телевизору. Хороша была Катюша!

– Да пару раз всего и показали. Я же неформат. Свои песенки пою – не попса, не шансон. Непонятно что. Я говорю: это хорошие русские песни. Они отвечают: такого формата нет.

Посмеялись.

– Я, может, в Берлин покажусь, в Дойче оперу... – говорит Маша.

– Ну, а как она, лишняя жизнь? Я вроде слышала стороной, ты из-за какого-то мудилы чуть ли не в больницу попала, что ли? Как-то смутно что-то такое...

– Да это, Катюш, не рассказать... – ответила Маша, посмеиваясь. – Весной, в мае, пристал один типчик. Из себя красивый, ничего не скажу – картинка.

– Русский?

– Русский. Он у Ирины Леонидовны внука воспитывает, вроде гувернёра, и книгу пишет по ночам. Для юношества.

– Умный?

– Ничего себе. Женатый. И дочка там пяти лет.

– Ясно, – вздыхает Катя.

– Да это пожалуйста, мы на это строго не смотрим. Мы всякое видали. Ну, повело меня на мужчину. Загремела я,

точно в итальянской опере, ну, чисто Виолетта. Поехали в Крым.

– Так в её жизни была песня безумная роз? – уточняет Катя.

– Не спорю. Была. Гуляем по Севастополю, мур-мур, гур-гур. Тут жёнка пробивается – чтоб этот «Мегафон» разнесло! – у них авария, тёща насовсем, они в больнице. Побежал мой козлик по дорожке, и только я его и видела. Всё. Ни слуху ни духу. Ни звука ни пука. И телефон поменял, чтоб я не дозвонилась!

– Здорово ломало? – сочувственно спросила Катя.

– В полный рост. Таблеток нажралась.

– Знаешь, это всё игра судьбы и несчастный случай. Спиши в убыток и забудь. Никто не виноват. Мне-то легче – я, как что случается, песенку сочиняю. Пока сочиняю – болит. А когда запою – уже ничего не болит, и я как из бани – открывенна, чиста!

– Нет, – задумчиво говорит Маша. – Вроде не болит. А вообще кто его знает: Она иногда такие метастазы даёт.

– Тоска-то любовная? Это да. Бывает, за всю жизнь не износишь. У меня про это песенки есть всякие. О, приходи ко мне на концерт, двадцать седьмого, придёшь? У меня люди плачут.

– У меня тоже плачут!

– Так мы же молодцы, правда, Маша?

– Правда, Катюша!

Миша сидит в приёмной небольшого издательства. Редактор – маленького роста, бородатый, забавный – смотрит на Мишу доброжелательно.

– А вам, Трофимов, сколько лет? – спрашивает он.

– Тридцать один.

– Ха-ха, – отчего-то говорит редактор. – Плюс товарный вид. Плюс кондиционный текст. Неслабо. Я вас напечатаю.

– Правда? – с довольно идиотским видом переспрашивает Миша.

– Мои дети – числом три штуки, да – мои дети не читают того, что я издаю. Вас они прочтут. Вы умны и наивны в то же время, а это редчайшее сочетание. Таких не просто любят – таких обожают. Теперь так. Я говорил с директором, денег нет. Дадим мало. Дадим две тысячи, ну и процент от продажи. Согласны?

– Согласен!

– И не торгуется, и не ломается, и не кривляется, и тексты хорошие пишет... – делает редактор большие глаза. – Из провинции, что ли?

– В общем, да, – усмехается Миша.

– Ясненько, – вздыхает редактор. – Главное, чтоб эти твари сидели в Москве. Не пускать их в Россию, чтоб народ не портился.

– Какие твари? – спрашивает Миша.

– А ты будто не знаешь, – подмигнул редактор, – какие такие твари бывают! А вот которые людьми питаются.

Миша и редактор посмотрели друг на друга с пониманием.

– Так я вас жду, Михаил, завтра, для заключения договора, – спокойно и торжественно говорит редактор.

Берлин. Кафе. Маша и Юра отмечают успех Машиного показа.

– Нет, но ты бы видела, как он на тебя смотрел! – кипятится Юра. – За такое вызывают на дуэль, ей-богу. Ну всё, Маша, всё. Можешь расслабиться. Это тебе не Родина, здесь, если повезёт, талант находит адекватную денежную стоимость. А тебе после контракта с Немецкой оперой и на родине другая цена будет. Победа, Машка! Чистая победа! Я вообще боялся за тебя. Ты одно время... ну, после этой истории... плохо владела собой. И голос не звучал. Но ты молодец. Вдобавок ко всем твоим талантам, ты ещё обнаружила поразительное самообладание. Не поддавалась на провокацию...

– Какую провокацию, Юра?

– Любовь – это сволочь, – убеждённо говорит Юра. – Она берёт своё и уходит. Ей плевать на человека. А ты остаёшься наедине с кем-то абсолютно чужим и ненужным. Или с ощущением, что потратил душу на кусок дерьма. Ты вовремя остановилась, Маша.

– Надо бы немецкий выучить, что ли. Интересный язык – некрасивый, но впечатляющий. Не надо, Юра, рассуждать о любви. Это ни к чему в любом случае – и когда её нет, и когда она есть. Хочу ещё пива.

– Момент! Как оно там – бир? Во, цвай бир. Я немецкий выучу, не беспокойся. Я вообще проворный, шустрый такой, если ты заметила.

– Ты мой тараканчик, – ласково отвечает Маша.

– Ох уж это пиво... – сокрушается Юра, вынужденный отлучиться.

Как только он уходит, Маша набирает номер.

Москва, квартира Миши. Семья ужинает.

– Лена, я думаю, мы всё-таки можем обойтись без телевизора. Машина важнее. Вот продадим твоё родовое имение – купим телевизор. А сейчас надо менять боевую лошадку. Ты же сама видишь – помирает старушка.

– Я просто подумала, может, как-то можно совместить? Телек купить на распродаже, подешевле...

– Детка, есть закон: за что недоплатишь – того не доносишь, понятно? И что там смотреть, по этому телевизору? Я на работе, в бистро в нашем, днём глянул – мама дорогая, там трупы, стрельба, зона, мат-перемат, про... извращения всякие преспокойно говорится, а у нас ребёнок. Мы в одной комнате! Обойдёмся мы без этого рассадника национального разврата. Я вообще теперь писатель. Приказываю всем читать книжки, и всё.

Тут и прозвонил Мишин мобильный.

– Да, – говорит Миша. – Алло. (Лене) Мне поменьше картошки, я же обедал сегодня. Алло!

Маша слушает его голос, молчит.

Миша смотрит на дисплей, там написано, что номер засекречен. Но он понял, кто это.

– Ты что, худеть решил? – спрашивает Лена. – Давно пора. Ты что-то расплываешься у меня.

– Папа нормальный, ему не надо худеть, – защищает отца Даша. – Папа красивый. У меня в группе все девочки завидуют, когда он за мной приходит.

– Алло, вас не слышно, – Миша встаёт из-за стола, идёт в комнату. – Вас не слышно!

Маша слушает его голос, молчит.

Миша тоже молчит. Потом тихо спрашивает:

– Это ты?

Маша не отвечает.

– Миша, остынет! – кричит Лена из кухни.

Миша слушает тишину, Маша тоже. Наконец связь прерывается.

Маша прислушивается – за соседним столиком добрые бургеры начинают петь старую добрую песенку, стуча кружками в такт. Маша обернулась, стала подпевать, потом громче, потом вообще пошла к бургерам за столик.

Миша вернулся к семейному ужину. Смотрит в тарелку, потом перед собой.

– Кто звонил? – спрашивает Лена.

Миша пожимает плечами, пытается есть.

Звучит-гремит весёлая немецкая песенка. Маша стучит кружкой, упрямо поёт, на лету выучивая слова, и кажется лёгкой, гордой и радостной.

Если, конечно, внимательно не смотреть в её глаза.

Санкт-Петербург, 2005

ПОСЛЕДНЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Рассказ

– Анна Марковна? Шестнадцатая палата.

В голосе медсестры ему почудилась знакомая смесь опаски с уважением, чувство, которое его мать любила и умела внушать всем, даже мимолётным встречным. Перед дверью он тихонечко, как нашаливший пёс, вздохнул. За тридцать восемь лет, прожитых на свете, он не научился быть самим собой и быть с матерью одновременно. Что-нибудь одно получалось.

Анна Марковна Волькенштейн, грузная седая женщина с большим острым носом, похожая на лайнер, неторопливо рассекающий океанские воды, занимала собой однуместную палату по коммерческой цене. Двое преуспевающих детей никогда не позволили бы ей тесниться среди прочих, а потому Анна Марковна видела себя теперь единичной владелицей телевизора и холодильника. Обоим предметам роскоши давно было пора на пенсию по старости – телевизор отчаянно врал цвета, превращая надёжный и родной красный в сомнительный розовый, а с холодильника эмаль слезала хлопьями, как обгоревшая кожа. Но в палатах рядышком и того не было. Анна Марковна состояла, видимо, в прямом родстве с жизнью, и жизнь до поры подыгрывала ей, поддавалась, притворялась – ясной, управляемой и понятной, как всякий телевизор, пусть и старый. Ясность матери восхищала и пугала Олега – трудно ждать милости от человека, никогда не видевшего тёмной стороны улицы.

Даже случившийся с ней микроинфаркт Анна Марковна обратила в свою пользу. «Я всегда говорила – сердце». «Я, например» и «Я всегда говорила» оставались самыми частотными выражениями Анны Марковны. Она хотела знать всё заранее и досконально – куда пошёл муж, что делают дети, от чего она умрёт. Настоящая учительница высшей школы. В море русского хаоса всегда плавали две-три деревянных идейки для спасения таких, как она – *желающих спастись*, – и эти идейки кое-как, но поддерживали отдельные тела, даже такие большие, как у Анны Марковны. Неминуемая польза от чтения художественной литературы и правильный, почти научный выбор спутника жизни – в это мама верила больше, чем в Бога, который всё-таки был фигурой сомнительной, о которой толком ничего не известно. Где он учился? Кто его родители? С кем он дружит? Почему разрешает такой откровенный культ своей личности? Было непонятно...

Между тем оба ее ребёнка до сих пор не завели семьи: и северного письма красавица-пианистка Эльга, и стройный, голубоглазый Олег – бывший танцовщик, ныне практикующий хореограф с репутацией на Западе. Тридцать лет Эльге, а Олегу скоро будет сорок. Дети были красивы, умны, талантливы, здоровы, дети хорошо зарабатывали и всегда заботились о матери. Тем не менее что-то с ними было не так. Какая-то гниль укрывалась за яркой кожурой спелого плода, какая-то змея сидела в розах; и простым, прямолинейным наездом ни гниль эту, ни эту змею было не обнаружить, но вести себя сложнее Анна Марковна не умела.

Вот и сейчас она сидела, насупившись, уже с незримым пулемётом в руках, конечно, так её и дразнили на кафедре – *Анка-пулемётчица*, – но боевая дочь гениального бухгалтера Главювелирторга Марка Сэпмана, по счастью, дико нравилась аспиранту по скандинавской литературе Леониду Волькенштейну, по забавному совпадению, тоже Марковичу. Марк Волькенштейн, теория механизмов, гонения в пятидесятых и дом в Комарове в шестидесятых, – звучное имя.

Анна же, по мнению Леонида, явилась воплощением древних дев-воительниц, о которых он читал у Ибсена. Что ж, слияние Сэпманов и Волькенштейнов обещало в будущем создать непобедимый род, у истоков которого стояли, как классические колонны, могучие деды: еврей Марк и немец Марк, в чьих генетических программах скопилось талантов и добродетелей на полк внуков. Но в дело вмешались русские бабы, и от этого или от чего другого, но все программы полетели к чёрту.

Род никуда не продолжался. Род заканчивался, ветвь засыхала, и женщина, прекрасно сделавшая свою женскую работу, вырастившая двух здоровых детей, – вдруг различала на таком милом, таком материнском лице жизни отвратительную усмешку.

Признать, что жизнь посмеялась над тобой? Поссориться с ней? Это очень уж героический и совсем не женский путь.

И вот Анна Марковна сидит в палате, готовая к решительному разговору. Теперь у неё на руках сильные козыри – она больна, может умереть. Дети просто обязаны обеспечить ей тот уровень ясности жизни, к которому она привыкла. В конце концов, если они любят её – она вправе потребовать *доказательства*.

Олег не был притворяшкой, умело ведущей тайное существование, да и стиль жизни его среды не предполагал лицемерия. Чего-то он матери не говорил, это правда, но специально не скрывался. Все знали – знала сестра, знали друзья, коллеги, соседи по даче. Но читать умеет только тот, кто знает буквы, поэтому Анна Марковна вовсе не понимала текст поведения сына – она не знала элементарного. Она считала, что Олег пожертвовал всем ради своей профессиональной карьеры.

– Мамочка, котечка моя... – он ласково потёрся об её щеку своей, гладко выбритой и приятно пахнущей. Он всегда был кроткий, ласковый. Хороший сынок, сын-игрушечка. И розы

принёс, и к розам захватил негазированную воду и простую стеклянную вазочку – чтоб не ставить в какую-нибудь ужасную пластиковую бутылку. Не выносил вульгарности.

– Долго ты ехал... – сказала она с нарочитой укоризной. Он был не виноват, она знала.

– Ну, мамочка, как же долго! – Олег красиво всплеснул белыми, нежными руками. – Сразу, как тётя Наташа позволила, договорился – дали целую неделю. Испанцы всё-таки. На нас чем-то похожи, распиздяи. Немцы бы ни за что – выпуск, понимаешь, всё по календарю...

– Олег, не ругайся.

– Я ругался? Когда?

– Определение испанцев.

– Ну, мам, я не знаю, как иначе сказать. Нет синонима!

Он ставил «Лебединое озеро» в Испании – умную, старательную копию того, что видел в детстве.

– Я ведь умоляла: никакой еды.

– Мамочка, это не еда, а баловство – орешки, курага. Сердечникам нужна курага...

– Послушные дети нужны сердечникам больше, чем курага, – изрекла Анна Марковна.

– Слушаю и повинуюсь! – с усилием засмеялся Олег, чувствуя недоброе.

Анна Марковна отложила в сторону роман Улицкой, картинно поправила тонкой, мягкой шерсти цветастую шаль (июнь в Петербурге бывает неласков), дочкин подарок, дети любили красивые вещи, знали в них толк.

– Олег, милый мой... Вот и прозвенел мой первый звонок, и ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Прежде, чем я окончательно распишусь в той повестке, которую мне обязательно вручат... не перебивай. Мне шестьдесят семь, я похоронила мужа, и я знаю, что я говорю. Всегда знаю. У меня есть мечта, которую ты можешь исполнить. Я не стану утверждать, что это легко и просто. Нет. Это никогда не было легко и просто. Но это исполнимо. Это в твоих

силах. Ты, в конце концов, должен это сделать, если любишь меня.

Анна Марковна погладила сына по голове, жёсткой от геля для укладки волос, заглянула в светлые виноватые глаза с ресницами, окрашенными в салоне красоты.

– Прежде чем я умру, я хотела бы увидеть твою жену.

Это было невыносимо, как всегда. Всю дорогу Горькушка ныл, куксился, требовал то воды, то уборную, то почему-то гамбургер.

– Хочу кусочек нормального американского дерьма, – объяснил он. – Ты меня затрахал своей японской рыбой. Саси-ми. Су-си. Совершенно неприличные звуки... Сам соси своё суси. – И с детской радостью расхохотался, довольный каламбуром.

Они были вместе уже семь лет. После некоторого, впрочем, лёгкого, распутства юности, Олег стал предпочитать постоянные, прочные связи. Танцовщик Игорь – Горькушка – был, если считать по меркам натуралов, его второй женой. Выглядел он как уменьшенная, улучшенная и слегка подкопчённая копия Олега. После гамбургера Горькушке стало плохо, и он замолк, борясь с тошнотой, став ещё более привлекательным, как всякий красавчик, который позволяет себе быть жалким и бледным. «Да, обязательно нужен лёгкий изъян, – подумал Олег, стараясь спасти свой “форд” на разбитой вдрызг 2-й Дачной улице посёлка Комарово. – Совершенство противно. Собственно, то, что мы считаем совершенством – то есть безошибочность, отсутствие погрешностей – видимо, в высшем смысле совершенством не является...»

– Комарово – прикольное местечко, но я его всегда боялся. Что-то мне там жмёт, знаешь. Может, из-за Эльги.

– Брось, пожалуйста. Эльга прекрасно к тебе относится.

– Эльга никак ко мне не относится. Меня просто нет. Слушай, она всегда была такая?

– Лет с четырнадцати. Косу отрастила, стала улыбаться этой своей улыбочкой... Типа «всё знаю, никому не скажу»...

– Между прочим, играет она так себе.

– Не согласен. Просто ей не надо братья не за свои вещи. Как и всем нам.

Деревянный дом Волькенштейнов выглядел именно так, как должен был выглядеть в 1963 году, нормальный советский профессорский дом – острый верх на память о модерне, терраса, веранда, летняя кухня. В прошлом году обновили краску, оставив привычное коричневое с белым, не тронули и забор-сетку: пусть не в духе времени, но не бежать же вдогонку за жлобами, обводя свои владения сплошной стеной. На участке не было никаких признаков русского невротического овощеводства – только цветы и сирень у забора. Сирень уже отцветала. Вечер был светел, из дома слышались звуки рояля, этого величайшего из воспитателей. «Все детство сам сидел, потом Эльга... – подумал Олег. – Моя чёрно-белая родина... Хотел бы обратно, куда-нибудь в семьдесят второй? Вообще да, да, конечно...»

Эльга встретила брата радушно, насколько это было возможно при её чувственном своеобразии, которое многим казалось бесстрашием, абсолютным холодом, насмешкой природы. Если в её игре всегда была страсть, даже ярость, то в личном общении человек не всегда понимал, видит ли и слышит ли его эта царственная молодая женщина, которой так шло её изобильное серебро – серебряные цепи на шее, браслеты, тяжёлые кольца на руках. Не спеша – а она не спешила никогда – Эльга принялась накрывать ужин в маленькой гостиной с круглым столом.

– Держи, сестрёнка! – и Олег бросил Эльге пёстрый шарф.
– Привет от Испании!

– Спасибо, – и Эльга внимательно изучила шарф. – Шёлк. Очень хорошо, Олик. Ты водку пить будешь?

– Лучше виски.

– Да. А Игорь что будет?

- Ты у него спроси.
- Он куда-то делся. Он боится меня.
- Эх, тут бы ремонт! – вздохнул Олег, осматривая гостиную. – Цены бы дому не было!
- Даже без ремонта цены нет, – сказала Эльга. – Мы теперь с тобой на золоте сидим. Участок тридцать соток, ты что. Это полмиллиона верных.
- Правда?
- Черкасов свой за миллион продал. Банкиру из Москвы.
- А хватит на всех банкиров из Москвы?
- Конечно, хватит. У нас грибов в лесу меньше, чем у них банкиров.

Горькушка метался по дому, за столом не сидел – выпьет рюмку и бродит, насвистывает, танцуя. А брат с сестрой вели серьёзный разговор.

- И ты обещал жениться?
- А что мне было делать?
- Олик, но ты же её знаешь. Она привыкла, чтоб всё исполнялось, как она сказала. Вот она приказала мне завтра быть у неё – и только физическая смерть может мне помешать.
- Я знаю. У меня неделя на всё. Найди мне кого-нибудь.
- Девку найти? Понятно. Лучше провинциальную? Ага. А что ты ей предложишь?
- Содержание могу предложить, связи, если она из нашего мира. Но лучше не из нашего.
- А внешность?
- Олег юмористически пожал плечами.
- Знаешь... – и Эльга стала задумчиво поедать фаршированный перец. Она много ела, но могла и совсем ничего не есть. Ела она с едва заметным удовольствием, но голодала уж точно без всяких страданий. – По-моему, я её нашла... То есть я не искала, но это она. Точно.
- Неужели? – вдруг нарисовался Горькушка. – А ты, мой милый, ничего мне сказать не хочешь? Не собираешься

меня поставить в известность о своих жизненных планах, например?

– Обязательно поставлю. Пока ничего нет, никаких планов. Мать лежит в больнице и просит, чтоб я женился, вот и всё. Ты считаешь, я больную мамашу должен срочно просветить насчёт политкорректности? Мне легче жениться.

– Идиотская страна, – буркнул Горькушка. – Одно лицемерие кругом. Почему мы с тобой должны скрываться и врать?

Эльга пристально посмотрела на Горькушку, и ему опять захотелось *не быть*.

– Смешной мальчик. Ты думаешь, на свете есть очень много матерей, которые ликуют и пляшут от счастья, когда выясняется, что их дети... что, короче, внуков не будет? При чём тут страна? У тебя мама есть?

– В Пензе, – ответил Горькушка понуро.

– Давно не был в Пензе?

– Девять лет. Но я деньги посылаю!

Эльга усмехнулась и продолжила разговор с братом.

– Значит, такая худенькая, тёмненькая, симпатичная. Глаза большие. Абсолютно идиотское имя. Снежана. Знаешь, эти провинциальные мешанские фокусы... она сама из жопы мира какой-то. Живёт у Марины Зиновьевны, у моего педагога, помнишь? Ну вот, она её приютила на время – жалко очень стало.

– А что с ней такое?

– Приехала поступать в театральный, ну не поверишь – напал маньяк в подъезде, стал душить, поранил шею. Потеряла голос.

– Вообще не говорит? Да это находка! Немая жена!

– Немножко говорит, шёпотом. Лечится. Марина с ней у врача познакомилась. Я могу её завтра вечером привезти. Девятнадцать лет...

– Женишься, чтоб маму успокоить, а мама ещё сто лет проживёт. Вот и парься с этой Снежаной как дурак, – зло сказал

Горькушка. – Потом мамаша детей потребует, надо будет детей откуда-то выкапывать. Занятий на всю жизнь.

После завтрака сидели на террасе вчетвером – Горькушка загорал в шезлонге, и с ресниц его стекало презрение к происходящему, Эльга вязала полосатый, синий с оранжевым, шарф, а Олег рассматривал Снежану, иногда обращая внимание и на соседскую полянку, где подтягивался на турнике юный Никита, внук драматурга Кириллова.

Снежана казалась милой домашней девочкой или была ею. Очень коротко стриженная, без косметики, в джинсовых шортах и белой майке, она трогала сердце, как это обычно делают небольшие парнокопытные – олени, козули, антилопы. Иногда она шептала, иногда писала ответы в блокноте, что всегда был под рукой.

– Может, всё-таки мы могли бы как-то вам помочь? – спрашивал Олег, ласково заглядывая в зелёные, искристые глаза возможной невесты. – Что врачи говорят? Голос восстановится?

Снежана кивнула и написала – «Скоро операция, обещают всё в порядке».

– Но этот год всё равно уже потерян... то есть для поступления, да? Что же вы будете делать? Домой, в родной Кременчуг?

Снежана покачала головой.

– Пока у Марины... – шепнула она.

– Что ты орёшь? – недовольно сказал Горькушка. – Она же слышит хорошо. Я надеюсь.

Снежана написала: «Я слышу хорошо, вы не сердитесь, многие почему-то повышают голос, когда говорят со мной». Показала Олегу и Горькушке.

– Снежана, мне сейчас надо к маме в больницу, мы с Эльгой ездим через день, по очереди, я приеду вечером. Вы не уезжайте, хорошо? А завтра мы с вами погуляем. Вы куда хотите?

– На кладбище – пискнула Снежана.

Поймав чуть вопросительный взгляд сестры, Олег одобрительно сощурился и слегка кивнул – девочка по первому впечатлению на роль подходила.

В устройстве Эльги был секрет, о котором не знал никто. То, что в трудах и страданиях добывали из тел друг друга мужчины и женщины, мужчины и мужчины, женщины и женщины, ей досталось даром. Без всяких механических приспособлений, ничем не раздражая свою плоть, а лишь усиленно сосредоточившись, Эльга вызывала в себе сладостные ощущения, порой достигающие сокрушительной силы. Это началось очень рано, когда ей не исполнилось и семи лет. Для блаженства требовалось лишь уединение и подходящий настрой, и вовсе не требовалось никакого партнёра. В юности ей было сладко и стыдно, порой она злоупотребляла своим даром и проводила целые дни в ярких судорогах, с трудом унимая бешено бьющееся сердце. Потом стыд ушёл, и она научилась распоряжаться чудом, вызывать его или отдалять. «Совокупляюсь ли я сама с собой? Или это делает кто-то незримый?» – иногда думала она не без некоторого ужаса (кто же – незримый? нет, не хотелось знать). Эрос и музыка жили в ней нераздельно, не нуждаясь в других, и оттого счастье так часто заливало ее душу, как солнце заливает летним днём удачно расположенную террасу. Теперь-то она знала, что так, как у неё, не бывает, что ей повезло, что это и есть божественная полнота жизни, почти недоступная на земле. Она готовилась к блаженству, выбирая время и место, умащивая тело душистыми притираниями, подбирая музыку, с умилением и нежностью вспоминая шалости юных лет, когда она *делала это* в метро или на уроках в школе, и никто никогда не знал, не догадывался. Когда Олег с Горькушкой уехали в город, Эльга отправила Снежану на залив и немедленно (хотелось сразу после завтрака, но было никак) предалась самостоятельной любви. Десяти-пятнадцати минут обычно хва-

тало, чтобы тело превратилось в ослепительно белый, содрогающийся пульсар, но накануне большого взрыва Эльга заметила уставившиеся на неё с испугом и восторгом чужие глаза.

Снежана вернулась через два часа, написала: «Прости, я случайно», и с убитым видом подошла к Эльге, сидевшей в палисаднике на скамейке с обычным вязанием. Та ничего не ответила, борясь с искушением любопытства – ведь никто не видел её в эти минуты, и она не знала – как это выглядит?

– Я немножко скучаю, – соврала она, – у меня недавно был роман и весь вышел. Иногда, если нет мужчины, я делаю это сама. А ты что, испугалась? Это так страшно смотрится со стороны?

– Нет, нет, – заволновалась девушка, пытаясь изобразить руками что-то волнующее и необыкновенное. Потом написала: «Ты была очень красивая, как на старых картинах, и от тебя шёл свет».

– А, – ответила Эльга. – Вот как. Тебе понравился мой брат?

– Да, – кивнула Снежана. Написала: «Очень, очень. Он сказка.».

– Он, конечно, сказка. Но он не мужчина.

– Мне не нужны мужчины, – прошептала Снежана.

– А кто тебе нужен?

«Никто» – написала девушка. «Я не хочу».

– Совсем ничего, никого, никогда? А, понимаю. Это из-за того гадёныша, который на тебя напал. Удивительно, как всё удачно складывается...

Три дня прожила идиллия, сложилось *тело компании* – Олег с Эльгой, Горькушка, Снежана, иногда к ним присоединялась соседка Марина, крупная во всех смыслах дочь драматурга Кириллова, и её молчаливый, спортивный сын; гуляли на озёрах, ближних и дальних, в кафешках у залива, пили вино, чаще всего плохое, не везло, маялись наутро жи-

вотом от неперевариваемых шашлыков, пытались найти в посёлке дома знаменитых людей, памятные с детства, но сразу запутались, заплутали, попали в какие-то руины, потом в новостройки; были облаяны свирепой собакой, бежали, смеялись, ездили в Зеленогорск покупать купальник для Снежаны, у которой не было никаких вещей, зашли в церковь, потом молчали. Небо лежало низкое, пасмурное, но дождь накрапывал редко; вечерами прояснялось, и над заливом являлись миражи из облаков – как будто дальний дивный город над озером, с крепостной стеной и силуэтами церквей... Однажды вечером, обсуждая один такой мираж и разглядывая смешную, карикатурную парочку, которая ужинала за столиком напротив – толстый кривоногий лысак и блондинка нечеловеческих пропорций, – сбились с хорошего тона, заговорили о чём-то похожем на смысл жизни.

– Вот что меня удивляет, – сказал Олег. – Лето, июнь. Курортное место. Но как-то ужасно, удивительно пустынно, или такое впечатление, что пустынно. Мало хороших компаний – вот таких, как наша, потому что у нас сложилась прекрасная компания, я считаю... Ну, где-то кто-то гуляет. Доносится варварская музыка. Иногда мы видим, как проносятся машины. Видим стройки, рабочих, наблюдаем, что возносятся к небу стены и заборы. Но тамошние обитатели так и сидят там, у себя, *за заборами*... И получается такая странная жизнь... Метёт мусорный ветер, много разной грязи, грусти... И мы, молодые – ведь ещё молодые, правда, сестрёнка, – молодые профессионалы, живём своим трудом, от черты – до черты, такое общение, да? Ни в каких играх, кроме личной жизни, не участвуем...

– Что хочет сказать говорящий оратор? – картинно удивился Горкушка. – Что мы одиноки? Но так было всегда.

– Мы одиноки и мы на чужой планете, – уточнила Эльга. – Пропавшая экспедиция, так сказать.

– Оттуда? – спросила Снежана, улыбаясь и показывая на облачный город в небе.

– А ты как думаешь? – заинтересовался Олег. – Ты сама-то откуда? Я заметил – ты вообще ничем не питаешься.

– Вчера салат ела на моих глазах, – вставил Горькушка. – Ест, но мало, очень тихо и всегда аккуратно. Пить же не пьёт. Я наблюдаю.

– Ей нельзя алкоголь, – разъяснила Эльга, которая уже полюбила возиться с девочкой – купила ей новые джинсы и свитер, по вечерам готовила полезные отвары.

– Я не понимаю вот что, други мои любезные, – сказал Олег. – Мы что-то кому-то должны или уже ничего и никому?

– Да, это вопрос! – засмеялась Эльга. – Типа быть или не быть. Тот же уровень крутизны.

– И бессмыслицы, – добавил Горькушка.

Вечером того же дня Олег напился. Он бродил по дому, то поднимаясь к Эльге и Горькушке наверх, то спускаясь вниз, в маленькую гостиную, где стелили по вечерам Снежане; домочадцы ласково огрызались, Снежана смущалась как всегда, но с ней Олег говорил всё больше и всё откровеннее.

– У меня нет настоящего таланта, – наконец сказал он. – Я способный, и я умею работать. Хорошее образование. Мало пью. Не развратен, нет. Там это понимают, и туда я вписываюсь, потому что я в формате. Но таланта у меня никогда не было. Я не оригинален... Но это вообще всё ерунда, понимаешь? Что я говорю сейчас. Ни у кого нет таланта, может, пять человек есть на весь мир, случайно проскочили. Потому что Бог забирает обратно свои искры, ясно? И не хочет больше их совать во всякое дерьмо. И всё равно теперь... Надо работать и делать милое лицо, и не сердить маму, ты меня понимаешь? Ни черта не разобрать там у тебя за этими ресницами... Кто сказал, что я не люблю женщин? Это я сам сказал, да. Я мог бы любить женщин, если бы... если бы что? Надо подумать...

Пока он думал, Снежана написала: «Я вас понимаю и люблю». Прочитав это, Олег рассвирепел.

– Вот! – закричал он. – Поэтому я вас и не люблю! Потому что вы ничего не стоите, вы слишком доступны и на всё согласны. Дешёвка, понимаешь? Я вот, знаешь, сколько Горькушку обламывал? Он ведь до меня и знать ничего не знал. А ты что? Раз – и она готова. Уже любит! То есть говорит, что любит. Что, домик наш понравился? Домик хороший, на пол-миллиона... Чего ты руками машешь?

Тут Олег разглядел, что девушка расстроилась, налилась слезами, и разозлился ещё больше.

– Давай, поплачь, меньше писать будешь. Это что такое, вообще? Не понимаешь ты меня и не любишь. Ты – врешь...

– Нет, – прошептала Снежана.

– Нет? Докажи. Что киваешь? Будешь доказывать?

– Буду.

– Отлично! – и Олег, сощутив мутные глаза, хлебнул виски из плоской бутылки и стал измышлять казнь. – Так. Сейчас почти два часа ночи. Пойдёшь на кладбище и сфотографируешь могилу Вечесловой – вот тогда я тебе поверю.

Он стал смеяться от удовольствия. Доказательство было идеальным – детским и страшным одновременно. – Я тебе поляроид дам! Пойдёшь? Не пойдёшь, бояка-собака!

– Я пойду, – ответила Снежана неожиданно звучным голосом.

Вместо доброй православной луны на небе кривился ущербный мусульманский месяц. Ира Голубева шла по краю дороги и думала, что всё это довольно забавно – и то, что она так быстро привыкла к идиотскому имени Снежана, которое зачем-то придумала себе, и то, что её всерьёз приняли за милую девчонку, а была она, как большинство русских, хитра, умна и зла. Она ничего не планировала, так вышло. Уже два года болталась в Питере, поступала в театральный, не брали – предстояло биться в третий раз. Для жизни артистических способностей хватало, для сцены, видимо, нет. Лечила связки, в очереди разговорилась с приятной пожилой дамой, при-

думала историю. Это называется – «этюд»... Ира прибавила шагу. Нет, пока не страшно. Эльга нравилась ей больше, чем Олег, но ещё больше Эльги Ире нравился коричневый домик с террасой и старой мебелью, которая казалась ей старинной. Она подворовывала, конечно. Девчонки воруют чаще мальчишек и не так тупо.

Дорога от посёлка до кладбища была прямой, а начиная с кладбища, круто петляла, пока не выводила человека к заветной цели, к Щучьему озеру, – с новыми силами обгадить природу. Все обочины этого этапа дороги были засыпаны мелкой стеклянной крошкой: пьяные водители разбивались каждые выходные. А ведь их будто предупреждали, разместив в середине пути кладбище, однако напрасно – пока дурная сила не вытекала с кровью, будущий покойник лютовал, рвался куда-то, может, увидеть родимый град Китеж... Под кладбищенскими соснами и елями лежали непростые тела. Писатели, театроведы, архитекторы, музыканты. Известные люди тоже умирают, приятно. Любой из них прожил жизнь, полную несчастий и склок, но в избранных горел огонь, плавящий жизнь, сгорающей в дух, и тот, кто знает об этом, никогда не избавится от мысли, что бессмертие выдумать невозможно. Праведники здесь покоились рядом с мерзавцами, верующие – с безбожниками, доносчики – с теми, на кого доносили они. Выбирать соседей – привилегия жизни... Ира Голубева шарила фонариком по могилкам, отыскивая балерину Вечеслову, когда к воротам медленно подкатил «форд» и оттуда выпрыгнул протрезвевший от раскаяния Олег Волькенштейн. Она позволила ему кричать смешное чужое имя, а потом жалобно завывала, укрывшись за могучей стелой композитора Выдрикова.

– Ты меня простила? Господи, ноги не держат от ужаса. Я думал, ты вернёшься. Жду, жду, задремал даже... а тебя нет и нет. Зачем ты пошла? Ты что, каждую прихоть пьяного дурака будешь выполнять?

– Я хотела... доказать тебе. Доказать тебе, понятно? – ответила девушка, с радостью чувствуя, что получилось заплакать по собственной воле, значит, тело слушалось, выполняло приказы.

Такая маленькая, дрожащая. Гладить, целовать её было приятно, Олег всегда любил маленьких, нежных. Ощутимо теплело, начинало светать, и становилось ясно, что день будет прекрасен. Они расположились на просторной скамейке театроведа Гриневича, и от выпитого и пережитого Олег и не распознал, как ловко и проворно доставляется его небольшому изящному фаллосу знакомое блаженство.

Через полтора месяца, выпустив испанскую премьеру, Олег вернулся в Петербург и женился на Снежане, которая в качестве приданого рассказала о себе то, что возможно было рассказать. Она понравилась Анне Марковне и сумела внятно объяснить Горькушке, что с нею придётся считаться.

Через неделю после свадьбы, ночью, по дороге со Щучьего озера, нетрезвый Олег не вписался в поворот. Он умер сразу, сидевшая рядом Эльга – через девять дней. Марина Кириллова сломала обе руки и нос. Мертвецки пьяный Горькушка не пострадал вообще.

Ира Голубева, в замужестве Волькенштейн, в ту ночь осталась дома – Анна Марковна не любила спать на даче одна.

Санкт-Петербург, 2006

ДНЕВНИК

2005 год

Июля 5 число

Комарово, 1-я Дачная улица, дом 30

На часах 00:01

На весах 101,7

Дисциплина: иного пути нет. Иначе я снова превращусь в бедную Танечку и стану плакать, петь и глотать скверный алкоголь. Мне сорок шесть лет, а я, награждённая природой сверх меры, соизволила изрядно расшатать здоровье и психику. Всё время с весны 2003 года по лето 2005 года можно считать стрессовым: но я выбираюсь, я карабкаюсь. Уже тысячи людей прочли мою книгу и, как я и мечтала, содрогнулись вместе со мной – вместо меня. Я люблю это своё больное дитя, я всегда знала, что это должна быть первая по воплощению, злая, вредная, горячая и прекрасная книга. Она будет жить – но мне надо идти дальше.

Я решила писать дневник каждый день, если получится – сразу после полуночи. Моё богатство – время, не знаю, сколько, но чувствую – оно у меня есть. Хранители увели меня сюда, в старенький оранжевый домик, в загробную комаровскую жизнь – хотят спрятать, зарыть среди старых вещей, в чистеньком пространстве с райским садиком, который каждый день пестует хозяйшюка, Галина Михайловна, бывший палеоботаник. Это верно – меня надо прятать до поры. Я ужасно беззащитна была долгое время, из-за упрямого чувства, обнажавшего душу. Теперь на повестке дня полное вла-

дение собой и своими «средствами». Я не пью, не ем сахара и картошки, строго отношусь к продуктам питания: важно, из чего будем строить новое тело. А мне, по моим делам, нужно новое тело, без этой всей венерианской роскоши – лёгкое, необременительное, здоровое, чистое, звонкое. Революция произошла, и в государстве «Я» воцарился разум. Наконец. Сколько же он натерпелся за все годы странствий моих, с гневом и тоской глядя, как я рвусь за пределы в поисках Другого.

Я не отвергаю прошлого, и совесть моя покойна – я любила, и никто не был из-за меня несчастен. Старалась. В любой печали, в загуле (да какие там у меня «загулы»! смех один) помнила семью, работала, писала. Но сколько сил потрачено на дохлые человеческие проекты! Вот мы и вернулись к себе. Так теперь и будем жить.

Тело пока с трудом отдаёт нажитые килограммы, не понимает новой жизни, чего-то боится, упрямится, тормозит липолиз (расщепление жира). Боится, что это женская истерика, что я опять мучаю его зачем-то. Надо убедить организм, что запущена совсем иная программа – положительная, творческая, что не будет страданий. Китайские мудрецы, если верить Секацкому, советовали – «надо подгонять своё отстающее». Тело у меня всегда было в отстающих.

Я написала статейку про Сашу для журнала «Собака. ру» – «Присутствие духа». Конечно, это идеализация, или, точнее, «монтаж аттракционов». Однажды Серёжа, читая какой-то мой пламенный текст про современника, сказал: «Ты всё выдумываешь, но так обаятельно, что нет сил сопротивляться». Я ответила: «А с вами, мальчики, ничего не придумаешь, так от скуки сдохнуть можно». Но в тексте про Секацкого нет нарочитого выдумывания – он верен, только приукрашен, как бывает с пейзажем в академической живописи. Сашу я знаю с 1994 года, он и тогда был захватывающе интересен как мыслитель, и сейчас. Это чего-то стоит в эпоху обесценки мыслительной деятельности вообще! Саша – ближний, хотя и не близкий человек. Меня поддержал: как прочитал

роман, позвонил и поздравил (этого никто не сделал из «фундаменталистов» – я им всем дала текст ещё на дискете), выступил на обсуждении в Домжуре, написал статью. Есть в нём некоторое великодушие. Во всяком случае, он не завистлив.

Удивительны процессы, происходящие с нами, с нашими душами, – и они вроде бы невидимы. Человек не замечает, как он грубеет, темнеет, опускается, портится. Или замечает и строит сложные замки самообмана, чтобы закрыть правду о себе? Да, честность самоотчёта, которую проповедует Секацкий, встретишь редко. И не в полноте своей.

Утром заезжала Люба Аркус на новенькой корейской машине. Хорошая, надо будет накопить и купить что-то вроде этого, когда соберусь водить. Планирую осенью записаться в автошколу. Любе недавно делали операцию на челюсти, какая-то киста воспалилась. Совершенно ненужное страдание. Я несколько отдалилась от Любы не по злости или раздражению – это у меня всегда летучее, – а потому, что мне надо сосредоточиться на своём. У меня позднее развитие, позднее созревание. Эвон – литературный дебют в сорок шесть лет! Только теперь я начинаю ценить и любить время. Мне самой интересно, что из меня может выйти.

Прочла книгу Людмилы Штерн о Сергее Довлатове. Лучше других книг о нём, трезвее и аналитичнее. Там я встретила фразу: «Довлатова считали бабником, но он не мог быть бабником, потому что был алкоголиком» – и сразу прониклась доверием к автору. Но в сущности оказалось то же самое – Штерн стала сама писателем, её волновали её маленькие успехи, и возиться с другом, пусть наимечательнейшим, было не так важно, как самоутвердиться. Да-с, но кому нужны повести Людмилы Штерн? В том-то и дело, что он был чудом, а они чудом не были. Он пытался как-то намекнуть, что надо заниматься им, а не собой – все решили, что это вот такая гордыня. О, Господи! Довлатов неоднократно предлагал Штерн выйти за него замуж, привлечённый её рациональностью, строгостью. С ней бы он не пропал (так думал он). Лучше бы она, вместо литературно-

го самоутверждения (абсолютно никому не нужного, кроме её полумужской личности), действительно вышла за него замуж. Но разве объяснишь людям, что иной раз полезнее пригнуть своё «Я», послужить другому, пожертвовать амбициями. Никто слушать не станет. И господ настоящих нет – но и настоящие Слуги вывелись, а они ведь необходимы. Никто не признавал в Довлатове господина – подумаешь, парень как парень, такой же, как мы. Да не такой же. Вы могли быть хорошими слугами – а стали самозванцами-«господами».

Моё положение в этом смысле безнадежно. Мне служить никто не будет. Не стоит и надеяться даже. Что ж, попробуем справиться без человеческой подмоги. Я ведь чувствую ежедневно, всем существом – другую помощь, другую любовь. Во мне ещё не разочаровались и будут давать крупные дела. Я должна быть готовой.

2005 год

Июля 6 число

Комарово

На часах 00:21

На весах 101,4

Сегодня придумала такое: справедливость хороша тогда, когда она поправа, истина – когда скрыта, а красота эффектной всего смотрится в пятнах грязи. Это о силе унижения, о великой силе унижения. Чем унижение больше, тем выше вознесётся потом униженное явление – если оно чего-то стоит, конечно. Унижение плодотворно – а вот обесценка нет. «Несчастье ещё не униженье. Русь никогда унижена не будет» – написал поэт Нестор Кукольник в пьесе «Рука Всевышнего отечество спасла». Я читала когда-то это произведение и выписала несколько милых цитат (для статьи «Мальчик без штанов: новые приоритеты»). Но Кукольник ошибся, как это принято у романтиков государственности. Надо понять и принять, что всё может случиться – да всё и случается. Если у русских есть что-то за душой, они выкарабкаются

и на этот раз. Если нет – то американский протекторат – это не самое худшее, что может быть с нашей страной. Смотрю на людей и думаю: есть или нет? Есть или нет?

Сегодня писала «Она что-то знала» и «Солнцеворот»*. «Она» может быть замечательной штукой, если хватит дыхания на довольно сложный замысел. Конечно, нынче кто будет вдумываться в такие тонкости, как поэтика, композиция! О «Смерть это все мужчины» ни один писака не додумался сочинить чего-нибудь иного, нежели плохой пересказ сюжета. Одна дура написала (кажется, в «Тайм-ауте»), дескать, книга эта есть сырое мясо, необработанное. Вот что делать с этими людьми, находящимися в пучине невежества. Текст, продуманный до запятой, выстроенный, выверенный, нагруженный сотнями цитат и аллюзий, – сырое мясо! Тупые, самоуверенные идиоты. Не чувствуют разницу между талантом и бездарностью, сложной красивой работой и халтурой – сбит вкус, нюх, нет рецепторов. Спасибо хоть «Новой газете» – там меня поддержала Зоя Ерошок. Просто вскричала: да это все должны, обязаны прочесть! Срочно! Впрочем, могло быть и хуже – могли замолчать, затереть книгу. А так – три тиража уже продано. И «Амфора» поглядывает уже с почтением – перспективный автор. Надеюсь!

По-моему, я уже неплохо подготовилась к старости – принимаю вовремя таблетки, соблюдаю режим дня, наострилась измерять сама себе давление, спокойно распоряжаюсь одиноким состоянием. Но всё-таки до старости далековато. Я наконец получила искомую свою келью: моя комнатёнка с маленькой конторкой и двумя кроватками – совершеннейшая келья. Что ж, есть сила и красота в аскезе.

Я хотела бы за лето написать два киносценария и часть романа. Это, конечно, максимум и вряд ли сбудется, хотя... Если кажинный день сочинять, всё получится. А я уже привыкаю к регулярной работе.

---

* В данной книге эта киноповесть печатается под названием «Преступление солнца».

Я ничего не воображаю, только иногда бывают фантомные боли. Унижение необходимо. Я не против унижения – но они обесценивают то, чем я дорожу. Уничтожают мои драгоценности. То, что жило в моей душе – величайшая ценность на свете, – я этого не предаю.

Бог мой, прости меня и поддержи. Да только Ты и поддерживаешь, конечно. Разве я смогла бы без Тебя. Растоптали бы, замучили. Как просто рухнуть, обвалиться в распад, в алкоголь, в мнимую дружбу-любовь, стать жалкой, искать счастья в чужих глазах. Не хочу.

2005 год

Июля 7 число

Комарово

На часах 00:08

На весах 100,9

Итак, как сказали бы врачи, – положительная динамика. Я всё прекрасно понимаю о психозах лишнего веса, но не вижу в себе их признаков – я хочу на чём-то отточить волю, мне её не хватает, а это сподручнее делать с помощью регулярной работы и дисциплины питания. Я меняюсь. Лицо стало какое-то чёткое, точное, марсианское. Настроение всё время ровное и светлое. Писать интересно, тянет, притягивает. Фантомные боли ощущаются глухо, будто издалёка их навевает ветром. Новая жизнь возможна, если она открывается как путь, и, встав на этот путь, чувствуешь – впереди что-то есть прекрасное. Победить лень, уныние, слабость, разгильдяйство – плохо разве? Да только не истребить бы мне в этой войне чего-то хорошего, милого в себе, человеческого. Опасность есть. Замкнусь в себе и перестану чувствовать людей. Или нет?

Сегодня ездила в «Амфору» за авансом. Встретила там поэта Елену Шварц и, наверное, удивила её вполне искренней радостью (она мне всегда нравилась – талантливый клубок нервов). Подарила ей кстати книгу. Я хотела бы взять её

стихи для образа Розы Штейн в «Она что-то знала» – не только её, но её мне подходят более всего для Богоискательской-Богоборческой темы Розы. Если не разрешит, ничего страшного, придётся стилизовать. Если «Смерть это» ей не понравится, тогда тем более.

В макулатурных киосках всюду лежит книга Штерн про Довлатова. Вот хороший ответ ей на её литературные дерзания: читателю стало известно имя Штерн только в связи с воспоминаниями о Бродском и Довлатове. Вот что было главной ценностью жизни Штерн. Так что ж ты, деушка, обижалась на Довлатова, когда он именно об этом и пытался тебе сказать: служи мне – и послужишь чему надо. «Он не оценил мою повесть! Он сердился, что я занимаюсь своими делами, а не им! А мне было важно, что пишут критики!» Да ведь он был прав, терпеливо объясняясь с приятельницей насчёт её «литературы». Судя по этой книге, дарование более чем скромное. Но так всегда: своё скромное важней чужого огромного.

Тайный советник Гёте – вот кто умел себя поставить и заставить служить себе, хоть они и фыркали тоже: «я», «Я». Сбегали от диктатуры. А кто был прав, спрашивается? Но тогда всё-таки люди умели служить, сейчас же каждая букашка носится со своим «Я». Вот я, при заботе, при помощи, при умелом служении – сколько бы могла сделать, ужас! Горы могла бы свернуть. И сижу одна, сама себе супчик варю, подметаю полы, и что я там, как поживаю, чем дышу, здорова ли, в порядке ли – никого не интересует, кроме, конечно, Серёжи. Но это лишь чуть-чуть раздражает меня. Значит, так и будем жить, без излишеств. Без слуг. Чистота – тишина-покой-долг. Евгений Соломонович Калмановский, учитель мой, говорил: «Москвина, если ты рухнешь, это ни на кого не произведёт впечатления. А вот если выстоишь!..» Учитель мой, первая чистая любовь моя, видишь ли ты меня сегодня? Гордишься, может быть? Я стою. Как в песне – «Среди долины ровныя, на гладкой высоте, стоит-растёт высокий дуб в мо-

гучей красоте...» После окончания второго класса мне вручили памятный подарок – книгу о судьбе автора этой песни, Мерзлякова. Где-то она валяется? Чудная песня. «Один, один, бедняжка, как рекрут на часах...»

Спасибо, что не голодаю. Есть приличный достаток. Хорошие дети. В сущности, жизнь исполнена – но женская жизнь. А я хочу прожить ещё одну – человеческую.

Зачем-то купила и прочла книгу актрисы Елены Кореновой «Нет-ленка». Первая, «Идиотка», была занята – много знакомых людей, есть история жизни, правда чувств. Характер героини и уникален, и типичен. А теперь ей писать не о чем, совсем не о чем. Человек без литературного таланта может написать интересную книгу о своей жизни – но только одну. Продолжение невозможно и не нужно. Пока что этот закон исполняется в точности. Коренева была чертовски хороша в молодости, таких девчонок всегда жалко видеть постаревшими, обидно, точно у тебя что-то дорогое отняли.

Нет. Ты не увидишь, как я превращаюсь в старушку, потому что я не превращусь в старушку. Я превращусь в нечто удивительное и ни на что не похожее. Если, конечно, я на верном пути.

2005 год

Июля 8 число

Комарово

На часах 00:01

На весах 100,5

Артист Александр Филиппенко пригласил меня завтра на спектакль – какая-то композиция вроде как «От Зошенко до Акунина». Решила пойти. Никак не могу избавиться от скверной привычки ходить в театр. Актёр он занятый, только слишком уж характерный, эстрадный, показательный, ловкий. Но голос здорово разработал – голос так себе, гнусавый, но владеет он им виртуозно. Чтецы, которые пришли на смену тому, ещё дореволюционной Россией воспитанному поколению,

вообще имели голоса неважные, без шёлка и бархата, но трудились как могли, и свои скрипучие инструменты в общем-то наладили. Голоса, голоса! Откуда сейчас взяться голосам вроде симоновского или качаловского. Некрасивые нынче голоса. Особенно ужасно говорят молодые женщины, которых так и тянет назвать «девками». Визгливые, вульгарные, узкие, мучительно противные. У меня какая-то аллергия на плохие голоса.

Сегодня славно искупалась в Щучке. Вечера и ночи стоят холодные, градусов 10–12 тепла, не больше. А июль. Похоже скорее на конец августа. Звонила Коле на Мальгу, у них там 36 градусов, и он читает «Преступление и наказание». Оппа! Вот где настиг моего Колю сей великий инквизитор – Ф. М. Достоевский!

Настроение по-прежнему ровное. Пишу «Она» и «Солнцеворот». Пока без особых чудес, но они в экспозиции и не нужны. Самая горячая часть романа – третья, где Роза. И про Алёну, наверное, с этим рефреном («ещё можно пожить!») будет приятно писать. Но этот замысел и не предполагает резать читателя на мелкие кусочки. Я с ним играю, резвлюсь, это сложная, насмешливая вещь. Такой боли, как в «Смерти», больше не будет, надеюсь, никогда – да её сейчас и нет во мне. А была. Я помню, как весной 2004 года я плакала почти каждый день в течение двух месяцев. Поздно ночью, чтобы никто не видел. Да. Заразиться – так мигом, а выздороветь – так годами приходится. Но время, время, дивный дар – что-то отнимает, а что-то и прибавляет.

Любе Аркус не понравился фильм «ХХ» и Н. Н. в нём. Она сказала: «Полное впечатление, что я вижу мертвеца». Мне-то кажется, что для этого фантомного образа мертвенность уместна. Но, конечно, омертвление в Н. Н. чувствуется, и началось оно давно. В апреле 2000, когда я заходила к нему в офис, он был ужасен. Всего один год прошёл, 1999, и такая перемена! Нет, ещё зимой 2000 он был живой, горячий, подвижный, откликался на разговор и участвовал в жизни. На-

чало февраля, мы сидим на кухне на Страстном бульваре, песни поём, всё отлично, весело, здорово, он шутит, смеётся, я чувствую его внимание, интерес, симпатию, да что там – в обнимку сидим, как птички, распеваем, это кому рассказать! И вот апрель, конец, кажется. Было тепло, солнечно. Не надо было мне заходить – он как-то отнекивался от встречи, но я упрямо пришла, и был ужас. Этого не объяснить. Чужой, мёртвый, злой, холодный человек-недочеловек-не вполне человек. Кругом какие-то рыла, сидят за столом вокруг салата с сыром «Фета» (был пост, а!) и жрут. Он вынул из холодильника бутылку клюквенного морса, налил себе стакан, завинтил пробку и поставил бутылку обратно. Я подумала: среди моих знакомых даже второго и третьего ряда нет никого, кто налил бы себе морс и не предложил мне. Я вдруг очнулась: где я? Какой-то заколдованный лес, замок людоеда. Меня зачаровали. Я попалась. Я смотрела на одно, а видела другое. Может, он и всегда был мертвяком, просто вдруг чары пропали, и мы увидели то, что было на самом деле?

Это вообще странная, дикая история – как я попала в заколдованный лес. Нет, чары существуют, это не сказка, я на себе испытала. Ясно, что любовь никогда не попадёт в эту очерченную мрачным запретом душу, но ещё что-то мерцало, не давало совсем уйти, то есть внутренне уйти от этого «человека». Я что-то значила в его жизни, может быть, мною его испытывали. Я иногда думаю, что мною испытывают людей, проверяют их на что-то. Вдруг человек увеличивается и входит в сознание и душу необычно, как драма, как источник радостей и тревог, как научная дисциплина, которую мне надо постичь. Я принимаю это. Я иду до конца, до точки, за которой – унижение моего достоинства, несовместимое с жизнью. Тут я останавливаюсь. До точки – дарю себя безоговорочно. После – ничего не может быть, обрыв. Стакан морса был такой точкой. Разумеется, не в морс дело. В ощущении чужеродности и в сознании того, что это конец. Конечно, я всё надеялась, что он сыграет «Рождение богов», мою

пьесу, написанную в 1996 году. Я до сих пор люблю её – в ней ничто не испортилось, не устарело. Правда, есть в ней какая-то загадка. Она смущает людей, волнует, потрясает даже – и смущает. Тайна какая-то. Что-то я открыла превышающее современность в этой штуке. Я давно никому её не давала – надо попробовать снова. Может, Стукалову? А Н. Н. сказал, что пьеса хорошая, и перестал потом вообще что-либо говорить на эту тему. Зачем ему ставить, трудиться, чтоб потом говорили – ах, какая пьеса. Делить славу – увольте. Лучше взять беспомощного драмдедла, бесцветных мальчиков-девочек и царить над ними. Эгоцентризм за гранью разумного. Вот так вот, всё ищу союза, братства, взаимопонимания и взаимопомощи, а в ответ – ау! ау! А какой мог бы быть спектакль по «Рождению богов».

Никаких обид, никаких претензий. Ушла, и всё. Позвонила только один раз, после гастролей в 2001 году, стала рассказывать о впечатлении. Долго, по мобильному. Он сказал изумлённо: «Ты была на спектакле и не зашла? Ну, Москвина, ты даёшь...» Спрашивал, когда приеду в Москву. Договорились, что позвоню. Не позвонила. Не могла.

Ну, какие проблемы, Господи. Надо всего лишь больше писать – что-нибудь да вылезет, получится, воплотится. Вот и всё.

2005 год

Июля 9 число

Комарово

На часах 00:34

На весах 100,3

Этот дневник следовало бы назвать «Дневник одного превращения». Явно же я во что-то превращаюсь. Состояние метаморфозы интересно разнообразием и упругостью. Оно ведь длительно, постепенно, совсем несказочно, а, наоборот, реалистично. Пржнее «Я» не отступает, не исчезает, а де-формируется, то и дело как-то напоминая о себе.

Когда я возвращалась из города с концерта Филиппенко, в электричке продавали мороженое, и весёлый молодой человек, очень живой, приятный, стал жевать хычины (или другой какой ужас – тесто с фаршем), а девушка, похожая на Алсу, купила сахарную трубочку. И так вдруг захотелось съесть хычин и мороженое – с ума сойти, в полдвенадцатого ночи, это всё камнем пойдёт в желудок, но хычин пах как сволочь, а мороженое... я его любила когда-то. Ну и что – помучило и отпустило. Расплата ведь будет непременно, я знаю, все эти в охотку сожранные пустяки потом собираются в тоску, в комья жира, в сахар крови, в злость, раздражение, болезни.

Я хочу отжать себя и свою жизнь, отжать до упора, чтоб вышло всё лишнее – вода, жир, болезни, слабости, пустые мечты. Чистая энергия. Вот что мне нужно. Энергия равна массе, умноженной на скорость света. Чтобы добыть энергию, надо, значит, соединить массу и свет, слить их, присовокупить скорость – и чью! – света. Каждый день отжатия – моя победа. Свет, иди ко мне.

Я живу в Комарове с 23 июня. За это время написала четыре статьи (в «Пульс» – «Такая погода», в «Искусство кино» – «Михалков и пустота», в «Сеанс» – про три экранизации Акунина, в «Собаку» – про Секацкого). Начала «Солнцеворот (уже 20.000 знаков) и двинула «Она что-то знала». Да ещё дневник пишу после полуночи – неплохой старт. Я волновалась немного – вдруг из-за рационализации образа жизни я потеряю вдохновение, слово уйдёт от меня, поскучнеет? Ни фиги: ещё лучше. Нет спешки, нет истерического драйва – тексты эпохи превращения положительно мне нравятся. И хочется работать, тянет, манит. И настроение всё время ровное и светлое (тьфу-тьфу-тьфу). То есть его, можно сказать, и нет. Есть состояние, а не настроение.

Итак, я попала в медицинский центр на Разъезжей улице в конце апреля, случайно. Просто зашла узнать, что это

за методика 25-го кадра. И попалась. Визиты к врачам дали такую картину: гипотиреоз, диабет, гипертония и миома. Я стала выполнять указания, и всего через два месяца – сахар почти в норме, давление тоже, миома, скорее всего, уменьшается. 11 кг сброшено. Если всё идёт путём, завтра я перешагну страшную трёхзначную цифру своего веса. Ну почему, почему я не занялась собой раньше?! Удивительное дело: я как будто жила вне собственного тела. В нём вроде бы – и вне его. Нет, тело требует почтения, оно тоже ценность, как и прочие наши ингредиенты. Это банальность, но когда это почувствуешь так весомо, как я, не до оригинальничанья.

Филиппенко работал здорово: читал Зошенко, Довлатова и Акунина (смешную сценку перемещения во времени нашего Вована и Кости-дворянина: Костя попал к нам, а Вован в начало 20 века). Хорошее лицо для жанрового кино – для приключений, для хоррора. Открыла журнал «Собака» со своей статьёй – и ужаснулась. Нет, статья на месте, но почему-то без портрета героя, то есть Саши Секацкого. Но прочие опусы – бессистемные, вздорные, интервью с Б. – портрет её на всю страницу – старая глупая баба, потасканная, манерная, несчастная – это наши звёзды, о Боже. Питер становится пошлым городом пошлых людей.

У меня много хороших замыслов, живших со мной – возле меня – давно, кто десять лет, кто пять. Теперь у них есть шанс на воплощение. Замыслы неравноценны: скажем, «Приключения Аграфены» – это должна быть чистая классика, а киносценарий «Кутикулы» – милая штучка, малая форма, но и это следует сделать. Дивная идея про «Госпожу Винуцкую» – но здесь труды, библиотека, здесь не меньше года надо потратить. «Бегущая по волнам» – только я знаю, как это сделать, кто-то жалкий пытался снимать несколько лет назад – я запретила (мысленно). А пьесы! «София», «Ме-де-я»... Лет на пять точно я обеспечена. Молись, Таня, и трудись.

2005 год
Июля 10 число
Комарово
На часах 10:00
На весах 100,6
Написано: «Она» – 28. 000
«Солнцеворот»: 25. 000

Ну вот мне и предупреждение: не заносись. Размечталась – уйти «с роковой трёхзначной цифры». На следующий же день ни с того ни с сего прибавила 0,4, потом скинула 0,1 – хотя решительно ничем не провинилась и не ведаю, что повлекло за собой прибавку. Нет, это что-то иррациональное – не пытаюсь и понять. Надо быть скромнее, а то прямо уж – превращение, метаморфоза. Да я точно такая же, какая была в 16 лет. С точно такими же способностями и чертами характера. Такая же окружённая людьми и абсолютно одинокая. Так же люблю бродить и думать. Знаю больше и работаю систематичнее, вот и всё.

Пишется неважно сегодня. Ступор. Видимо, на всё есть свои ритмы. Всё-таки воскресенье. Пойду лучше гулять, вечером попробую поработать ещё. Надо сдвинуть «Солнцеворот» в решительное развитие действия. Пока всё естественно, живо, энергично – но это экспозиция, её нельзя затягивать. Всё, хватит на сегодня глупостей.

2005 год
Июля 12 число
Комарово
На часах 00:49
На весах 100,1
«Солнцеворот»: 31. 600
Начат «Конечно, Достоевский!»: 9. 300

А вот сегодня поработала так поработала, много написала. Качества не понимаю, кажется занимательно и естественно, а кто же его знает, как там на самом деле. Каса-

тельно дел телесных – если всё идёт как надо, завтра-то уж я могу сдвинуться с проклятой трёхзначной цифры!! Меня бы это весьма ободрило. Миша и Маша из моего «Солнцеворота» уже поцеловались, отлично. Про чувства не так-то просто писать, это же музыка. Серёжа рассказал, что один молодой актёр, русский, снимающийся за границей, отказался играть в будущей картине Д., где она выступает и как сценарист, и как режиссёр, из-за обилия интима. Надо полагать, из-за интима низкого художественного качества. Эх, Д., Д. Была способная, что-то обещавшая девочка, а стала пошлячкой. Ну зачем ей режиссура и зачем она режиссуре? Ведь это сложная, энергоёмкая профессия. Ведь ничего нет – ни образования, ни способностей явных. Да, кружок Т. оказался дутым и ничтожным, в сущности. То есть таким стал в развитии, во времени. И вот наша девушка решила обнажиться, рассказать наболевшее про вагину. Но выделять секс из жизни – всё равно что питаться чистым сахаром. Это же растворено, вплавлено... Устала и ложусь спать. К сожалению, много выкурила сигарет. Ужасно много курю во время писания. Сегодня я молодец. Не гений, а молодец – ударник труда.

2005 год

Июля 12 число

Комарово

На часах 22:30

На весах 100,1

«Конечно, Достоевский!»: 25. 000

Вот опять мне втык насчёт веса: не заносись, живи по-маленьку. Уж как я мечтала – наконец, нет трёхзначной цифры. Фиг вам! Традиционное жилище индейцев! Это, я думаю, вчерашний кусочек шоколада – прибавки веса он не дал, но и липолиз отключил как-то. Нет, пока вес не сброшен, шоколада низя. Вообще-то за неделю ушло 1,6 кг

– вполне достаточно, больше даже и не надо. И всё-таки жаль, что не сбылось мечтание. Ну, не будем сдаваться. Писала сегодня «Конечно, Достоевский!» – так увлечённо, сама удивляюсь. Хотя помнится, «Рождение богов» я вообще написала за двое суток, еле живая была. Так тоже низя. Настроение хорошее, то есть опять-таки нет никакого настроения. Спина болит от усталости. Как захватывающе интересно играть фигурками, тем более они у меня не картонные, а какие-то... почти живые. Что-то там дышит. Это не мертво. Лица двигаются, мысли кипят... На Достоевского, кстати, не очень-то и похоже, что-то другое. Моё.

Писатель, архитектор, бизнесмен и муж Ульяны Лопатиной Владимир Корнев принёс мне в приморский ресторан «Прибой» свою новую книгу «Датский король». Зачем? Забавный человек. Судьба любит его – он простодушный. Он слишком укоренён в жизни для профессионального писателя – он любитель. Даже не дилетант, а любитель. Книги его читать можно, они даже увлекают, но всё-таки не без удивления – а зачем так полно и активно живущий человек пишет книги? Когда я вышла за Серёжу, тогда страстно любимого, и родила Колю, я абсолютно не хотела писать. Так, помечтаю – образы были всегда, жили со мной – и займусь делом. Теперь другое. Теперь я на свой лад, внутреннее как будто вот отвечаю за жизнь, за склад её и лад, за ход времён. И знаю, что это грёза, а не могу иначе – взгляд уже такой хозяйский выработался: так-так, что тут у нас? К добру, к худу русской земле? Это немножко игра и немножко правда. Это как роль. Ведь и то, что я Татьяна Москвина – это роль.

Я должна наконец оформиться в нечто окончательное. У меня – так мне кажется, может, это ошибка – есть на то несколько лет. Я дерево. Я расту. Я становлюсь с годами всё сильнее (такое заклинание), всё краше. «Среди долины ровных...» Всё, умиралась совсем.

2005 год

Июля 14 число

Комарово

На часах 1:20

На весах 99,9

«Конечно, Достоевский!»: 31. 000

Сегодня (13 июля – уже вчера) ездила в город на мезотерапию. Это меня иголочками колют для липолиза. Жуткая процедура. Осталось два раза это проделать. Потом я объелась в японском ресторане – это, наверное, скажется на результатах взвешивания утром. Ведь вот уже сдвинулась с проклятого числа! И рискую опять набрать его. «Достоевский» двигается, вообще мой трудодень включает норму в 3-4 тысячи знаков, этого вполне достаточно, однако за 11 и 12 июля я норму перевыполнила. Попёрло. Киносценарии вообще писать легче прозы – но при определённых условиях, при особом складе ума. Я не знаю, стоят ли мои сочинения чего-нибудь, но мне кажется, там внутри есть что-то притягательное. Приехал Сева, мы с ним пили чай и разговаривали разговоры. Он хорош. Чувствую усталость – это от поездки в город, ехала на обычном автобусе – он первым подошёл и долго полз. В «Достоевском», мне кажется, много хороших ролей: Федя-революционер, чёрт Иван Космонавтов, Варя, Лера, дети – Эльвира и Юра, Иеремия Браун, Клара, потом много эпизодов. Есть что играть. Ну, надо идти дальше. «Солнцеворот» пока не писала – сдвину сильно эту штуку, вернусь. Там тоже есть что делать – сцену с отцом, Крым, больницу, секту «Светлых сестёр» (я хочу лично себе написать роль предводительницы секты Федосьи Морозовой). Сегодня сказала в разговоре с Севой о современном искусстве: людям не нужно про эрекцию и мастурбацию, людям нужны Алые паруса. Это правда, и правдой этой будут желающие спекулировать. Алые паруса неистребимы. Но: грязные люди не могут делать чистое искусство. Грин был чист. Папа мой был чист (в творчестве). А я? Я смешанного типа. Фальши-

вая романтика мне отвратительна. До настоящей же надо ещё добраться, доползти. И мы поползём. Ползти надо, Москвошвейцер! – так говорил мне учитель, Евгений Соломонович, мир его душе. Всем спасибо, все свободны.

2005 год

Июля 14 число

Комарово

На часах 23:10

На весах 99,9

«Конечно, Достоевский!»: 37. 000

Сегодня неважно чувствовала себя, целый день – с утра дурное настроение (приступ прямо) – пришлось на Севу, потом сонливость в середине дня и вечером слабость, тоска какая-то. Вес не двинулся, как я и предполагала. Я уж скоро начну понимать и чувствовать, что там у меня к чему в обмене веществ. Сходили с Севой на озеро, он первый раз за лето искупался. Всё бегаёт по репетициям своим, что-то придумывает, старается... Вечером приехал Серёжа. Хотя я написала приличный кусок, особой радости мне это не принесло. Так, без полёта. Какие-то силы за меня, какие-то против: выходит ничья, пустота, одиночество. Не личное, а какое-то... бытийное, что ли. Не подобрать слова. Говорят: о, как летит время. Нет, у меня не так. Сейчас время идёт неспешно, ритмично и замедленно. Превращение будет долгим. Иногда, конечно, тянет бросить всё к чёрту и, например, напиться водки, съесть что-то неположенное. Я так и буду поступать иногда после превращения, но сейчас нельзя. Дело слишком серьёзное, ответственное. Да, вот так вот, сквозь тоску, нездоровье, лень, усталость, дурное настроение, мелкие глупые желания – сквозь всё это идти к настоящей себе. Не помню, чтоб я была собой довольна. Бывает чувство радости, чего-то сбывшегося хорошего – я думаю тогда: вот, я молодец, справилась, смогла, хорошо заполнила время. Но довольства что-то не припомню. Позвонил К. и попросил телефон ре-

дактора с канала «СТО». Хоть бы для приличия поинтересовался, как моё здоровье, как дела. Всё-таки были товарищами, сражались за свободу слова. Но им кажется, что у меня всё так лучезарно, что и разговаривать со мной необязательно. Что у меня такого уж лучезарного? Слава Богу, я не больна (хотя была – если вспомнить, в каком виде я пришла к врачам), дети в порядке, муж шуршит чего-то, книги выходят. Но разве я что-то определяю в этой жизни? Где-то в уголку сижу. Ни одна моя пьеса в Питере не идёт. Чувствую, как они, эти взбесившиеся курицы, малютки тётки Вали, меня выдавливают из города. Но на моей стороне большая сила: дар и маниакальное упрямство, которое надо превратить в настоящую волю. Воля и разум – о, тогда меня могут сокрушить только древние боги. А на что им это? Если Мама за меня, их не пустят мне вредить. Накапливать, накапливать силу, спокойно, беспощадно, сокращать все ненужные траты, упразднить все энергоубыточные предприятия, овладеть собой. Тут даже не стоит брезговать и заклинаниями, заклинать, просить себя идти, двигаться, не унывать, работать. Надеюсь, завтра будет мне полегче и повеселее. 15 июля – середина лета. Это пока хорошее лето, без мучений. Как вспомню лето 2003, так содрогаюсь: Господи, как я всё это вынесла! Но – вынесла.

2005 год

Июля 15 число

Комарово

На часах 22:30

На весах 99,5

«Конечно, Достоевский!»: 44. 500

Да, как я и надеялась, сегодня лучше. С утра искупалась в озере, и добрые люди подвезли меня до станции – сами предложили. Семья пожилых, но очень крепких с виду людей. Были в лесу, собрали черники и лисичек большой мешок. Показывали мне. Хорошие это были люди, сразу видно, по

лицам. Это только Алла М. думает, что на лице ничего не написано, а только покрашено. Ошибочка! М. стала у нас ещё и председателем какого-то союза. То есть ей мало всей питерской печати и телевидения. Ещё и в книжном бизнесе рулить собралась. И когда всё это закончится? Никогда? Этим людям, из машины, уже всё равно. А мне пока нет – мой «бизнес» весь построен на гласности, нет её – и меня нет. Конечно, надо бы повертеться в Москве. Эта кодла, местные кикиморы, уважают только силу, а сила в столице. «Достоевский» двигается, наверное, уже около полпути я прошла, может, чуть меньше. Вес тоже двигается, я вчера очень скромно питалась, с 18-и уже ротик на замочек, всё. Сегодня съела утром всё-таки кусочек шоколада – я нашла в «Репамаркете» отличный шоколад, 75% какао, называется «Экспедиция. Шоколад для настоящих мужчин». Правильно, я ведь и есть настоящий мужчина – более настоящий, чем видимые фальшивые мужчины. Только я, скорее всего, твёрдой гомосексуальной ориентации, потому что к женщинам меня как-то не тянет. Мишель Монтиньяк, автор теории питания, заслуживающей некоторого доверия – я придерживаюсь его рекомендаций, и это работает, – советует иногда есть шоколад с высоким содержанием какао. О, какое наслаждение я получаю от этой крохи весом в 15 граммов! Какой вкус! Как долго он тянется! Как чётко его помнишь! Вот она, священная сердцевина аскезы. Как можно отказываться от великой мощи сознательного запрета? О, если бы удалось запретить половой акт. Сколько вышло бы пользы от этого людям, особенно женщинам. Надо создавать ценности искусным, искусственным путём: ценность тела, ценность души. Здесь аскеза незаменима. Во всяком случае, я могу свидетельствовать: сила возрастает. Обедали с Серёжей в «Причале», и он был очень мил. Отлично выглядит, спокойный, с приятным неагрессивным юмором. Это единственный человек, которого не смогла испортить ни телевизионная слава, ни её убыль. Что ж, так повернулись времена, что он менее востребован в эфи-

ре, ну так что ж? Он-то сам остался такой, как есть, он не равняется эфиру. Молодец. Я к нему привыкла по-хорошему. Об одном жалею – надо было от него ещё ребеночка родить, девочку. Ну, что уж теперь. Надеюсь на детей – мне от детей нужны только внуки.

2005 год

Июля 16 число

Комарово

На часах 23:30

На весах 99,5

«Конечно, Достоевский!»: 54. 000

Шоколад сработал, как я втайне догадывалась, против липолиза – ясно, организм как чувствует сладкое, так запасов тревожить не хочет. Прибавки веса он не даёт, но сбросить что-либо, употребляя шоколад даже хорошего качества, не удастся. Написала довольно много, но уже решительно не понимаю, что это и какого качества. Надо будет после 26-го дать Серёже почитать. Он готов стать продюсером, что, конечно, правильно и практично. То, что я делаю, нельзя сказать, чтоб уж было очень ново и небывало. Но дело не в этом. Мне нужна музыка, насмешливая музыка личного высказывания, личной композиции. Чтобы молодая энергия пришла в мою ловушку и сработала – актёрская, режиссёрская энергия. Энергия вложенных денег, наконец. Роман и «Солнцеворот» пока отложены. Надо эту штуку дописать, в ней есть саморазвивающийся драйв, а это хороший признак.

Сегодня вода в озере отчего-то показалась мне холодной, хотя таковой не была, и вечером я вздрогнула от сырости, хотя её в натуре вроде бы не наблюдалось. Около 22 часов неожиданно заплакала – подступила лирическая тоска. Надо понять, что ничего больше не будет – ни хорошего, ни плохого – с тем образом, что жил в сердце и до сих пор туда заглядывает. И я это понимаю. А жаль. Жаль себя, жаль чистого доверия и радости, которые во мне обретались, как вода и солнце. Надежд своих

жаль, желания, которое было так сильно и полнозвучно. Бесплезно было объяснять, просить. Он шёл упрямо, как горный баран, шёл своим горьким левым путём и считал себя правым.

Так: надо к 24-у сочинить текст в «Собаку». Они, оказываются, возобновляют сотрудничество, им нужна опять колонка, ну пускай. Хоть на шпильки, то есть на фитнес заработаю. Деньги нужны. Осенью пойду бросать курить в свой центр – расход. На курсы вождения – расход. Фитнес – это не шутка, правда хочу опять пойти. В 2000 году я долго ходила, и с приятностью. Потом: купить три шкафа в квартиру на Васильевском. Потом: хороший подарок Севе на рождение. И ведь текущие расходы! Очень нужны денежки, очень. Всё-таки от сценариев может быть приварок, если особенно Серёжа возьмётся. Осень будет напряжённой, я хочу наконец переехать, продать квартиру на Вишневского – правда, если дела пойдут прилично, может, не продавать? Тогда её надо ремонтировать, вот опять расход! А когда закончу курсы вождения, то что? Где машина-то? Расход! А Севе на Чехию? А за дачу в Комарове – в августе-то уже отдавать надо остаток?

Вот так вот. Трачу всё меньше, а денежки нужны всё больше.

Сегодня посмотрела на себя в большое зеркало ресторана «Причал». Лучше, но, конечно, я ещё очень крупная. Нельзя сдаваться. Задача такова, чтобы к 1 сентября сползти до 88-89 кг. Это вполне реально за полтора месяца, если не делать ошибок и не впадать в отчаяние. А чего мне в него впадать? Впадали уже, ничего интересного. Я вырабатываю привычки: к труду, к правильному питанию. Это нормальный, разумный подход. Я знаю, что жизнь неразумна, но она неразумна отчасти – а отчасти и разумна. Отвечать безумием на её безумие? Что за безвкусное дублирование? Да, счастья на выбранном мною пути нет. Но есть хотя бы уважение к себе, есть удовольствие преодоления слабости, есть труд – который ведь не только для моего удовольствия существует, он может пригодиться многим. Читают же меня, радуются, смеются, думают, печалются! Я же всё-таки не стою на месте, я расту, я стараюсь. Вчера опять читала Лермонтова – как

Божьего вина испила. «По небу полуночи ангел летел...» Да, полетали и мы, русские, с Лермонтовым полетали, с Достоевским. И прилетели. Я как-то сказала о себе: «Да что мой дар! Последний лучик солнца, ударивший в осколок зеркала». Боюсь, что правда. Ну и что? Пусть – конец (России, литературе, жизни вообще, благородным людям и мечте о них, поэзии, правде, пути человека и т. п.). Но последние страницы книги могут не уступать первым! И во всяком случае их следует делать сильными, убедительными. Финал – важнейшая часть любого произведения. Разве не так? Пойду сейчас смотреть фильм «Живые и мёртвые». Серёжа делает фильм о Кирилле Лаврове и знакомится с его творчеством. Он советское кино плохо знает – в молодости его, в его кружке, это было не принято. Зато теперь его взгляд бодр и свеж. И лишён предрассудков. А я как раз много смотрела нашего родного. Я ведь – здешняя, тутошняя, никакой я не «инопланетянин», как назвал меня дьякон Кураев на церемонии «Бестселлера». Это он сам с иной планеты. А я здесь, всеми лапами. «Среди долины ровныя...»

2005 год

Июля 17 число

Комарово

На часах 22:30

На весах 99,1

«Солнцеворот»: 36. 600

2005 год

Июля 18 число

Комарово

На часах 16: 40

На весах 98,8

«Конечно, Достоевский!»: 61. 000

Вчера ходили пить чай к Снеговым. Потому я дневник не вела, забыла. Ночью вернусь к прерванным темам, а пока отмечу: вывод о шоколаде верен, главное – сахар. Вес уходит

только при условии полного отсутствия сахара. Подвинула «Солнцеворот», и «КД» тоже ползёт вперёд. 20-го должен вернуться Колюшка, по которому скучаю очень.

Всё, надо отдохнуть.

На часах 22:50

«Конечно, Достоевский!» – 65. 500

Сегодня чувствую себя неважно – «женские дни» начались. Около 17 задремала и проснулась в 20:30. Слабость, полуобморочное состояние. Не купалась, не гуляла, но написала довольно много. В «КД» бурное развитие действия. Дело приближается к финальной части (которая тоже должна быть развёрнутой, не надо комкать финалы). Мне позвонила редактор из «Амфоры», Ирина, которая занимается моей книгой, и сказала, что надо встретиться. Есть небольшие замечания. «Но вам редактор практически не нужен, – сказала она. – У вас такой прекрасный язык». Такой пустячок, а так приятно было слышать хорошее слово. Я не так-то часто их и слышу. Мне и нужно-то за мой каторжный труд немного добрых слов, не тонну, а так, «в препорцию», как говорится...

Съела суп и немного колбасы, и что-то не в кайф мне пошло. Что-то они там митингуют в желудке. Может, завтра не работать? Но это я уже не понимаю, как. Привычка уже! 20-го и 21-го я буду в городе: встречать Колюшку, бегать по делам, писать не придётся, и, боюсь, я затомлюсь, захочется обратно в оранжевый домик с садиком. К своим милым героям. Устала сегодня и чувствую себя неважно. Попью чаю и спать. Серёжа уехал в город.

2005 год

Июля 19 число

На часах 14:30

На весах 98,5

«Солнцеворот»: 43. 000

Всю ночь и утро бушевала гроза, с молниями и крупным сильным дождём. Не спалось, металась, плакала, тосковала,

спускалась несколько раз вниз – покурить, попить воды. С трудом уснула под утро, на рассвете. Чувствую себя не особенно бодро – квёлая я, однако поработала всё-таки, и вполне прилично. Вес идёт, как положено (примерно 200-300 гр. в день и следует сбрасывать, больше не рекомендуется), поскольку сахар исключён совсем. Связь прослеживается чёткая, неумолимая: есть сахар, даже немного, – вес стабилен. Больше писать пока не буду, отложим до возвращения из города.

После обеда ещё поработала. «Конечно, Достоевский!» – 70. 800.

2005 год

Июля 21 число

Комарово

На часах 0:10

На весах не знаю

Ну вот значит, приехал мой Колюшка из своей Мальги, такой же, не вырос, не похудел, не изменился заметно. Доволен: удалось соблазнить девчонку из Киева, говорит, красивую. То есть он не признаётся прямо, что, мол, было, но нетрудно догадаться. Когда не работал его телефон, он посылал сообщения с моего, соответственно я получила девичий ответ, начинавшийся словами «Моё солнышко!». Не думаю, что с моим сыном легко иметь дело – то есть время-то провести можно не без приятности, а вот насчёт чувств... Он может быть и жестоким, хотя сознательно издеваться, конечно, не будет. А так – не до того, забыл, увлёкся другими объектами.

Чувствую себя неплохо, очень рада, что вернулась в домик на Дачной улице. Здесь у меня порядок. А на Вишневого – завал. Сева ничего не убирает, понятное дело, молодой человек не в состоянии убирать за собой, знаю я, до какого состояния доходят холостяцкие квартиры, но так и не поняла, почему?? Почему они не могут жить в чистоте? Это что, их внутренняя грязь проступает наружу? Я, скажем, не люблю

уборку, но я до такого безобразия всё-таки не дохожу. Есть в голове образ того, что должно быть. Пусть сейчас идеал недостижим, но есть, и к нему надо двигаться. А у них и идеала нет. Они просто разрешают себе это – дескать, неважно. А что важно? Чем они таким важным заняты? Нет, как хотите, не могу я всерьёз относиться к людям, которые не могут приготовить себе еду, помыть посуду, пришить пуговицу, постирать своё бельё. Или ты в состоянии нанять прислугу, или делай это сам.

Я уберу квартиру на Вишневого, приведу всё в порядок, и для этого не понадобится так уж много времени. Главное – метод, как любил говорить Эркюль Пуаро. Хотя кто-кто, а уж я-то могла бы быть избавлена от подобных хлопот как много и плодотворно работающий человек. Устала сегодня – стирка, поиски книг по химии для Коли, рынок, магазин, дорога в Комарово. Умных мыслей как-то не было. Хорошо, что она заканчивается, эта трудная, неблагодарная, унижительная и несвободная женская жизнь. И приближается какая-то другая. Ещё каких-нибудь пять лет, и всё. Коле будет двадцать, и я буду куда свободнее. Если следить за здоровьем и не схлопотать от судьбы внезапного удара, лет десять можно будет неплохо пожить – писать, путешествовать. Взвешусь завтра утром, тогда будет ясно, как идут дела с превращением. Вроде ничего не нарушала.

2005 год

Июля 22 число

На часах 15:00

На весах 97,6

Написала статью в «Пульс». «КД»: 72. 500

На часах 22:30

Довольно много сделала сегодня – две статьи, в «Собаку» и «Пульс», обе забавные. Но настроение плохое. Коля не приехал, как обещал, я рассердилась. Отчего-то всё время лез в голову К. и вся эта горькая история. Но что делать – изба-

виться невозможно, если думается, надо думать. Да ведь это бросовое занятие, мне ничего не переделать, только и можно, что плакать от горести. Дозвонилась Ренате, поскольку «Амфора» хочет издать её прозу, и просила (просил – я имею в виду редактора Назарова) как-то её сыскать. Рената была мила, перезвонила, сказала: «Ах, мы друг друга немножко потеряли, но я всегда помню о вас, какая у вас потрясающая книжка». Славная девчонка, я всегда была за неё. В ответ на просьбу «Амфоры» – «О, а у меня ничего такого нет, чем бы я могла поделиться с читателем.» Смешно – одних сценариев сколько. Есть что публиковать, конечно. Другое дело, может, ей совершенно не до этого. Все СМИ упорно утверждают, что Рената живёт с Земфирой. Идеальная пара, что и говорить. Но так открыто у нас пока не принято, да и мужчинам обидно – что они отвергнуты в принципе, ведь уж кто-кто, а Рената всегда имела выбор. Но, видимо, дело уже в органике, в коренных свойствах личности. Интересно, могла бы я жить с женщиной? Наверное, вряд ли. Одна – понимаю. С мужчиной – понимаю. А с женщиной – это как-то для меня... маргинально, что ли. Скорее всего, я непарная вообще. Мне всегда нравились идеи служения чему-то внеличному и возвышенному.

Сегодня вспомнила, подсчитала: я влюбилась первый раз (серьёзно, в живого человека, а не в отвлечённый образ) в 19 лет. Сейчас мне 46. За 27 лет я испытывала любовь шесть раз. Примерно с одинаковой силой, хотя чувства были различны по составу и характеру. Шесть раз сжигал меня мучительный жар. Это было ужасно. Однако в безумном этом жаре напрочь выгорало в душе всё мелкое, суетное, корыстное, недостойное, грязноватое. В итоге получался кристалл, который после краткого перерыва снова поступал в обработку. Больше я поступать в эту обработку не хочу никогда. Прошу применять ко мне другие средства для личностного роста. И всё-таки как жаль чего-то! Сама не знаю, чего. Какой жил во мне дивный дар и как мало он пригодился. Он

есть и сейчас, только замкнутый сам в себе, грустный, обиженный. Пусть он погибает – я не отдам его недостойным. Не отдам, и всё. И печаль как-нибудь пройдёт. Надо только спокойно жить дальше, правильно и с толком используя время. И самое грустное, что всё исполнится, как должно, и все, кто причинил мне боль, будут разнообразно наказаны – не мной, я об этом не думаю, для этого существует «главное управление исполнения наказаний». Медленно, как всегда, – но неотвратно. Мне от этого ни радости, ни пользы. Я бы даже хотела отменить наказание – но это не в моей компетенции. Жду Севу – собирался приехать. Эх, дети, дети. Служу вам, служу, а в результате на старости лет всё равно буду куковать одна.

*2005 год
Июля 23 число
Комарово
На часах 18:50
На весах 97,5
«КД»: 82. 000*

Приехали дети. Вчера вечером Сева, днём Колян. Спокойствие закончилось.

*2005 год
Июля 25 число
Комарово
На часах 19:40
На весах 96,8
«КД»: 93. 000*

Вчера вечером была у Снеговых. Пила чай на террасе, потом читала книгу Валерия Попова «Третье дыхание». Напишу позже, сейчас что-то устала, хотя работала не так уж много. Видимо, есть фартовые дни и нефартовые, что там ни мудри.

Продолжаю. На часах 23:40. Коля кобенится, заявляет, что ему тут нечего делать, хлопает дверями, но охотно ест и играет в карты. Когда они вместе с Севой, начинают беситься, вопить на своём птичьём языке. Я их люблю и потратила на них изрядный кусок жизни. Не задумываясь умру за них. Но шум раздражает. Безделье их раздражает. Впрочем, это не смертельно, можно потерпеть. Жизнь человека зависит от нескольких близких людей – об этом и написал Попов. Его повесть – о нём самом, об отце и жене, отцу 92 года, жена – хронический алкоголик, на грани – или уже за гранью распада личности. «Наша любовь питалась алкоголем, – пишет автор, – им же и отравилась, и теперь, без него, превратилась в ненависть». Были молодые и весёлые, пили легко и с удовольствием, а потом женщина распалась, а мужчина остался цел. Обыкновенная история, которая не становится от этого менее ужасной. Попов написал эту повесть, чтобы как-то вызвать судьбу на бой. Не знаю, легче ли ему сейчас. Многое написано хорошо, без фокусов, страшно. Многое – вздор, сюжетная шелуха. Это на самом деле типичное женское превращение: то, что пленяло в молодости – сила жизни, прелесть, темперамент, излишек весёлости, легкомыслие, чувственность, – превращается с возрастом в неопрятность, поиск забвения, жадность, злобу. У жены алкогольный психоз на почве, конечно, ревности – стала стареть, как удержать мужа? А вот нашла выход, привязала до гроба, поскольку он уйти, бросить близкого и когда-то любимого человека не может, такой характер. Вообще эта парная жизнь ужасна. Очень редко – прекрасна, чаще ужасна. Один пожирает другого, никак не может иначе. Жрёт тот, кто сильнее, особой силой сильнее. Это может быть хрупкая дамочка сорок кг. весу... Лучший выход? Одиночество. Самый здоровый и самый честный.

«КД» приближается к концу. По-моему, забавно. Хочется съездить в детство – на станцию Каннельярви. 16 лет или даже больше! «Ведь там моё осталось сердце...»

2005 год
Июля 26 число
Комарово
На часах 23:59
На весах 96,6

Сегодня я закончила сценарий «Конечно, Достоевский!» – 100.100 знаков. Ура! Я молодец! В качестве поощрения... даже не знаю, что себе разрешить в качестве поощрения. Приедет Серёжа – выпью винца на заливе, вот. Устала, лягу-ка я спатеньки. Играла сейчас с Колькой в карты – это смешно. Ну вот, я решила, что за лето напишу два сценария и кусок романа листа на два, такая программа-максимум при благоприятных обстоятельствах. Вес решила сбрасывать постепенно, неторопливо, к 1 августа мечтала иметь 93 кг. Написала один сценарий полностью, второй – на треть, роман тоже малость двинула. Вес пока 96,6. Хорошо. Хо-ро-шо. Пока я выхожу молодцом. С Божьей помощью.

2005 год
Июля 29 число
Комарово
На часах 15:02.
На весах 96,2
«Солнцеворот»: 53. 400

Продолжается мой монастырь: придерживаюсь строгого распорядка дня, каждый день хожу на озеро, пишу, вечером общаюсь с дитятыми. Вот только дневник несколько затормозил – ездила в город 27 числа, тот день выпал, потом, после вечерней игры в «Кинга» с ребятами, как-то резко уставала и писать не было сил. Посмотрю, как сегодня будет – надо всё-таки зафиксировать некоторые мыслишки. Миша и Маша поехали в Крым («Солнцеворот»), история развивается. Тоже очень живая история, и мои герои как будто вот ждут меня для продолжения своих дел.

2005 год
Июля 30 число
Комарово
На часах 15:30
На весах 95,9
«Солнцеворот»: 58. 100

2005 год
Августа 2 число
На часах 21:30
На весах 95,3
«Солнцеворот»: 61. 000

Ну вот, безобразие какое, какой перерыв огромный в записях. Что было? Жила по расписанию, прочитала корректуру своей книги «Люблю и ненавижу» в «Амфоре», сделала последний массаж в «Мирамеде», осталась одна мезотерапия. 5 июля я весила 101,7 кг – с этого начались записи, а теперь, 2 августа – 95,3. Это уже кое-что! К врачам-то я пришла 111 кг! Ужас. До чего себя человек довёл. Скидывать 6–7 кг в месяц – это вполне нормально. До какой цифры доходить, где идеал? Это надо посмотреть на практике. Я себя никак не изнуряю, не голодаю, не потею на тренажёрах – утренняя прогулка пешком до озера, и всё. 9 км получается – плюс плавание где-то полчаса. Всё хочу попробовать сделать «чистый день» – без еды и курения. Это, мне кажется, будет хорошо. В моём центре есть какие-то ещё загадочные оздоровления – криотерапия, озон. Попробовать, что ли? Да и к массажу я привыкла, нравится.

Серёжа одобрил моего «Достоевского» и сделал только три небольших замечания – два по существу действия и одно – для проходимки текста в Госкино. Он прав, по-моему. Замечания учла, и сегодня отшлифовала текст. «Солнцеворот» понемножку двигается, всё-таки отдам его Юлии Ауг, пусть дебютирует со свистом. Нет сил писать

ещё какой-то третий сценарий, хотя я его и придумала («Чёрный бархат»), и меня что-то тянет в свой роман. Роман скучает без автора и сам сочиняется, просит человеческой руки. Таков мой «монастырь», и мне в нём с каждым днём всё привычней и спокойней.

Да – но вчера, в городе, от вида знакомых мест, чреватых появлением знакомого человека, был приступ острой душевной тоски. До слёз. Господи, этой беде уже полтора года, а душа всё болит. Какая она у нас нежная. Я спокойно дала душе поплакать – это её законная часть, пусть она своё возьмёт. Это нормально. Не надо сопротивляться боли – она не заберёт больше того, что ей положено. Проснулась уже в хорошем – то есть в «никаком» – настроении и пошла по распорядку дня. Это благо – распорядок дня.

Я не чураюсь людей и разговариваю с ними при случае, но, конечно, что-то происходит по этой части. Бессмысленного, излишнего общения у меня уже не будет, наверное. А было – в большом количестве. Пора ценить время.

Несколько дней назад на дороге к кладбищу встретила группу, идущую на могилу Зиновия Яковлевича Корогодского, – Гриша Козлов, Аркадий Коваль, Миша Брашинский и студенты. Был день его рождения. Корогодского помнят и любят все его ученики – видно, правильный был педагог. У него был отличный театр в семидесятых годах, просто отличный, оригинальный, с блестящей труппой. Я видела все спектакли, была фаном тогда. К концу 70-х началось увядание. 80-е – близко к распаду. Но молодых он любил и возился с ними прилежно. Жизнь сложна всё-таки. Он лично мне не нравился. Ответить на вопрос: может ли гомосексуалист возглавлять детский театр? – я не могу. Он же не приставал к пионерам. На творчестве педерастия его никак не сказывалась – вполне укладывалась в рамки некоторой извращённости детского театра вообще (травести и т. д.). Он никого не преследовал, не домогался агрессивно. Как-то по-тихому устраивался. Всегда в его

театре были привлекательные актрисы – Шуранова, Вагнер, Лебедева, Уржумова, Старых. Абсолютно полноценные герои – Иванов, Каморный. Так что никому не мешало. Но в 80-х годах театр ослабел. Может, по общим каким-то законам? Все же ослабели, никто не расцветал тогда. Его сильно опозорили, была типичная гэбэшная провокация. Никакие хлопоты не помогли – и с этих пор Театру юных зрителей счастья не было. А кому оно было? Тогда молодая энергия сместилась в рок. Потом – в никуда. Где она сейчас? В реалиги-шоу? На фабрике звёзд?

Придумала фразу: «Совершенно безвкусный человек – живёт с падчерицей. Разве можно после “Лолиты” жить с падчерицами?»

На «СТО» возобновляется «Итожа». Наверное, всё-таки вернусь – Таню Правдючку изображать. Чего? – развлечение всё-таки. Одуреешь писать целыми днями. Деньги небольшие (сто долларов за монолог) – но прикольно же. В сентябре, наверное, вернусь на «Эхо Москвы». Только поторгуюсь малость – чтоб хоть на булавки хватало. Всё-таки нужен стабильный заработок, где-то в 1000 уе. Это совсем немного – любой владелец ларька в пять раз больше зарабатывает. Денег я трачу всё меньше – но будет расход на медицинские процедуры, и потом – переезд. Вот переедем, обустроим Севу, сами кой-что подкупим... Здоровье нужно. Здо-ро-вье.

Хорошо бы в сентябре съездить в Щелыково, к Островскому. В прошлом году я испытала там необычайный, благодатный душевный покой. Чистое, тихое счастье. Присутствие Бога. Запах Бога – такое же было, когда мы с детьми поехали в мае в монастыри – Введено-Оятский и Александра Свирского. Солнечный, лесной, тёплый запах Бога. Ему не нужна реклама, не нужно агрессивно размахивать своими атрибутами и настаивать на себе. Хочешь света, покоя, тишины, радости – иди сюда, на запах. Не хочешь – как хочешь. Очень просто.

2005 год
Августа 21 число
Комарово
На часах 0:25
А весов нет!

Выбросила я весы – почувствовав, что превращаюсь в маньяка, заикленного на килограммах. Нет, ничего этого больше не надо. Всё продолжается – но без ежедневных волнений насчёт граммов. Значение имеет только общее самочувствие, общая тенденция, а она всё та же. Итак, я съездила в Выборг на кинофестиваль, там общалась с людьми и смотрела родное очень странное кино. По общему мнению, я выгляжу отлично и свежо. Ладно. Говорухин прочёл «Солнцеворот» и похвалил, только сказал, что диалоги надо сделать ещё остроумнее, а то много проходных. Это правда – я же ещё не сокращала, текст же в работе. Там 81. 000 уже – половина или больше. История растёт, Говорухин потребовал закончить к 2 сентября (в шутку, но может и не в шутку). Покажет Юлии Ауг. Люди меня ничем не напрягали, не раздражали, поскольку я от них ничего и не ждала. Было спокойствие. Два раза выпила красного вина, но так, умеренно (по прежним-то меркам). 19 августа была в церкви, там, в Выборге. Вернулась на канал и уже два раза выступала как Правдючка. Книга в «Амфоре» скоро выйдет – вроде как чуть ли не в понедельник будет сигнал. Вот это работа! Очень здоровое, деловое издательство... Пора оставить эту резкую манеру – рвать, уходить, ненавидеть, забывать... Легче надо, мягче, терпимей – и холодней. Это, наверное, хорошо – когда мягко, легко и холодно. Как мороженое. Не стоит нагружать людей своими надеждами – у каждого свой путь, и никто мне ничего не должен. А я – я сама приму решение насчёт того, должна я или нет. Много во мне было слизи, воспаления, горячки, лишних эмоций, нервов, избыточных проявлений. Да, я создана как избыток и чрезвычайность – но для чего это ещё и усугублять? Наверное, это

жизнь после смерти, и та Танечка умерла – но эта новая женщина, которая рождается сейчас, совсем неплоха. У неё есть преемственность, она не на ровном месте создаётся, но из прежнего материала. Я хочу гармонизироваться – разве это недостойная задача?

Про кино надо писать в «МН», так что здесь ничего разводить не буду. Лучший фильм, наверное, – «Требуется няня» Ларисы Садиловой (но он не в конкурсе). Массы его никогда не примут, поскольку это фильм аналитический, а массы не выносят анализа. Никогда не выносили. Надо оберегать подобные явления, на которых есть тень доктора Чехова, – им всегда трудно. Господи, неужели у нас был доктор Чехов. Кажется невероятным. Возился с какими-то писательницами, кашлял, сажал деревья, лечил мужиков и баб, с какой-то дикой, сверхъестественной скоростью рос духовно – этот рост, может, и сокрушил его плоть. Писать лучше Чехова невозможно. Это предел. Представляю себе, как бы он меня отчитывал за мои сочинения – но мягко, иронично, с симпатией, как мне кажется. Я тоже попытаюсь расти. Думаю, третья книга будет лучшей («Госпожа Веницкая»), если всё пойдёт хорошо. А одна из моих книг должна получиться классической, на долгое время («Путешествие Аграфены»). Но на это нужен досуг, деньги, покой, развитие... С деньгами неважно. Ну ладно. Жила бы страна родная... а кстати, она живёт? Непонятно. Завтра хлопотный день – пойду-ка я баиньки.

(На этом летний дневник обрывается)

2006 год

Марта 3 число

Васильевский остров

На часах 20:10

На весах не знаю.

Что ж, я перечитала свой летний дневник и решила написать что-то вроде послесловия. Нет, удержать вес после того,

как я бросила курить, не удалось, да я и не пыталась, с удовольствием поглощая конфеты и мороженое. Погуляла, что называется, – так что теперь опять придётся возвращаться к аскезе. Но чувствую я себя неплохо. Киносценарии мои лежат в Госкино и могут дать плоды. Я держусь. Держусь. Я буду идти – назло, вопреки, несмотря ни на что.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ 2005–2006

Раз, два, три – игра закончена	7
Присутствие духа	16
Как я развалила Советский Союз	19
Идиотки	22
Вольно! <i>Вспоминая девяностые</i>	25
В час роковой. <i>Признание автора</i>	30
Здравствуй, грусть	33
Трагедия колпака	36
Зина, держись!	39
Летать не надо	42
Русская дырка	44
Нельзя жить можно	47
Вред любви очевиден	49
...а чёрта не дразни	52
Остров Петербург	54
Исчезающий остров	57
Музей печали. <i>Посвящается 303-летию Санкт- Петербурга</i>	60
Люди будущего	63
КОНЕЧНО, ДОСТОЕВСКИЙ! <i>Киноповесть</i>	67
ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОЛНЦА. <i>Киноповесть</i>	141
ПОСЛЕДНЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. <i>Рассказ</i>	229
ДНЕВНИК	247

Татьяна Москвина
ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

Редактор С. Коровин. Художественный редактор А. Весслов. Корректор Е. Коваленко. Компьютерная верстка Н. Халимончук.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953900 – художественная литература.

Подписано в печать 24.09.06. Формат 60 x 88^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 5000 экз. Заказ № 2822.

ООО «Издательство «Лимбус Пресс». 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14. Тел. 712-6706. Отдел маркетинга: тел. 575-09-63, факс 712-67-06. Тел./факс в Москве: (495) 648-10-72, 648-10-73.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906». 195299, Санкт-Петербург, ул. Киришская, 2. Тел. 531-20-00.

Книги издательства «Лимбус Пресс»
вы можете заказать на сайте
www.limbus-press.ru

Татьяна Москвина
ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

Для меня Татьяна Москвина – критик и публицист номер один. Еще двадцать лет назад кто-то мог с ней соревноваться, но сейчас и близко никого нет. Иные ее статьи по точности анализа можно было бы назвать математикой искусствознания.

Виталий Вульф

Я с удовольствием поставил пьесу Татьяны Москвиной «Па-де-де» в театре «Школа современной пьесы» – среди кошмаров современной драматургии она выделяется ясностью стиля, чистотой и юмором, напоминающим чеховский. Был бы рад, если бы киносценарий Москвиной реализовался в моей студии. Но ее сочинения для кино можно читать и глазами, как хорошую, остроумную прозу.

Станислав Говорухин

Есть женщины, блещущие красотой, а Москвина блещет умом – так отчаянно, что даже страшно.

Михаил Козаков

ISBN 5-8370-0448-3

9 785837 000448

www.limbus-press.ru

RUSSIAN